

А.К. Амброз
Хронология древностей Северного Кавказа V-VII
вв.

// М.: 1989. 134 с. ISBN 5-02-009448-X
<http://kronk.narod.ru/library/ambroz-ak-1989.htm>

А.К. Амброз (1929-1985) — крупнейший исследователь раннесредневековых древностей юга Восточной Европы. Знания его в этой области можно назвать энциклопедическими. Он разработал единую хронологическую систему, выявившую взаимосвязи разных культур IV-VIII вв. Южной Европы и Азии. Настоящая книга представляет по существу развёрнутый ответ А.К. Амброза оппонентам по дискуссии, развернувшейся вокруг проблем хронологии. Ему не суждено было дождаться выхода книги в свет. Но труды А.К. Амброза долго будут необходимы широкому кругу археологов и историков.

Содержание

Абрамова М.П. Предисловие редактора. — 3-5

Развитие взглядов на хронологию северокавказских древностей V-VII вв. — 6-19

Проблема выделения памятников V-VI вв. на Северном Кавказе. — 20

Северокавказские древности VII в. — 61-62

Датировка северокавказских погребений групп II и III степных древностей и дискуссия о «гуннской» хронологии. — 63

Заключение. — 85-86

[Иллюстрации: Рис. 1-45. — 87-131]

Список сокращений. — 132

Предисловие редактора. ^

Вопросы хронологии — тема, которой А.К. Амброз занимался всю свою недолгую жизнь. Работу над широко известным сейчас всем археологам сводом фибул он начал ещё будучи студентом МГУ. Приступив к составлению свода фибул V-IX вв., А.К. Амброз установил, что существующая хронология этих древностей во многом устарела. Объяснялось это, по его мнению, тем, что датировка эталонных для хронологии памятников проводилась на основании найденных в их комплексах монет, а безмонетные памятники датировались по аналогиям из памятников-эталонов. Столкнувшись с этим, А.К. Амброз понял, что прежде чем начать исследование отдельных категорий вещей, необходимо разработать вопросы хронологии раннесредневековых памятников Восточной Европы.

А.К. Амброз выступил против старого, традиционного метода датирования и разработал свой метод, начав с создания относительной хронологии однородных групп памятников. В результате проделанной работы ему удалось получить единую относительно-хронологическую систему, которая показывала взаимосвязь между всеми этапами развития разных культур IV-IX вв. Южной Европы и Азии.

Итоги этой огромной работы были изложены им в краткой форме в статье, опубликованной в 1971 г. в журнале «Советская археология» [Часть I, Часть II]. А.К. Амброз предложил новую хронологию для целого ряда памятников Восточной Европы. В частности, среди памятников степных районов V-VII вв. он выделил три группы кочевнических древностей. Это исследование было защищено им как докторская диссертация в 1974 г.

Работа А.К. Амброза вызвала оживлённую дискуссию, начавшуюся сразу же после публикации статьи и продолжающуюся по сей день. В 1976 г. в Ленинграде состоялся симпозиум, посвященный хронологии раннесредневековых памятников, где прошло обсуждение проблем, поднятых в статье. Наибольшие споры вызвала предложенная А.К. Амброзом передатировка ряда памятников, относимых ранее к гуннской эпохе.

Объём журнальной статьи, содержавшей основные итоги работы А.К. Амброза над хронологией раннесредневековых древностей, не позволил ему детально аргументировать свою точку зрения, поэтому он снова и снова возвращался к отдельным её разделам, учитывая и доводы своих оппонентов, и вновь появляющиеся археологические материалы. Так, хронология степных древностей была рассмотрена им в томе «Археологии СССР» «Степи Евразии в эпоху средневековья» (М., 1981. Гл. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.).

Публикуемая книга посвящена тому же кругу древностей — памятникам V-VII вв. За основу взяты комплексы, открытые на Северном Кавказе. Впервые собраны и прекрасно проиллюстрированы все известные

(3/4)

северокавказские комплексы указанного времени. А. К. Амброз выходит за рамки V-VII вв., разбирая целый ряд северокавказских комплексов III-IV вв., подробно обосновывая их дату, освещая особенности ювелирного стиля разных эпох и разных областей, иногда связывая появление этих особенностей с определенными историческими событиями.

А.К. Амброз отмечает, что исследованные северокавказские древности находят некоторые аналогии в выделенных им группах кочевнических древностей. Особое внимание он уделяет тому моменту, который вызвал наибольшие возражения со стороны многих археологов: предложенной им передатировке ряда известных памятников IV-V вв. и отнесению их к VII в. Если прежде этот период был освещён им в значительной степени конспективно и выводы не всегда были достаточно полно аргументированы, что и вызвало возражения, то можно сказать, что настоящая работа полностью лишена этих недостатков. В ней впервые А.К. Амброз детально обосновывает ход своих рассуждений, показывая, как и почему возникла у него мысль о передатировке некоторых памятников, относимых ранее к гуннской эпохе, чем он руководствовался и на чём основывался, выделяя три группы кочевнических древностей.

А.К. Амброз убедительно доказывает, что высказанный ему в ходе дискуссии упрек в недостаточно полном использовании всех материалов комплексов неправомерен. В публикуемых таблицах отражены материалы всех комплексов рассматриваемого времени, открытых на Северном Кавказе, а в качестве их аналогий — комплексы степных древностей и отчасти древностей Крыма и Западной Европы. Иллюстративный материал делает очень наглядной систему построений автора, а тщательная аргументация выводов убеждает в правомерности выделения трёх групп кочевнических древностей.

Более сложен и спорен вопрос об абсолютной дате этих групп. А.К. Амброз приходит к заключению, что комплексов V в. на территории Восточной Европы значительно меньше, чем считалось, тогда как круг древностей VII в. он находит возможным расширить именно за счёт памятников, относимых ранее к V в. Дата комплексов, объединённых им в группу I (V в.), по-видимому, ни у кого не вызовет возражений. Комплексы групп II и III, в какой-то степени, по А.К. Амброзу, синхронные, датируются им определённо VII в. и предположительно заходят в VI в.

А.К. Амброз очень обстоятельно аргументирует свою точку зрения, однако, по-видимому, последнюю точку в развернувшейся дискуссии пока ещё рано ставить. В этой связи хочется остановиться лишь на некоторых спорных моментах в системе построений автора.

Представляется, что с течением времени положение с памятниками V в. не проясняется, а усложняется, поскольку сокращаются критерии для их выделения. Здесь имеются в виду не ювелирные изделия гуннской эпохи, которые проработаны А.К. Амброзом очень тщательно, а их хронологические признаки уточнены вплоть до мельчайших деталей. Речь идёт о рядовых погребениях. Раньше существовал ряд

датирующих признаков, общих для погребений IV-V вв. Затем А.К. Амброз очень удачно, на мой взгляд, выделил признаки, характерные для пряжек как IV в., так и V в., что позволило отделить некоторые комплексы IV в. от комплексов V в. Теперь фактически исчез и этот критерий для выделения памятников

(4/5)

V в., так как в работе неоднократно отмечается, что характерные для V в. пряжки с длинным язычком встречаются и позже — в VII в. К VII в. относятся все комплексы, где эти пряжки найдены вместе со штампованными (плоскими или полыми). Но ведь нет пока никаких оснований отрицать возможность появления таких пряжек в V или начале VI в. По-видимому, для уточнения этого вопроса следует обратить особое внимание на время появления штампованных пряжек, подробно рассмотрев хронологию ранних комплексов, в которых они найдены.

Исследуя некоторые из северокавказских коллекций, А.К. Амброз находит в них признаки, характерные для разных выделенных им групп, и предлагает расчленить их, что выглядит не всегда убедительно. Тот факт, что инвентарь не одного, а целого ряда, казалось бы, единых комплексов (погребения у Лермонтовской скалы (10), Верхней Рутхи, Здвиженского, Брута) попадает в разные хронологические группы, отстоящие друг от друга довольно далеко (V и VII вв.), пожалуй, не снимет прежние сомнения у оппонентов А.К. Амброза.

Автор прав, когда говорит, что все северокавказские памятники гуннского времени оставлены не гуннами, а местным населением. Однако трудно согласиться с тем, что все погребальные памятники этого времени представляют собой, как и на Западе, единичные погребения или маленькие кладбища из двух — четырёх могил. Это допустимо для степи, а на Северном Кавказе могло быть лишь в том случае, если предположить полное отсутствие осёдлого населения не только на равнине, но и в горных районах. Не объясняется ли незначительное число погребений гуннского времени тем, что резко сузился круг признаков, необходимых для их выделения?

Книга А.К. Амброза, как и всякое глубокое разностороннее, талантливое исследование, не пресекает возможность дальнейших изысканий, а стимулирует их продолжение на более высоком уровне. Автор рассматривает северокавказские древности на широком фоне древностей Евразии, связывая передвижения народов, изменение художественных стилей с важными историческими событиями, что характерно и для всех других его работ. Чётко изложив и тщательно аргументировав свои позиции, А.К. Амброз отмечает и предварительность выводов. Он не скрывает своих сомнений и призывает к публикации новых материалов, так как только они могут внести ясность в сложную проблему хронологии. Основой же для её решения будет служить эта книга, которую, несомненно, с большим интересом встретят все, занимающиеся эпохой раннего средневековья.

М.П. Абрамова

Развитие взглядов на хронологию северокавказских древностей V-VII вв.

Изучение хронологии археологических памятников V-VII вв. на Северном Кавказе всегда затруднялось недостаточностью их публикаций. Даже и теперь, когда раскопаны многие новые, чрезвычайно важные для темы памятники, их введение в научный оборот сильно отстаёт: ни один такой могильник до сих пор не опубликован целиком по комплексам — так, как этого требует современный уровень археологической науки.

Другой трудностью в изучении северокавказской хронологии был её заметный отрыв от хронологии синхронных древностей в других частях страны и особенно за рубежом, в дунайских странах, где ряд сходных с северокавказскими форм обнаружен в хорошо датированных сочетаниях.

Исключением стало только сопоставление с древностями Керчи, которые долго считались точно датированными на основании находок в них римских монет.

Так как изучение эпохи переселения народов — сравнительно молодой раздел археологии нашей страны, ему долго была свойственна методическая неоформленность. Специфика материала этой эпохи (большой процент одиночных, случайно находимых погребений, крайняя малочисленность монет, отсутствие датированных надписей, наконец, неизученность поселений с точной фиксацией слоёв в их стратиграфической последовательности) требовала выработки соответственной методики исследования. Это касается не только Северного Кавказа, но и других областей страны в эпоху переселения народов, и в первую очередь — Крыма.

Начало изучения древностей V-VII вв. и создание основы их хронологии относится к концу XIX — началу XX в. Этим занимались исследователи, прошедшие школу античной археологии, привыкшие к обилию уже датированных их предшественниками античных импортов, многочисленности монет, находкам датированных надписей, наконец, к привлечению многочисленных письменных источников для истолкования находимого материала. Ничего этого не было в древностях эпохи великого переселения народов. Они в то время на юге России изучались ещё не специально, а лишь попутно с иными, более интересными древностями. Поэтому исследователи Крыма обычно не привлекали археологических аналогий эпохи переселения народов из других областей, а датировали находимые ими послеантичные находки только по монетам. Это было проявлением методической беспомощности, но, к сожалению, надолго определило пути исследования эпохи переселения народов на юге Восточной Европы, в том числе на Северном Кавказе. Считалось, что созданная на рубеже XIX-XX вв. крымская (особенно керченская) хронология может служить надёжным эталоном для соседних областей.

(6/7)

Археологи-любители, создававшие эту хронологию, не знали одного из основных правил научной археологии: сначала разработать относительную хронологию на основе сходства и различия массовых находок, а затем пытаться выяснить абсолютную дату относительно-хронологических периодов, используя монеты и хорошо датированные импорты. Только так можно установить, какие из монет были запоздавшими и не датирующими.

В результате керченские древности IV-VII вв. оказались «сплюснутыми» в хронологии В.В. Шкорпила в один короткий период — «IV в.» или даже вторая половина III — первая половина IV в. — только на основании нескольких монет этого времени. [1] Вера в то, что гуннское нашествие и христианизация обусловили безынвентарность керченских могил V в., иногда приводила даже к курьёзам. Так, заслуженный исследователь Керчи Ю.А. Кулаковский, исправивший серьёзные ошибки своих коллег, настолько верил в эту безынвентарность, что, раскопав разграбленный богатый склеп с вещами VII в. и монетой V в., предположил, что склеп относится к III в., а монету нечаянно уронили грабители, проникшие в склеп в V в. [2] Позднее Л.А. Мацулевич несколько продлил керченские даты, включив в них и V век (для вещей, на самом деле относящихся к VI-VII вв.). [3] Но влияние первоначальных датировок сохранилось. Его не смогли поколебать даже находки Н.И. Репниковым в Суук-Су монет середины и конца VI в. в хороших поздних комплексах. Сам исследователь осторожно не назвал дату раскопанных им могил, а ограничился формальной констатацией того, что в могилах были «монеты V-VII вв.» (считая конец выпуска самых поздних из них). [4] Н.И. Репников сделал уже шаг вперед, отбросив из числа датирующих монеты III-IV вв., также имевшиеся в Суук-Су. Последующие археологи просто отождествили дату монет («V-VII вв.») с датой памятника. Так Суук-Су стал могильником V-VII вв. и очередным эталоном для хронологии Северного Кавказа.

Еще до сложения крымской хронологии большой вклад в первичное изучение хронологии Северного Кавказа внесла П.С. Уварова. [5] По традиции она строила её прежде всего на монетах. Изучая безмонетную кобанскую культуру, П.С. Уварова большое внимание уделяла комплексам. Но, переходя к раннему средневековью, она по сути не обращалась к комплексам, хотя в то время их было добыто уже немало. Раннесредневековые комплексы без монет не привлекали исследователей, не публиковались и не описывались. Поэтому в центре внимания П.С. Уваровой оказались обесцененные из-за депаспортизации коллекции из грабительских раскопок местных кладоискателей, но содержавшие в своём составе монеты или печати. Вследствие этого предложенная П.С. Уваровой периодизация очень расплывчата: период 4 — «первые 6 или 7 веков нашей эры»; период 5 — VIII-XIII вв.; 6 — «восточный» период (позднее средневековье). Всё же видно, что исследовательница стремилась детализировать эту периодизацию. Сопоставляя кладоискательские находки из Верхней Рутхи, где было много вещей, покрытых золотой фольгой и цветными инкрустациями, со сделанными в ином стиле, но тоже инкрустированными вещами из могилы 482 г. в Турнэ (Бельгия), она отнесла их к IV-V вв. Подтверждение этой даты она видела в том, что среди кладоискательских находок в рутхинской коллекции была иранская печать V в. Естественно,

(7/8)

что печать не может датировать такую сборную коллекцию, но привлечение археологической параллели (Турнэ) вполне себя оправдало: среди вещей из Верхней Рутхи действительно есть хорошие образцы V в. К сожалению, как я уже упоминал, привлечение археологических аналогий в то время фактически не применялось. По аналогии с Рутхой П.С. Уварова датировала могилы Задалеска. Следующим этапом она считала «комунтскую культуру», которую выделила по многочисленным монетам VI, VII и VIII вв. из кладоискательских раскопок в Комунте, связав их со столь же беспаспортными поясными наборами, серьгами и другими предметами из тех же мест и датировав эту «культуру» VII-XI вв.

Намеченные с ошибками в 100-200 лет, датировки П.С. Уваровой сначала играли положительную роль при тогдашней слабой изученности кавказской археологии. В определённой мере они удерживались в кавказоведческой литературе даже до 50-х годов.

Уже в XIX в. различными археологами-любителями были вскрыты интересные раннесредневековые комплексы, так и не получившие должного отражения в научной литературе. В конце XIX — начале XX в. раскапывались уже целые могильники. Из них исследования Д.Я. Самоквасова в Верхнем Чми опубликованы только в виде дневника без иллюстраций, но коллекция хорошо паспортизована и номера вещей указаны в отчёте. [6] Напротив, большие раскопки В.В. Саханевым Борисовского могильника были опубликованы довольно подробно и стали классическими для Северного Кавказа. К сожалению, постоянно формально ссылаясь на Борисово как на надёжный хронологический эталон, кавказоведы в течение многих десятилетий не могли оценить реальное значение этого памятника для улучшения северокавказской хронологии. В литературе Борисово обычно фигурировало как памятник V-VII вв. и как будто бы подтверждало керченскую хронологию В.В. Шкорпила — Л.А. Мацулевича. На самом же деле В.В. Саханев, подробно показав близость многих находок из нижнего слоя крымского могильника Суук-Су и ранней части Борисовского могильника и констатировав, что «на основании этой близости к крымским могильникам мы имеем право датировать Борисовский могильник также V-VII вв.», далее уточнил, что ему самому «кажется правильнее всего... датировать эту часть могильника VI в.». [7] Таким образом, о материалах V в. в Борисове В.В. Саханев ничего не говорил. Если бы его мнение археологи оценили должным образом, они могли бы избежать многих ошибок в хронологии не только Кавказа, но и Крыма, и перейти к выработке подробной относительной хронологической периодизации местных древностей.

В последующие десятилетия раннесредневековая хронология Северного Кавказа основывалась на работах П.С. Уваровой, В.В. Саханева и крымских археологов В.В. Шкорпила, Н.И. Репникова и Л.А. Мацулевича. Лишь для конца раннесредневекового периода были внесены ценные уточнения. Е.Г. Пчелина сделала обзор могил VIII-IX вв. (расширенно отнеся их к «VII-IX вв.»). [8] Е.И. Крупнов раскопал и довольно подробно опубликовал богатый склеп из Галиата с монетой 701 г., который он датировал VIII в. [9]

В послевоенный период возрос объём полевых работ и публикаций по проблемам северокавказских раннесредневековых могильников. К сожа-

(8/9)

лению, и в 50-60-е годы развитие детальной хронологии сдерживалось доверием исследователей к давно устаревшей хронологии Крыма как к эталонной для Кавказа. Поэтому Т.М. Минаева относилась к одному краткому периоду (второй половине IV — началу V в.) весь разнородный материал раскопанных ею могильников в Байтал-Чапкане и на р. Гиляч, ссылаясь на то, что в Керчи инкрустированные вещи датированы монетами этого времени. [10] Хорошо зная степные древности гуннского времени, будучи одним из основоположников изучения их хронологии, [11] Т.М. Минаева, вероятно под влиянием традиции, не выделяла в изучаемых ею северокавказских памятниках довольно скудный тогда пласт находок с точными степными аналогиями. Более того, расчленив северокавказские находки на одновременные пласты мешал непререкаемый авторитет крымских археологов, которые совершенно произвольно объединили с комплексами гуннской эпохи гораздо

более поздние керченские склепы с пальчатými фибулами и геральдическими наборами поясов. Отмечая присутствие геральдических изделий среди изучаемых ею материалов, Т.М. Минаева просто устраняла противоречие ссылкой на дату Суук-Су — «V-VII вв.» Формально получалось, что геральдические изделия на Кавказе были обычны и в V в. Поскольку исследовательница при датировании Байтал-Чапкана и Гиляча придавала особое значение инкрустированным украшениям, можно догадываться, почему из датировки Суук-Су и Борисова она брала не весь период «V-VII вв.», а лишь его нижнюю границу — «V в.»: в Суук-Су и Борисове нет таких инкрустированных украшений, как в более северных памятниках Кавказа, и это давало основания считать те более ранними, чем Борисово. Интересно, что Т.М. Минаева постепенно «упоздняла» свою хронологию: сначала — «вторая половина IV — начало V в.», затем уже только «V в.». [12] Наконец, в рукописном экспедиционном отчете за 1965 г. Т.М. Минаева расширила дату Гилячского I могильника уже до «IV-VI вв.». [13] Объяснение кроется в том, что в работе 1956 г. она пришла к выводу, что «изделия с инкрустацией из инвентаря могильника Байтал-Чапкан едва ли могут рассматриваться как совершенно одновременные вещам из керченских склепов 1904 г. ... Могильник Байтал-Чапкан в хронологическом отношении может быть помещён между керченскими склепами 1904 г. и могильником Суук-Су». [14] В 1956 г. Т.М. Минаева ещё писала, что «могильник Суук-Су, как известно, датируется монетными находками V-VII вв.» В 1965 г. дата «IV-VI вв.» появилась, вероятно, под влиянием более точной даты Суук-Су, обоснованной в статье В.К. Пудовина. [15]

Как видно из изложенного, хронология Т.М. Минаевой не была принципиально отделена от последующего изучения северокавказской хронологии V-VII вв., и лишь эталонные работы по Крыму вызвали сильную «заниженность» абсолютных дат и мешали разработке относительной хронологии (периодизации), поскольку в Крыму разнородные древности, накопившиеся в течение 300 лет, оказались ошибочно «спрессованными» в столетний или даже меньший промежуток. Те же аналогии повлияли на датировку К.Ф. Смирновым Пашковского I могильника в пределах «второй половины IV-V вв.», хотя там не найдено и тех немногих комплексов этого времени, которые имелись, по-видимому, в Гиляче (но не были опубликованы). К.Ф. Смирнов считал, что в культуре Пашковского I

(9/10)

могильника есть элементы, общие с сарматскими и черняховскими древностями. Это было еще одним его аргументом в пользу ранней части даты. [16]

Ошибочно «заниженная» хронология могильников Крыма, а на Северном Кавказе — Байтал-Чапкана, Гиляча, Пашковского I, оказала сильное влияние на дальнейшие исследования. Так, В.Б. Ковалевская (Деопик) полностью приняла её при статистической обработке северокавказских бус. Она не рассматривала бусы по комплексам, а объединяла находки из разных погребений в большие группы для удобства статистической обработки. В основу был положен и унифицирован большой материал, датированный разными авторами с разной степенью достоверности. [17] Поэтому применение новых для археологии статистических методов не внесло ясности в хронологию Северного Кавказа и не способствовало её проверке и уточнению. В работах того периода В.Б. Ковалевская, как и остальные исследователи, придавала решающее значение монетам, отчего могилы с близким, одновременным инвентарём зачастую оказывались отнесёнными к разным этапам. Это особенно ярко проявилось в её специальной работе о хронологии могильника Верхнее Чми (Суаргом), [18] как и в посвящённой той же теме более ранней работе С.С. Куссаевой. [19]

Среди различных работ по отдельным вопросам, где проблемы хронологии мало затрагивались, надо особо выделить статью Н.Д. Путинцевой о Верхнем Чирюрте. [20] В целом принимая традиционную хронологию, Н.Д. Путинцева первой попыталась показать, что инкрустированные украшения далеко не однородны и было бы ошибкой все их относить ко времени знаменитых керченских склепов на Госпитальной улице.

Ценные, но, к сожалению, построенные по принципу выбора материала (а не полной его публикации по комплексам) работы появились тогда же и по древностям VIII-IX вв. (К.Ф. Смирнова — об Агачкала, Д.М. Атаева — по нагорному Дагестану). [21] Общее состояние хронологии было причиной излишней широты дат («VII-VIII» и даже подчас «V-VII» или «V-VIII» вв.).

Особое, принципиальное значение для раннесредневековой хронологии Восточной Европы имел выход статьи В.К. Пудовина о хронологии Суук-Су в Крыму. [22] Впервые в отечественной археологии В.К. Пудовин сделал обзор всех взглядов, имеющих в литературе, на дату нижнего слоя Суук-Су и показал, что наиболее обоснована дата не «V-VII вв.», а «вторая половина VI — первая половина VII в.», давно в той или иной форме принятая зарубежными исследователями. Эта дата была определена не только по монетам, но и по огромному археологическому сравнительному материалу, по месту, занимаемому древностями типа Суук-Су во всей сумме детально разработанной относительной и абсолютной хронологии древностей эпохи переселения народов в Европе. Значение статьи В.К. Пудовина в том, что с её появления раннесредневековая хронология Крыма, а через него — и Кавказа могла строиться на основании не только монет (показания которых часто подвержены случайностям их хождения и попадания в могилы, почему и нуждаются в проверке), но и чисто археологических признаков.

Выводы В.К. Пудовина по хронологии Суук-Су были безоговорочно приняты всеми археологами, занимающимися ранним средневековьем,
(10/11)

и широко используются до сих пор. Однако ни исследователи Боспора, ни исследователи Кавказа не обратили внимания на то, что сдвиг на 150 лет вверх (с «V в.» на вторую половину VI в.) начальной даты нижнего слоя Суук-Су оказался в вопиющем противоречии с общепринятой хронологией могильных древностей Керчи и Северного Кавказа. Ссылаясь на уточнённую дату Суук-Су, исследователи столь же спокойно цитировали и устаревшие теперь даты керченских и северокавказских погребений. Правда, уже сам В.К. Пудовин очень осторожно попытался внести уточнения в хронологию Керчи, но здесь он должен был бы резко выступить против традиций не только в отечественной, но и в мировой литературе. Не так легко решиться на подобную ломку, и он попытался найти компромисс между старыми взглядами и новым, а потому его новаторство в хронологии Керчи долго оставалось не замеченным при поверхностном чтении и не повлекло за собой соответствующих изменений в хронологии.

Работая над фибулами II в. до н.э. — V в. н.э., я не мог не заметить противоречия между уточнённой В.К. Пудовиным датой Суук-Су и традиционной хронологией Северного Кавказа. Сначала это касалось только двупластинчатых фибул. Фибулы V в. представлены у нас и особенно на Дунае большим числом комплексов. На Северном Кавказе к ним ближе всего инкрустированные фибулы из Верхней Рутхи. [23] Фибулы

Пашковского I и Чирюртовского могильников имеют соответствие (естественно, с учётом местного своеобразия в обеих областях производства) в фибулах нижнего слоя Суук-Су, датируемого временем не ранее второй половины VI в. [24] Отсюда неизбежен вывод о необходимости сильно сдвинуть общепринятые даты соответствующих северокавказских памятников, таких как Пашковский I, Борисово, Верхний Чирюрт. Однако было трудно сразу отказаться от привычного взгляда. Поэтому в 1966 г. эти наблюдения были сформулированы мной с максимальной осторожностью: «ст. Пашковская Краснодарского края, I могильник, 1949 г., тайник погребения 5... — не ранее второй половины VI в., судя по... кавказской двупластинчатой фибуле варианта II в...., а также другому инвентарю (гранёная калачиковидная серьга, полая пряжка, большая хрустальная буса). Здесь следует оговорить, что в связи с уточнением хронологии некрополей Суук-Су (В.К. Пудовин, 1961) и Керчи ряд основанных на ней датировок северокавказских комплексов (IV-V вв.) придётся пересмотреть в сторону упозднения». [25] Зато по Абхазии уже тогда эти выводы можно было высказать вполне уверенно, благодаря любезности М.М. Трапша, предоставившего мне возможность подробно ознакомиться с его раскопками могильников Цебельдинской долины. Вопреки традиционным взглядам В.Б. Ковалевской и других кавказоведов, что Цебельдинские некрополи не выходят за рамки IV-V вв., [26] мной было к 1966 г. разработано их деление на шесть этапов в рамках III — второй половины VI в. (в Своде фибул помещено лишь краткое резюме тех разделов этой работы, которые касаются фибул). [27] Таким образом, широко и систематически раскопанные М.М. Трапшем могильники Абхазии хорошо подтвердили первоначальное предположение о необходимости существенного пересмотра северокавказской хронологии могильников IV-IX вв. Кратко высказанные мной в 1966 г. наблюдения и выводы не были приняты кавказоведами

(11/12)

(В.Б. Ковалевская, М.М. Трапш и др.) и вызвали их многочисленные возражения, не нашедшие отражения в печати.

Продолжая работу над раннесредневековой хронологией уже специально, я смог на гораздо более широком материале убедиться в необходимости пересмотра северокавказской хронологии. Этому способствовало углубленное изучение древностей V в. из разных областей Евразии, а также новая разработка хронологии эталонного для всей Восточной Европы крымского могильника Суук-Су (намечен более долгий период его функционирования, чем у В.К. Пудовина, и иное, более детализированное деление на внутренние этапы). Во время работы над фондами музеев Северного Кавказа, особенно Кабардино-Балкарии, были найдены, наконец, характерное погребение V в. (из Вольного Аула, раскопанное в 1923 г. М.И. Ермоленко и хранящееся в Нальчикском музее) и яркие, с большим количеством вещей комплексы VII в. (собранные, благодаря энтузиазму М.И. Ермоленко, в 1928 г.). Весь этот крымский, северокавказский и абхазский материал, взятый на фоне общеевропейского, позволил достаточно ясно определить положение таких, считавшихся эталонными памятников, как Байтал-Чапкан, Гиляч и Пашковский I, в которых малочисленность инвентаря в могилах, нередко и его плохая сохранность, а главное, отсутствие полных публикаций (например, материал из Гиляча в большой мере погиб во время войны) не позволяли уверенно определить даты без большого сравнительного материала.

Эти выводы были опубликованы мной в краткой форме в обзорной статье 1971 г. [28] Подробнее, чем в 1966 г., рассмотрена хронология Абхазии. Отмечены малочисленные погребения V в. на Северном Кавказе, ранее не выделявшиеся. Сделана

попытка определить погребения VI в. в Байтал-Чапкане, правда, очень условная из-за отсутствия надёжных аналогий. Почти все могилы Гиляча, опубликованные Т.М. Минаевой в 1951 г., передатированы на VII в., как и весь Пашковский I могильник. Дата могильника в Верхнем Чирюрте сужена до конца VII — первой половины VIII в. Названы ведущие формы вещей V, VII, VIII-IX вв. Пересмотрена по массовым находкам дата погребений Верхнего Чми (Суаргом), которая во многих случаях не совпала с датой найденных в них монет.

Пересмотр хронологии северокавказских памятников не встретил возражений. Упозднённые даты были постепенно приняты археологами. Например, по В.Б. Ковалевской, «многие памятники (например, Байтал-Чапкан и Гиляч), которые до последнего времени принято было считать эталонными для гуннского времени, могут теперь быть надёжно датированными VII и даже рубежом VII и VIII вв. Пересмотр датировок привел к иному пониманию происходивших здесь событий». [29] «Пашковский могильник I ... дал коллекцию одновременных вещей не IV-VI вв., как датировали его ранее, а VII в. (Амброз А.К., 1971. С. 107)». [30]

Раскопки последних десятилетий неизмеримо увеличили объём фактического материала по древностям эпохи переселения народов. Особенно важны раскопки Т.М. Минаевой Гилячского могильника (1965 г.), [31] М.П. Абрамовой — в Бруте, [32] А.П. Рунича — около Лермонтовской скалы, [33] впервые давшие большие добротные материалы V в. на Северном Кавказе, широкие раскопки А.П. Рунича в Мокрой Балке, [34] Кугуле, [35] у Лермонтовской скалы, сильно расширившие имевшиеся представления

(12/13)

о погребениях VII-VIII вв. Ценные данные получены на территории Чечено-Ингушетии (Дай, Харачой, Галайты, Бердуть) [36] и Дагестана. [37] Новые раскопки значительно пополнили и уточнили картину, обрисованную по материалам, накопленным в дореволюционный период (в большой мере происходящим из кладоискательских находок) и при раскопках 30-50-х годов. Теперь имеется действительно массовый надёжный материал для разработки северокавказской хронологии, но, к сожалению, ещё далеко не полно опубликованный.

На материале могильника Мокрая Балка выполнена специально посвящённая хронологии большая работа Г.Е. Афанасьева, из которой опубликованы основные части: классификация керамики из Мокрой Балки, [38] пряжек, [39] общий обзор периодизации и проблемы абсолютного датирования. [40] Г.Е. Афанасьев исходил уже из новой оценки таких памятников, как Гиляч и Байтал-Чапкан, относя к V в. преимущественно комплексы с хоботковыми пряжками, а геральдические украшения поясов — к более позднему времени. Им детально разработана периодизация могил из Мокрой Балки — комплексы разделены на четыре этапа по сочетанию массовых находок. Благодаря такой методике, периодизация убедительна, хотя относительно отдельных типов вещей (и отдельных комплексов) можно спорить.

Более сложен вопрос об абсолютной дате выделенных Г.Е. Афанасьевым этапов. Дата первого этапа основана только на аналогиях, причем автор уточняет её, сдвинув вверх, до соприкосновения со следующим этапом, который он датирует по монетам. Г.Е. Афанасьев применил оригинальный метод среднего статистического определения датирующих показаний монет из могил. Он проследил, как каждый из рассматриваемых типов монет встречается в монетных кладах Восточной Европы и

Закавказья (в центральной части Северного Кавказа монетных кладов этого времени нет). Вычислив разницу между датой монеты данного типа и датой последней монеты каждого клада, он затем суммировал эти числа и рассчитал среднее время запаздывания монет данного типа в монетных кладах. Монеты Кавада I (488-531) запаздывали в среднем на 116 лет, Хосрова II (590-628) — на 29, Маврикия (582-602) — на 43 года, Фоки (602-610) — на 28 лет и т.д. Во втором этапе представлена монета 488-531 гг., погребение с которой Г.Е. Афанасьев, в соответствии со средней поправкой на 116 лет, датирует первой четвертью VII в. На третьем этапе монеты начинаются с 531-579 гг. и завершаются 602-610, 613-641 гг., в чём автор видит свидетельство для датирования второй четвертью VII — рубежом VII-VIII вв. Четвёртый этап датирован первой половиной VIII в. по монетам 659-668 гг. Г.Е. Афанасьев подчёркивает, что в пользу предложенной им абсолютной хронологии говорят два таких обстоятельства, как: 1) последовательность во времени монет из могил второго — четвёртого этапов; 2) эта последовательность состоит из двух независимых друг от друга параллельных рядов монет иранского и византийского чекана. По мнению Г.Е. Афанасьева, эти обстоятельства подтверждают объективность полученной картины.

Мне кажется, что такие среднестатистические коэффициенты запаздывания монет по сравнению со временем зарытия кладов скорее могли бы применяться для поиска средних закономерностей монетного обра-

(13/14)

ния. Там средние числа имели бы какое-то объективное значение. В погребения же монеты попадали индивидуально, в зависимости от многих случайностей. Конечно, в кладе оказывались монеты, имеющие в момент зарытия реальную ценность, почему количество и время сохранения могут быть подчинены определённым закономерностям. Но мы не знаем ни о каких закономерностях отбора монет для погребений. Например, в куче вещей из жертвенной ямы («тайника») в керченском склепе 145 1904 г. лежали вместе индикация монеты 375-392 гг. и не менее тонкий и хрупкий золотой погребальный венок с индикацией монеты 238-244 гг. [41] — разница между ними составляет 137 лет. Венок, безусловно, не хранился столько лет, не был найден в земле и использован вторично — он сделан для данного погребения, но при этом в качестве матрицы использована монета, выпущенная не менее чем 137 лет назад. Чем руководствовались те, кто отбирал и готовил инвентарь для погребального обряда?

Монета могла попасть в погребение через год после её выпуска монетным двором Ирана или Византии, а могла и через 100 или 200 лет. Например, в аварских могилах VII в. нередко византийские солиды того же времени. В последней трети VII в. — вероятно, с общим уменьшением выпуска монеты в Византии — в аварские могилы стали класть вместо монет гладкие золотые кружки размером с монету, а в VIII в. массовым явлением стало помещение в аварские могилы медных римских монет первых веков нашей эры. По грузинским данным И.Л. Джалагания делает вывод: материал монетных кладов «позволяет предположить, что всю вторую половину VII в. Восточная Грузия пользовалась ранее занесённой сюда сасанидской драхмой и византийским гексаграммом, большие же платежи осуществлялись византийскими солидами». [42] Сасанидские монеты обычны в кладах арабских монет из Грузии, встречаются они в таких же кладах и даже могилах X в. и на севере Восточной Европы. По И.Л. Джалагания, сасанидские монеты широко обращались в Грузии в период появления куфического дирхема. Например, в кладе из Апени, зарытом после 833 г., 15 монет Хосрова II запоздали примерно на 243 года, а в кладе из Лелиани — примерно на 219 лет.

Представляется, что в случае с могильными находками монет более правильно ориентироваться на индивидуальные сроки зарытия монет в кладах, а не на среднестатистические. Ведь в погребениях реальный диапазон попадания монет в землю очень широк. Каждый случай помещения монеты в могилу определён какими-то своими причинами. Естественно, что монету брали из той суммы, которая находилась в распоряжении участников обряда (и здесь играла роль закономерность, которую одну и можно было бы искать статистически), но из этой суммы выбирали одну монету по неизвестным нам критериям, и здесь мы вступаем в область полной случайности, не подчиняющейся никакой статистике.

Монеты из погребений выявляют единственную надёжную дату — дату начала выпуска (например, у монеты, выпускавшейся в 590-628 гг., это будет 590 г.), ранее которой погребение с такой монетой не могло появиться. А как далеко реальная дата погребения может сдвинуться вверх по шкале времени от даты выпуска монеты, по самой монете узнать невозможно. Не поможет степень поношенности (совершенно свежая монета могла сотни лет храниться в кладе или сокровищнице), не помогут следы

(14/15)

применения монеты в виде украшения (в монисто можно включить и совершенно новую, и долго бывшую в обращении монету и тут же использовать её в погребальной церемонии, положив в могилу). Привлечение установленной специфическими археологическими средствами относительной хронологии (т.е. стратиграфии слоёв или реконструированной с помощью классификации и корреляции стратиграфии комплексов) помогает отбросить явно анахронические находки монет (например, монету 488-531 гг. лишит всякого датирующего значения найденная в более раннем сочетании монета 590-628 гг.). Но получаемая таким путем абсолютная хронология ещё очень условна, она может сильно скользить вверх. Нужны твёрдо фиксированные точки отсчёта, безусловно связанные с абсолютной шкалой времени. Это надёжно связанные с историческими событиями следы пожарищ (как в Саркеле, разрушенном Святославом) или строительного мусора, могилы исторических лиц (как могила франкского короля Хильдериха в Турнэ), данные дендрохронологии и т.д.

Таким образом, основанная на среднестатистическом обобщении показаний монет абсолютная хронология Мокрой Балки по Г.Е. Афанасьеву пока остается лишь одной из гипотез, одним из многих возможных путей поиска.

Большое значение для уточнения северокавказской хронологии имеют исследования в Абхазии, особенно работы Ю.Н. Воронова в могильниках и крепости Цибилуим. [43] Обширные материалы из могильников Абхазии опубликованы М.М. Трапшем, Г.К. Шамба, М.М. Гунба. [44]

Из работ последних лет особенно надо отметить раскопки А.В. Дмитриевым 525 погребений могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска. Выдающееся значение этого памятника — не только в его размерах, почти полной исследованности, большом и разнообразном инвентаре, но и в том, что этот памятник — единственный на Северном Кавказе, столь полно и разносторонне охватывающий период со второй половины V до IX-X вв. Могильник Дюрсо расположен на стыке Северного Кавказа с Крымом и степью и особенно благоприятен для широкого сравнительного изучения хронологии разных районов, включая даже отдалённое Подунавье, связанное с Дюрсо многими

признаками. Наконец, значение его в том, что А.В. Дмитриев уже ввёл в научный оборот, опубликовав по комплексам, значительную часть материалов, [45] дав их хорошую периодизацию. Он убедительно выделил шесть этапов: I — последняя треть V в.; II — первая треть VI в.; III — вторая треть VI в.; IV — последняя треть VI в. и весь VII в.; V — первая половина VIII в.; VI — вторая половина VIII-IX в. [46] Детали абсолютных дат пока во многом предварительны и, безусловно, будут уточняться с появлением новых данных и новых датированных аналогий, но важно, что в Дюрсо впервые так широко представлены ранее совсем не освещённые на Северном Кавказе этапы I-III, без которых нельзя было правильно понять и целое. Прочие этапы представлены яркими комплексами и тоже вносят много принципиально нового в систему северокавказских датировок.

Исследования, вышедшие после 1971 г., и материалы раскопок последних десятилетий в целом подтвердили и развивают дальше наметившееся в 1971 г. направление в истолковании северокавказской хронологии V-IX вв. Прежде всего это касается основы основ — относительной

(15/16)

хронологии, деления материала на периоды. Правда, и здесь есть дискуссионные разделы, особенно в трактовке древностей типа Шипова (так называемая группа II «гуннских» древностей), по поводу чего целая группа исследователей (И.П. Засецкая, М.Г. Мошкова, В.В. Кропоткин, Д.Б. Шелов, М.П. Абрамова) выступила против положений моей статьи 1971 г. [47] Однако новые материалы и ревизия некоторых старых, общеизвестных находок показывают, что этот вопрос не решить простым голосованием и в пользу выделения такой группы и пересмотра её традиционной даты есть очень веские основания. [48] Меньше данных для завершения спора о дате степной группы III, представленной также на Северном Кавказе, но внимательное изучение контраргументов И.П. Засецкой (других пока нет) показало, что они не имеют доказательной силы, так как в основном базируются на недоразумениях.

Сложнее вопрос о точности абсолютных дат, которые у меня, Г.Е. Афанасьева, А.В. Дмитриева и других кавказоведов опираются на одни и те же монеты и датированные аналогии, но приводят к разным результатам. Это очень серьёзная проблема, нуждающаяся в длительной глубокой разработке и притоке новых фактов. Здесь надо отметить и серьёзные возражения Н.П. Сорокиной против абсолютной хронологии цебельдинских древностей Абхазии, применяемой мной и Ю.Н. Вороновым. [49] Ю.Н. Воронов и О.Х. Бгажба ответили Н.П. Сорокиной, что погребения VII в. в Абхазии всё же есть и этого нельзя не учитывать при постановке проблемы в целом. [50] Они справедливо показали, что было бы неверно фетишизировать предложенную М.М. Трапшем абсолютную хронологию Цебельдинских могильников — II-V вв. — и принципиально противопоставлять её хронологии А.К. Амброза и Ю.Н. Воронова, как это делают их оппоненты. Абсолютные даты в книге М.М. Трапша были основаны на старой, традиционной хронологии Крыма, Северного Кавказа и Поволжья, пересмотренной в последующие годы разными археологами. «Новая датировка не противоречит хронологии, разработанной М.М. Трапшем. Датировав V в. пряжку из могилы 47 в Абгидзраху, он отмечал, что одна аналогия (из Иловатки) относится к „IV — началу V в.“, прочие три („Сахарная Головка” и Суук-Су) — к VI-VII вв. (Трапш М.М. Культура ... С. 168 и примеч. 136-138). В свете новых исследований дата пряжки из Иловатки также исправлена на VI-VII вв. (Засецкая И.П. О хронологии погребений эпохи переселения народов Нижнего Поволжья. — СА, 1968, № 2, с. 59 сл.). Таким образом,

заключительный этап периодизации, предложенной М.М. Трапшем, естественно получает теперь более позднюю дату». [51] Добавлю еще, что и названная М.М. Трапшем в качестве аналогии пряжка из Сахарной Головки отнесена автором цитированной им публикации к «VI-VII вв.». [52]

Важным опорным пунктом для хронологии абхазских древностей, а через них — и Северного Кавказа может оказаться широкое исследование Ю.Н. Вороновым крепости Цибилиум, где при проведении раскопок детально изучается стратиграфия, находимые в слоях монеты тщательно увязываются с историей комплекса и с содержащимся в слоях массовым материалом, делается попытка связать этапы крепости с точно датированными сведениями Прокопия. Изучение этого памятника и его широкая публикация во всех деталях могут внести существенные уточнения в абсо-

(16/17)

лютную хронологию V-VII вв. и дать, наконец, те твердо фиксированные опоры, которых до сих пор так не хватает всем исследователям раннего средневековья Кавказа и Восточной Европы.

Но и сейчас, до введения в научный оборот слоёв Цибилиума и многих других объектов самого Северного Кавказа, благодаря публикациям последних лет и активной разработке многими кавказоведами проблем хронологии, возможности работы расширились во много раз по сравнению с тем, что было доступно до 1971 г. На многое теперь можно посмотреть шире, глубже и гораздо конкретнее, чем тогда.

[1] Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. СПб., 1907. Вып. 25. С. 1, 2, 8; Штерн Э.Р., фон. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // ЗООИД. Одесса, 1897. Т. XX.

[2] ОАК за 1891 г. СПб., 1893. С. 59-61.

[3] Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.

[4] Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готы // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19. С. 32.

[5] Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Т. VIII.

[6] Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908.

[7] Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. СПб., 1914. Вып. 56. С. 159, 160, 165.

[8] Пчелина Е.Г. Два погребения времени алано-хазарской культуры из сел. Лац // ТСА РАНИОН. Л., 1928. Т. IV.

[9] Крупнов Е.И. Из итогов археологических работ // Изв. СО НИИ. Орджоникидзе, 1940. Т. IX. С. 130-168; Он же. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 113-121.

[10] Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. М.; Л., 1951. № 23. С. 297.

[11] Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ г. Покровска // Уч. зап. СГУ. Саратов. 1927. I. VI, вып. III. С. 91-123.

[12] Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. М.; Л., 1956. Т. XXVI. С. 256.

[13] Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982. С. 233.

[14] Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. С. 255, 256.

- [15] Пудовин В.К Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. 1961. № 1.
- [16] Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXVII. С. 155.
- [17] Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. // СА. 1959. № 3; Она же. Северокавказские аланы: Адыгейские племена // Очерки истории СССР, III-IX вв. М., 1958. С. 624-631, 637-642.
- [18] Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI-IX вв. // МИА. М., 1963. № 114; Она же. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // СА. 1961. № 3.
- [19] Куссаева С.С. Археологические памятники восточной Осетии (Чми и Балта) как исторический источник по древней Алании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. С. 13, 14.
- [20] Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2.
- [21] Смирнов К.Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXVIII; Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; Он же. Археологические исследования в Дидо // СА. 1961. № 1; Он же. Поясные пряжки из нагорного Дагестана // СА. 1962. № 2; Он же. Височные привески с четырнадцатигранником // СА. 1963. № 3.
- [22] Пудовин В.К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су.
- [23] Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. — IV в. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. С. 91. Рис. 8, 4, 5.
- [24] Там же. С. 57, 88. Рис. 6, 3; 7, 2; 8, 7, 8.
- [25] Там же. С. 57.
- (17/18)
- [26] Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа ... С. 49.
- [27] Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР ... С. 54, 55, 57.
- [28] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. Ч. I. С. 100, 106-110, 120, 123. Рис. 1; 2; 4-6; 8. Табл. I; То же // СА. 1971. № 3. Ч. II. С. 129, 130. Рис. 13; 15. Табл. IV.
- [29] Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981. С. 83, 87, 89.
- [30] Там же. С. 90.
- [31] Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника... С. 222-234.
- [32] Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. 1975. № 1. С. 227-231.
- [33] Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3. С. 256-266. Ср.: Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 20, 21.
- [34] Рунич А.П. Аланский могильник в Мокрой Балке у г. Кисловодска // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. Т. III. С. 132-150.
- [35] Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4.
- [36] Умаров С.Ц. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни // Археолого-этнографический сб. Грозный, 1969. Т. III. С. 68-79; Виноградов В.Б. Раннесредневековый могильник у сел. Харачой в горной Чечне // СА. 1970. № 2. С. 244-251; Багаев М.Х., Виноградов В.В. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА. М., 1972. Вып. 132. С. 80-86; Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у сел. Харачой // Археолого-этнографический сб. Грозный, 1976. Т. IV. С.

75-90; Он же. Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 200-204; Он же. Галайтинский клад VI-VII вв. н.э. // СА. 1977. № 2. С. 238-242.

[37] Магомедов М.Г. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника // СА. 1975. № 1; Он же. Верхнечирюртовский курганный могильник // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977 (МАД. Т. 7). С. 5-35; Он же. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника // Там же. С. 36-53.

[38] Афанасьев Г.Е. Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 57-78.

[39] Афанасьев Г.Е. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 141-152.

[40] Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 43-51; Он же. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. 1979. № 3. С. 171-185.

[41] Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 15, 16. Рис. 2, 1.

[42] Джалагания И.Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V-XIII вв. Тбилиси, 1979. С. 37.

[43] Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., Юшин В.А. Алуштинский могильник IV-VI вв. н.э. в Абхазии // СА. 1970. № 1. С. 175-190; Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Погребение VII в. н.э. из с. Цебельда в Абхазии // КСИА. М., 1971. Вып. 128. С. 100-105; Они же. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. № 1. С. 171-191; Они же. Ранний горизонт (II-IV вв. н.э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1. С. 181-198; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 67-71; Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II-VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979. С. 49-58. Табл. 35-40; Он же. Древности Азантийской долины. Тбилиси, 1982; Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

[44] Трапш М.М. Труды: В 4-х т. Т. 3: Культура Цебельдинских некрополей. Тбилиси, 1971; Т. 4: Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми, 1975. С. 9-87. Табл. I-XXVI; Шамба Г.К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970. Он же. Археологические разведки 1967 г. в Гагрском р-не // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974. С. 48-62; Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. (18/19)

[45] Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 52-57; Он же. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 212-229; Он же. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

[46] Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы ... С. 69-107.

[47] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1. С. 53-71; Она же. Боспорские склепы...; Засецкая И.П., Маршак Б.И., Шукин М.Б. Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 121; Шелов Д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 84; Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV-V вв. ... С. 225.

[48] Амброз А.К. О месте преградненской и галайтинской находок среди раннесредневековых древностей // XII Крупновские чтения: Конференция по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 1982. С. 56-58.

[49] Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 57-67.

[50] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Новые материалы...

[51] Там же. С. 71, примеч. 4; Ср.: Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды... С. 57 (допущена неточность: «конечную же дату М.М. Трапш, Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронов определяли V и VI вв.» Первые два автора определяли её V в., и только Ю.Н. Воронов — VI в.), 63.

[52] Веймарн Є.В. Могильник біля висоти «Сахарна Голівка» // АП УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 54 («знайдею тут пряжки аналогічні пряжкам VI-VII ст. н.е. із нижнього шару поховань могильника Суук-су»). Рис. 11, 1.

Проблема выделения памятников V-VI вв. на Северном Кавказе.

Долгое время погребения V в. на Северном Кавказе не находили, и потому их место искусственно заполнялось памятниками других периодов. В них пытались найти отдельные признаки, которые могли бы служить подтверждением такого поиска. Первые достоверные погребения V в. были разрушены уже в XIX в. кладоискателями, разграбившими могильник Верхняя Рутха у сел. Кумбулта в Северной Осетии (рис. 12, 9-12; 14, 14-20). Найденные вещи были вырваны из их естественного окружения, и нужно было хорошее знание аналогий, чтобы правильно дифференцировать коллекцию (таких знаний на рубеже XIX-XX вв. ещё не было). Кроме того, вещи V в. были смешаны в коллекции с похожими, на первый взгляд, вещами более позднего времени, также обтянутыми золотым листом и усаженными цветными вставками. Поэтому, хотя П.С. Уварова, как говорилось в предыдущем разделе, и отнесла их к «IV-V вв.», опираясь на весьма отдалённые аналогии из мерovingской Бельгии, [1] находки из Верхней Рутхи не могли послужить опорой для последующего правильного выделения могил V в. на Северном Кавказе.

На рубеже XX в. начали постепенно накапливаться важные аналогии. Д.Я. Самоквасов правильно датировал V в. раскопанные им ранее могилы у Новогригорьевки на Украине. [2] В 1927 г. Т.М. Минаева сделала ценный обзор степных погребений V в. [3] В нём она вернулась и к коллекции из Верхней Рутхи, повторив ошибку П.С. Уваровой: найденные там сбруйные пластинки степных типов и инкрустированные двупластинчатые фибулы она отнесла к одному времени с брошами, также инкрустированными и имеющими головки птиц по ободу. [4] Этим надолго было намечено смешение в одну группу действительных вещей V в. и не имеющих аналогий вне Северного Кавказа инкрустированных изделий более поздних периодов. Такому смешению благоприятствовала полная неразвитость хронологии древностей эпохи переселения народов в Крыму, где всё разнообразие вещей IV-VII вв. искусственно «спрессовывали» в одну группу «готских» древностей IV-V вв., игнорируя археологическую систематизацию и опираясь лишь на римские монеты из погребений и даже из засыпи. Большим препятствием в создании хронологии всегда было отставание с публикациями фактического материала. Поэтому совершенно незамеченным прошло открытие М.И. Ермоленко 7-8 сентября 1923 г. за Вольным Аулом (г. Нальчик) погребения с обильным инвентарём V в. (рис. 9, 1-21). Инвентарь

сохранился в Нальчикском музее в том виде, как он был нашит на картонный планшет самим автором раскопок; уцелела и инвентарная книга 1923 г. с собственноручными записями М.И. Ермоленко

(20/21)

(к сожалению, в последующие инвентаризационные книги музея эти ценнейшие данные не переносились). [5]

Возможно, имелось одно погребение V в. на участке могильника на р. Гиляч, раскопанном Т.М. Минаевой в 1939-1940 гг. Это могила 18, инвентарь которой не был опубликован, и о нём можно судить лишь по приблизительным ссылкам на формы керамики, схематическому рисунку очень заржавленных удил и плану погребения. [6] На плане видна большая пряжка с четырехугольной подвижной обоймой, округлой рамкой и массивным хоботковидным язычком, далеко выступающим за рамку. Такие пряжки появились с V в., но встречались и позже, наравне с более поздними вещами. Удила также могли бы относиться к V в., насколько можно судить по крайне схематичному рисунку. В V в. часто встречается обкладывание концов железных псалиев головками-наконечниками из цветного металла. Труднее судить о керамике: в качестве аналогий Т.М. Минаева указала на опубликованные сосуды из гораздо более поздних могил. Так что и могила 18 могла быть на самом деле моложе V в. Но это единственная могила в раскопках 1939-1940 гг., которую предположительно можно отнести к ранней дате. Все прочие, отраженные в публикации 1951 г., — VII в. Не было могил V в. и в раскопанном в 1949, 1953 гг. могильнике Байтал-Чапкан в Черкесии. [7] Тем более нет никаких элементов V в. в таких поздних могильниках, как Борисово, Пашковский I, Верхний Чирюрт, [8] облик которых определяют прежде всего части геральдических поясных наборов и сопутствующие им другие вещи.

Отсутствие на Северном Кавказе погребений V в., естественно, ставило исследователей в трудное положение, побуждая их искать древности V в. среди имеющихся материалов. В 1951 г. Т.М. Минаева писала: «В общем комплексе инвентаря Гилячских могильников выделяются некоторые предметы, наиболее показательные для определения времени этого древнейшего периода. Это прежде всего предметы с инкрустацией», [9] которые она сопоставила не по форме, а только в самом общем виде, по технике, с керченскими. «Инкрустации сопутствует ещё один мотив — изображение головы хищной птицы. Эти два художественных приёма ювелирного искусства нередко объединяются в одном предмете, ярким подтверждением чему служат и северокавказские находки». [10] Тем самым был временно снят вопрос о существенном отличии форм северокавказских инкрустированных изделий из Гиляча от керченских. В 1951 г. Т.М. Минаева сводила это различие лишь к разному качеству изделий, к разной их ценности: «Изделия с инкрустацией... в IV-V вв. ... приобрели массовое распространение и употреблялись почти всеми слоями общества на весьма широкой территории. Мастерские в это время стали выпускать изделия из материалов самой различной стоимости и, сохраняя те же технические приёмы и стилистические черты, изготавливали совсем дешёвые поделки. К разряду таких украшений и относятся украшения Гилячских могильников, могильника Байтал-Чапкан, Пашковского могильника. Все они, без сомнения, одновременны и могут быть датированы временем изделий керченских склепов 1904 г., т.е. концом IV или началом V в. н.э. ... Такой датировке не противоречат и другие предметы инвентаря Гилячских могильников». [11] В Гилячском могильнике найдены пряжки трёх типов: первый — массивные хоботковые; второй и третий — типичные геральдические, аналогии

(21/22)

которым Т.М. Минаева называет такие: «Пряжки второго типа найдены в керченском склепе 6 (1905 г.) и в могильнике Суук-Су. Пряжки третьего типа найдены в Керчи в 1909 г. и в большом количестве в могильнике Суук-Су. Этот тип пряжек особенно распространён в венгерских находках, относящихся к раннему средневековью». [12] Казалось бы, такие разнородные аналогии должны насторожить исследовательницу в отношении даты, но нечёткость тогдашней крымской хронологии позволяла объединять воедино самые несхожие явления.

В статье 1956 г. Т.М. Минаева уже склоняется к неодновременности местных инкрустаций с керченскими: «Изделия с инкрустацией из инвентаря могильника Байтал-Чапкан едва ли могут рассматриваться как совершенно одновременные вещам из керченских склепов 1904 г. В могильнике Байтал-Чапкан... вещи с инкрустацией сопровождаются вещами более поздними, например Т-образными фибулами, фибулами с плоским щитком и пр. Вместе с тем инвентарь изучаемого могильника имеет много общих черт с Пашковским могильником, с первой частью Борисовского могильника, с могильником Агойского аула близ Туапсе, с некоторыми из крымских могильников. Борисовский могильник (первую его часть) на основании близости его к крымским могильникам В.В. Саханев датирует V-VII вв. н.э., считая V в. наиболее точной его датой. Могильник Суук-Су, как известно, датируется монетными находками V-VII вв. Принимая во внимание общность некоторых вещей описываемого нами могильника с инвентарем могильника Суук-Су, мы должны датировать могильник Байтал-Чапкан временем не ранее V в. н.э. ... Мы считаем, что могильник Байтал-Чапкан в хронологическом отношении может быть помещён между керченскими склепами 1904 г. и могильником Суук-Су. Датой его..., по-видимому, является V в. н.э.» При этом Т.М. Минаева считала, что инкрустированные бляшки, бусы, фибулы — не местного происхождения: «Распространялись они в рассматриваемое время из определённых производственных центров по весьма широкой территории». [13]

Вероятно, не имеет смысла далее цитировать приводившиеся в литературе обоснования выделения памятников «V» или «IV-V» вв. на Северном Кавказе. Все эти обоснования давались в самом общем, приблизительном виде, главными аргументами служили вставки из камней и стёкол и ссылки на то, что тонкостенные геральдические пряжки есть в памятниках с широкой датой «V-VII вв.», потому их присутствие здесь не противоречит ранней дате инкрустации.

Только последующие раскопки дали, наконец, настоящие комплексы V в., резко отличные от всего того, что до 1971 г. приписывалось этой эпохе. И здесь прежде всего есть заслуга Т.М. Минаевой, открывшей самые яркие из этих комплексов при продолжении раскопок на р. Гиляч в 1965 г. Однако задачу выяснить их значение для хронологии решали уже другие исследователи. Северокавказские находки V в. весьма однородны по набору ведущих предметов (рис. 9-13; 17) и имеют хорошие аналогии в степях, в Крыму и на среднем Дунае (рис. 5, 16-34; 6-[7]-8; 15; 16). Казалось бы, споры о древностях V в. должны на этом прекратиться. Но новые находки поставили перед исследователями и новые затруднения. Первое из них то, что на смену тенденциям огульно «удревнять» могильники Северного Кавказа постепенно появляется другая

(22/23)

тенденция — относить часть памятников к более позднему времени, чем говорит их состав на самом деле.

Таким памятником является богатое погребение в Кишпеке (Кабардино-Балкария), которое автор раскопок предварительно датировал V в., [14] и это предположение всё шире входит теперь в обращение среди археологов. Обсуждаемый курган 13, раскопанный в 1975 г., один уцелел от разграбления в древности. В нём имелись оружие, различная утварь. К редким находкам принадлежит шлем, украшенный инкрустациями в гнёздах. Парадная сбруя была отделана инкрустированными бляхами. В погребении были 24 пряжки из цветного металла, бронзовая подвязная фибула, зеркало. К сожалению, пока комплекс опубликован далеко не полностью и в большей части — в весьма схематичных рисунках, не дающих ясного представления о технике орнаментации предметов с инкрустацией. Ряд деталей можно выяснить только по рисункам и фотографиям в отчёте.

Автор публикации Р.Ж. Бетров собрал довольно много сведений о комплексах с полихромными украшениями, связанных с V в., и считает, что кишпекский курган 13 относится к «самому концу IV-V в.» и соответствует той сложной обстановке, «которая возникла здесь после гуннского нашествия». [15] Он видит основное сходство в том, что бляшки геометрических форм обтянуты золотой тиснёной фольгой, широко применяются цветные вставки в напаянных гнёздах, используются зернь и филигрань. Но всё это слишком общие признаки, присущие не только одному гуннскому времени, но встречающиеся в разные эпохи вплоть до нашего времени. Из названных в статье более конкретных признаков не связаны с узким периодом ни соединение удил с уздечными ремнями при помощи зажимов (оно применялось задолго до появления в Европе гуннов и широко известно из находок первых веков нашей эры вплоть до Скандинавии), [16] ни украшение сбруи лунницами (известно в Крыму уже в первые века нашей эры), [17] ни пряжки овальной формы (известны в Крыму и у сармат Поволжья уже в III-IV вв.). [18]

Чтобы выяснить соотношение кишпекских находок (рис. 1, 1-9) с гуннскими, сопоставление должно быть более конкретным, касающимся деталей.

Кишпекские инкрустированные бляхи (рис. 1, 4-7) не имеют близких аналогий среди гуннских (рис. 7, 4-10; 8, 4-10, 15-21; 10, 7, 8; 11, 10-13; 14, 6-11, 14-20; 15, 13). Те и другие, действительно, обтянуты с лицевой стороны тиснёным золотым листком, края которого загнуты под бляху. Те и другие, действительно, украшены напаянными гнёздами, согнутыми из ленточки. На этом всё сходство кончается. Тиснёный орнамент гуннских блях очень прост и весьма однообразен: рубчатые полосы вдоль краёв; короткие поперечные перемычки; продольные рубчатые полосы — прямые и волнистые; колечки; изредка оттиски кусочков рубчатой проволоки, согнутой в виде петли с расходящимися концами. В Кишпеке рубчатые бордюры шире, и насечки на них мельче (гуще). Преимущественно это окантовка краёв блях или оснований больших гнёзд с инкрустациями. Всё пространство блях заполнено мелкими рельефными выпуклостями в виде рядов точек, звёздочек, дужек, косых крестиков — эти мотивы никогда не встречаются среди тиснёных на фольге орнаментов

(23/24)

гуннской эпохи. Заметна любовь кишпекских мастеров к большим овальным и прямоугольным вставкам сердолика, огранённого в виде низких конусов и пирамид с плоско срезанной вершиной. В гуннских древностях такие вставки встречаются нечасто, а на изделиях, покрытых тиснёной фольгой, — никогда: там предпочитали мелкие камни обычно неправильных форм.

Более того, кишпекские инкрустации имеют иную цветовую гамму, чем гуннские. Как пишет Л.А. Мацулевич про керченские и западные изделия гуннской эпохи, лишь в одном случае красный «гранат и зелёная паста взяты в равных количествах и играют равнозначную роль. В большинстве же случаев главное место отводится гранату, а зелёная паста занимает углы между крупными красными вставками». [19] «Таким образом, полихромные поделки некрополя Госпитальной улицы отмечены теми же чертами, что и европейские памятники начала средневековья. И, напротив, они коренным образом отличаются от боспорской и южнорусской полихромии непосредственно предшествующего времени. Там мы почти не встречаемся с вкраплениями зелёной пасты в среду красного камня. А в тех немногих случаях, которые нам известны, она имеет совершенно иное значение. Зелёная паста и красный камень в таких случаях играют равнозначную роль». [20] «В красочной гамме композиции предметов Новочеркасского клада и сибирских и, с другой стороны, керченских находок 1904 г. лежит принципиальная пропасть. В Керчи превалирующим элементом является красный цвет, и зелёные вкрапления занимают очень скромное место, в Новочеркаске и Сибири превалирующее значение в большинстве получает бирюза, а на тех предметах, где она не преобладает, она занимает, по меньшей мере, одинаковое место с кораллом или сердоликом. Если можно сопоставлять с этим, то отнюдь не поделки Госпитальной улицы, а рукоять кинжала из гробницы с золотой маской и новочеркасский флакончик, у которых оба цвета играют равнозначную роль». [21]

Наблюдения Л.А. Мацулевича можно применить и к нашей теме. Степные бляхи гуннского времени, обложенные тиснёной фольгой, повсюду украшены мелкими красными вставками гранатов и сердоликов, а кишпекская тиснёная сбруя — мелкими синими стеклами, лишь изредка перемежающимися большими плоскими сердоликами. Эта особенность кишпекского декора тоже чужда ремеслу гуннской эпохи.

Сказанное подтверждается сравнением пряжек. Все 24 кишпекские пряжки имеют прогнутый в середине язычок, почти не выступающий вперед за рамку (рис. 1, 1, 2). Язычки пряжек гуннского времени — в большинстве случаев так называемые хоботковые, утолщающиеся к высоко срезанному тыльному концу, прямые в середине и притом далеко выступающие вперед за рамку (рис. 5, 16-25, 30-34; 6, 4, 6, 8; 7, 1, 2; 8, 1-3; 9, 3-8, 22-25; 10, 4-6, 12; 11, 2-5; 14, 1-5, 21-24; 15, 7-9; 16, 3-5, 12-17; 17, 5-8, 16, 17 — это лишь некоторые примеры из огромного количества подобных европейских пряжек V в.). Кишпекские пряжки совершенно на них не похожи. Несколько сходна с ними пряжка из Муслимова, но такие встречаются в то время и дальше к северу (Тураево в Татарии), для южных находок с полихромными украшениями они не характерны.

(24/25)

Обращение к истории таких пряжек показывает, что в V-VI вв. это уже архаическая форма, сохранившаяся с догуннского времени.

Вся сумма кишпекских находок имеет соответствия не в древностях эпохи гуннов, а в гораздо более ранних и связанных с совсем другой культурной средой. На Северном Кавказе близкая аналогия — погребение из Будённовской слободы (рис. 1, 10-17), [22] ранее считавшееся комплексом V в. из-за своеобразных удил с большими кольцами и круглыми пластинчатыми зажимами (рис. 1, 17). Но после того как такие же удила оказались в комплексе второй половины III в. из Керчи (рис. 2, 18), дату погребения из Будённовской слободы пришлось пересмотреть — это тоже вторая половина III в., что

подтверждается и находками в нём лучковых подвязных двучленных фибул того времени (рис. 1, 13, 14). [23] Такая же фибула, пока не опубликованная, судя по отчёту, имеется в Кишпеке. В погребении из Будённовской слободы сходны с кишпекскими пряжки (рис. 1, 10-12), сделанные в той же технике и тоже с прогнутыми язычками; фибулы; большие шарнирные подвески ремней (рис. 1, 15 — кишпекская ещё не опубликована). Ещё одна аналогия — раскопанные Р.М. Мунчаевым курганы в Братском (Чечено-Ингушетия) того же времени (рис. 1, 21-23). [24] В одном из курганов встречено и инкрустированное украшение с треугольниками зерни. На северо-западе Кавказа, у станицы Тимошевская, найдено погребение с двумя пряжками и фибулой (рис. 1, 18-20). Фибула одинакова с кишпекской и из погребения в Буденновской слободе. Обойма большой пряжки имеет крупную овальную вставку сердолика и такой же, как в Кишпеке, тиснёный на фольге узор из отдельных выпуклых точек, косых крестиков и, по-видимому, колечек с точкой в центре. [25]

Вне Северного Кавказа такие пряжки, как в Кишпеке, обычны в поволжских сарматских погребениях конца III-IV в. (рис. 1, 24-26), что показал А.С. Скрипкин. Есть аналогии и в Крыму. М.И. Ростовцев опубликовал богатое погребение, найденное в 1918 г. на усадьбе керченского торговца Месаксуди и приобретенное позднее Лувром (рис. 2, 1-18). И здесь те же формы прогнутых пряжек, подобная фибула (с тем отличием, что её дужка сделана не из прута, а из вертикальной пластины). Есть удила с металлическими скрепами (рис. 2, 18). Есть тиснёная обкладка с широкими рубчатыми валиками и косыми крестиками (рис. 2, 12, 13). Меч — такого же типа, как в сарматских могилах II-III вв., с инкрустированным набалдашником. Имеется и инкрустированная пряжка с красными вставками и скромными небольшими треугольниками зерни. Римская коробочка с эмалью датируется II-III вв. Дату уточняют оттиски римских монет 238 г. М.И. Ростовцев обоснованно отнёс погребение ко второй половине III в. Ближайшие аналогии (вплоть до своеобразных фибул) он нашёл в до сих пор не опубликованных полностью царских могилах из Керчи (хранящихся в Эрмитаже). Это знаменитая могила с золотой маской (рис. 2, 19-21) и другие, датированные временем не ранее второй половины III в. [26]

В Крыму пряжка, сделанная в таком же, как в Кишпеке, стиле, найдена в Херсонесе, [27] а античный по форме браслет — в могиле 35 в Черноречье (недалеко от Херсонеса) вместе с пряжкой и фибулами III в.

(25/26)

и монетами 211-217 и 238-244 гг. [28] Крымские фибулы и пряжки с монетами и античной посудой IV в. совсем другие (рис. 5, 1-15), что даёт верхнюю границу рассмотренных здесь комплексов.

Близкие по стилю кишпекским изделия из золотого тиснёного листа есть и дальше к западу — в римских провинциях на Дунае и у живших к северу от них древних народов. Особенно интересны римские офицерские шлемы из Югославии и Венгрии (рис. 3, 1, 2), датируемые исследователями IV в. Они обтянуты золотой фольгой с вытисненными на ней точками, дужками, косыми крестиками, как в Кишпеке. Встречаются и более сложные узоры (рис. 3, 2). Среди узоров расположены в отдельно лежащих овальных и четырёхугольных гнёздах такие же большие вставки из цветного стекла, имитирующие так же огранённые большие камни. Исследовательница шлемов Э. Томаш датирует их первой половиной IV в., считая, что они делались в провинциально-римских мастерских по Дунаю и что их отделка характерна для вкусов придворных эпохи поздней Римской империи. [29] Действительно, достаточно

напомнить знаменитое блюдо императора Констанция II (337-361) из Керчи, на котором вся его одежда, обувь, сбруя коня, щит и костюм телохранителя покрыты золотом и инкрустациями. [30] Ещё пример такой же техники и набора мотивов, как в Кишпеке, — обтянутый золотом умбон щита из Херпай в Венгрии (рис. 3, 7, 8), относимый И. Боной к первой половине III в. [31]

Этот стиль был призван создать сравнительно дешёвые имитации украшений высшей римской знати. При этом рельефные мелкие узоры изображали в дешёвой технике тиснения гораздо более дорогую зернь и филигрань. Анализ узоров показывает пути распространения таких изделий из дунайских владений Рима на север и, возможно, к нам, на восток, в Крым и далее на Кавказ. Особенно характерен мотив выпуклого колечка с точкой в центре (рис. 1, 18; 3, 4-8) — имитация напаянного проволочного колечка с крупной золотой зернинкой в центре. Последний приём есть на драгоценных изделиях именно среднего Дуная (Рабапордань, Шимлеул Сильваней) [32] как свидетельство участия римских мастеров и чужд ювелирному искусству Восточной Европы. Изделия из тиснёной фольги, но с гораздо более сложной орнаментацией, найдены и у северных соседей Римской империи — например, в богатых могилах в Закшуве (рис. 3, 3-6). Они или привезены от римлян, или сделаны на месте. Дата, хорошо обоснованная исследователями, — вторая половина III в. В тех же могилах Закшува есть роскошные массивные золотые фибулы, украшенные настоящей зернью и филигранью именно в аналогичных мотивах, включая колечко с зернинкой в центре. [33]

Таким образом, в Кишпеке, как в могилах боспорской знати, как на провинциально-римском оружии и доспехах Подунавья и в обиходе варварской знати вдоль западных границ Рима, встречены не гуннские, а провинциально-римские украшения (или их имитации), отражавшие вкусы поздне-римского общества. Погребённый в Кишпеке воин и одет был не по гуннскому обычаю, так как одна из главных отличительных особенностей степняков периода гуннского владычества и долгое время после него — отсутствие в их костюме фибул. Фибулы степняки (сарматы) носили лишь до прихода гуннов. Для гуннского времени не характерны и синие вставки (серёжка из Беляуса [34] скорее всего связана с античной

(26/27)

традицией). Между тем у римлян могли быть синие вставки, так как этот цвет ассоциировался с одним из высоко ценимых ими драгоценных камней — сапфиром. Источники сообщают даже, что один из римских императоров, борясь с чрезмерной роскошью, запретил украшать сапфирами сбрую лошадей. И здесь ассоциации ведут на Запад.

Не вполне ясен вопрос о длительности бытования украшений, подобных кишпекским. И. Бона говорит о первой половине III в. для Херпай; для Закшува и курганов Керчи общепризнана вторая половина III в. Но паннонские парадные шлемы датируются первой половиной IV в. Я уже отмечал, что восточноевропейские пряжки IV в. совсем иные, чем в находках с такими украшениями. Возможно, на прекращение таких изделий в Крыму повлияли опустошительные вторжения варваров во второй половине III в., вызвавшие в IV в. упадок Боспора. Это покажут новые находки. Но ясно одно, что стиль гуннской эпохи, распространившийся в V в., не был прямым продолжением и развитием провинциально-римского стиля Кишпека и Закшува, хотя другие традиции римских мастеров много сделали для сложения «гуннского» стиля.

Думаю, что сказанного достаточно, чтобы считать датой Кишпека вторую половину III в. (вопрос о возможном повышении этой даты до IV в. остается открытым) и признать, что он не имеет ничего общего с гуннской эпохой и её проблематикой. Прежняя, слишком поздняя дата возникла только потому, что Р.Ж. Бетров не располагал основополагающей работой М.И. Ростовцева (единственной на эту тему), а моя работа 1971 г. с её пересказом и соответствующими иллюстрациями [35] осталась ему неизвестной.

Ещё один памятник III-IV вв. на Северном Кавказе — опубликованные М.П. Абрамовой курганы у хут. Октябрьский в Северной Осетии (рис. 4). Основания для датировки подробно рассмотрены М.П. Абрамовой. [36]

Она отметила близость памятника с упомянутыми ранее курганами Братского и датировала находки из Октябрьского IV в. В её анализ пряжек можно внести некоторые коррективы, поскольку она датирует их, ссылаясь на мою статью 1971 г. Железная пряжка из кургана 6 сильно корродирована (рис. 4, 2), поэтому можно опираться только на бронзовую пряжку оттуда же (рис. 4, 3). Её прогнутый язычок более характерен для III в. Рамка, действительно, заметно толще спереди — этот признак появился во второй половине III в. (рис. 1, 1, 2, 10-12, 18-22, 24, 25). Крымские и черняховские пряжки IV в. — преимущественно с язычком, имеющим прямую спинку (рис. 5, 1-7, 9, 12-15). Но на Северном Кавказе пока почти неизвестно комплексов с точно такими пряжками. В Абхазии и Башкирии пряжки IV в. имеют сильно утолщённые спереди рамки, но язычки не всегда такие, как в Крыму, а нередко ещё сохранившие прогиб. Поэтому курган 6 у хут. Октябрьский может относиться к IV в., но, вероятно, нельзя пока исключить и вторую половину III в. Пряжку из кургана 5 (рис. 4, 10) М.П. Абрамова сравнивает с образцами V в., но по мелкому рисунку в публикации трудно судить о том, насколько сильно выступает за рамку остриё её язычка. По своим особенностям эта пряжка может и не выходить за пределы IV в., подтверждая дату памятника, предложенную М.П. Абрамовой.

(27/28)

Замечательны тиснёные украшения сбруи из Октябрьского (рис. 4, 1, 5, 6). Приведённые М.П. Абрамовой сравнительные данные из древностей V-IX вв. (от совхоза им. Калинина до Песчанки), [37] количество которых можно было бы увеличить для позднего периода, говорят, что техника тиснения блях из наложенных друг на друга бронзового и золотого листов существовала очень долго и потому не имеет датирующего значения. Гораздо важнее декор блях, аналогии которому сосредоточены в искусстве предшествующего времени. [38] Особенно показательна фигура «распластанного» льва, имеющая параллели в сарматском искусстве, а также, как мне кажется, на египетских пронизках, которые могли быть в числе прототипов. Изображения на бляхах из Октябрьского подтверждают датировку временем не позднее IV в. и, возможно, заходят в III в. Только Г.Е. Афанасьев [39] и В.Б. Ковалевская [40] неожиданно относят курганы у хут. Октябрьский к V в., не приводя никаких аргументов. Их мнение принять невозможно по изложенным выше причинам, так же, как и предположение М.П. Абрамовой, аргументированное лишь указанием на сходную технику изготовления, о близости сбруйных украшений из Октябрьского и из поволжских курганов шиповского типа, с которыми они якобы составляют «единую хронологическую группу». [41] Я уже обращал внимание на длительность применения такой техники с III по IX в., отмеченную самой М.П. Абрамовой. В разное время изготавливались и конские сбруи, украшенные круглыми и прямоугольными

металлическими бляхами. Но вот декор октябрьских (рис. 4, 1, 5, 6) и шиповских (рис. 30, 1-3, 5, 6, 10-12; 31, 4, 6-9; 32, 11, 12, 15, 22-24; 28-30; 34, 3-9; 38, 2, 9-19; 39, 18) блях совсем разный. Несходны и пряжки (рис. 4, 2, 3, 10; 31, 1-3; 32, 1-3, 7, 8, 20; 34, 1, 2, 13-15, 24; 35, 1, 5-7, 11, 15-19; 23, 30-33 [? — м.б., ошибка в ссылке]; 36, 2, 4; 38, 1; 39, 16), принадлежавшие к двум разным эпохам.

Сейчас еще нет прямого ответа на вопрос, как соотносились между собой стиль украшений III-IV вв. (рис. 1-4) и стиль украшений гуннской эпохи (рис. 5-15). Раньше исследователи безоговорочно утверждали, что стиль гуннской эпохи органически вырос из предшествующего боспорского или сарматского. Первое сомнение в этом порождает цитированное выше сравнение цветовой гаммы этих стилей, сделанное Л.А. Мацулевичем.

Позднее И.П. Засецкая, по-видимому правильно, совершенно отвергла идею о связи стиля гуннского времени с сарматским полихромным стилем, в основе которого лежали изображения животных и вставки бирюзы. Здесь важны и несходство мотивов, и большой хронологический разрыв. [42] Но И.П. Засецкая сохранила идею о боспорских истоках стиля V в., ссылаясь на геометризм орнаментов, преобладание красных вставок, размещение вставок в напаянных гнездах, применение перегородчатой инкрустации. [43] Она допускает даже, что боспорским импортом надо считать часть украшений, найденных в Подунавье, Казахстане, Средней Азии и на Алтае (Тугозвново). [44] Подобный, идущий ещё от М.И. Ростовцева «боспороцентризм» кажется мне преувеличенным, так как не учитывает, помимо политической и экономической слабости самого Боспора в то время, ещё и того, что вокруг предполагаемой огромной зоны мощного боспорского влияния (от Алтая до Африки!) лежали такие политические и культурные центры, как Рим с его провинциями, Иран, Средняя Азия,

(28/29)

а за Кавказским хребтом — ещё царство Картли, роль которого в этих процессах пока остаётся неясной.

Переходных звеньев между стилем Кишпека — Закшува и Октябрьского, с одной стороны, и стилем V в. — с другой, не обнаружено. Если они окажутся близкими по времени, это станет ещё одним аргументом в пользу их механического соприкосновения и против связи генетической. Мне кажется наиболее вероятным такое решение, что тот основной «высокий» ювелирный стиль, отсветом которого были дешёвые имитации III-IV вв. (рис. 1-3), дал в гуннскую эпоху новый импульс, новый упрощённый суррогат, приведший к сложению варварского ювелирного стиля V в.

Древности V в., или эпохи гуннского владычества в Восточной Европе, отбирают, исходя из разных критериев, часто весьма нечётких, отчего многое оказывается потом спорным. Например, по критерию наличия инкрустаций сюда попали могильники VII в. на Гиляче, в Байтал-Чапкане и Пашковской, погребение III в. из Кишпека и, как я думаю, послегуннские древности степных групп II и III (рис. 30-36; 43; 44), о которых у меня уже давно идёт спор (прежде всего с И.П. Засецкой). Объективный критерий найти нелегко, так как во всей Европе в могилах, относимых к гуннской эпохе, не найдено монет моложе 375 г. (индикация монеты Валентиниана II, правившего в 375-392 гг., в тайнике керченского склепа 145 1904 г. [45] Другая индикация того же времени входит в депаспортизованную коллекцию вещей преимущественно гуннской эпохи из двух склепов, разграбленных в Керчи кладоискателями 24 июня 1904 г., [46] и

для точного датирования не годится, так как неизвестно, с какими именно из этих вещей она первоначально находилась). До 1950-1960-х годов не было ясного представления и о крымских древностях IV в. Поэтому те древности, которые сейчас уже привычно относят к гуннской эпохе, тогда многие (особенно исследователи античности) связывали с догуннской эпохой и датировали IV в. На Северном Кавказе облик древностей IV в. не выяснен и сейчас. Долго не было ясности и со степными древностями, и многие авторы объединяли древности V в. с сарматскими.

По-видимому, наиболее чётки критерии на Западе — на Дунае, Рейне, севере Франции, где погребения с подобным инвентарём настолько чужеродны среди местных древностей, что их давно связали с событиями гуннской эпохи. Там же прекрасно изучены и датированы древности IV в., и появление новых форм чётко соотнесено в ряде областей с прекращением местных поселений и могильников IV в. [47] Более того, наследие гуннской эпохи ярко прослеживается там в хорошо датированных древностях второй половины V в. Главную роль сыграли богатые находки из датированной могилы в Турнэ: там последние из попавших в руки учёных монеты принадлежали Юлию Непоту (474-475) и Зенону (474-491). Там же был именной перстень с надписью «Короля Хильдериха». Этот король франков умер в 482 г., что и определяет точную дату захоронения. [48] Таким образом, после долгих поисков и споров на Западе к 1932 г. утвердилась дата тех древностей, которые часто называются «древностями гуннской эпохи»: это время между появлением гуннов в Европе около 370-375 гг. и их изгнанием оттуда после смерти Атиллы и битвы при Недао около 453 г. Поскольку нигде на Востоке не найдены следы сложения новой культуры, ясно, что гунны не принесли её с собой в Европу

(29/30)

в 370-375 гг.: она создавалась позднее, уже в обстановке гуннского владычества в Европе. На Западе гуннов изгнали в 453 г., и там после этого осёдлые народы-победители захватили их владения и стали развивать свою культуру. Поэтому на Западе дата 453 г. имеет реальную основу. А на Восточную Европу распространять эту дату преждевременно: известно, что изгнанные гунны отступили к востоку, и степи столетиями оставались владением кочевников, среди которых сменялись главенствующие племена. Таким образом, дата битвы при Недао не может определять конца гуннских древностей в Восточной Европе, и те, кто механически переносят эту дату с Запада, делают это без всякого основания.

Но для нашей темы важно, что древности гуннской эпохи были обоснованнее и чётче всего выделены и ограничены хронологически на Западе — на Дунае, во Франции, на Рейне. Это не случайно. Кроме того что там лучше известны непосредственно предшествующие и последующие за ними древности, датированные монетами, надписями и многочисленными письменными источниками, там же ведь и был центр гуннского государства при Атилле и его непосредственных предшественниках, и основная зона гуннской внешней активности. Поэтому древности гуннской эпохи из тех областей — важная основа для выделения их и на нашей территории.

На Западе древности гуннской поры делятся на две большие группы: 1 — оставленные кочевниками; 2 — оставленные осёдлыми народами. Их главное различие — в costume. Женщины осёдлых народов носили фибулы, в основном двухпластинчатые, а кочевницы — диадемы. [49] Обе категории вещей занимают центральное место в могильном инвентаре, они большие и пышно украшены.

Представительницы осёдлых племён носили также более крупные и соответственно обильно украшенные поясные пряжки, серьги с многогранником, у них больше импортных римских вещей (шпильки, браслеты, амулеты, стеклянные стаканы). [50] Зато мелкие пряжки одинаковы у всех. Очень близки обкладки сбруи, находимые и у мужчин, и у женщин осёдлой группы, [51] и только у мужчин степняков. Как показала И.П. Засецкая, у степняков очень многие вещи сделаны в упрощённой технике, имитирующей филигрань тиснением на фольге. [52] Такие тиснёные вещи есть и на Дунае (Батасек, Печ-Усёг, Якушовице). [53] В находках осёдлой группы те же по форме бляхи сделаны мастерами римской школы и украшены мелким пунсонным орнаментом и чернью. [54] То же различие между осёдлыми и кочевыми элементами гуннского государства наблюдается и у нас.

Итак, от Франции до Дона и Керчи распространены чрезвычайно близкие комплексы вещей оседлого населения и доходящие на востоке до Волги и Северной Осетии (Рутха) комплексы вещей кочевников (рис. 5, 16-34; 6-15). [55] Для иллюстраций взяты лишь немногие образцы, найденные вне Кавказа. Территориально эта культурная общность совпадает с известной по письменным данным областью государства гуннов в пору его расцвета, а также с областью гуннских походов к западу от Среднего Подунавья. Эти древности безусловно связаны с эпохой гуннского владычества между 370 г. на востоке и 453 г. на Западе.

Чтобы убедиться в их единстве на всей территории, достаточно сравнить простые пряжки на рис. 5, 16-24, 30-32 (Керчь); 6, 6, 8, 9 (Ав-

(30/31)
стрия); 7, 1-3 и 8, 1, 2 (Украина); 9, 3-8 (Вольный Аул); 9, 22-25 (Гиляч); 10, 4-6, 12 и 11, 2, 4, 5 (Лермонтовская скала); 14, 1-5 (Воздвиженское); 14, 22 (Камунта); 15, 7-9 («Восход», Поволжье). Массивные рамки слабо утолщены спереди, хоботковые язычки с прямой спинкой далеко выступают вперед за рамку. По всей области владычества гуннов и их походов находят также пряжки с округлой пластиной, прибитой к ремню тремя заклёпками, размещёнными в специальных цилиндрических выступах по сторонам пластины: рис. 5, 33, 34 (Керчь); 6, 4 (Австрия); 8, 3 (Украина); 11, 3 (Лермонтовская скала); 14, 21 (б. Терская область). Обычно они инкрустированы довольно однообразно. Есть мнение, что эти пряжки созданы провинциальными мастерами, [56] так как их дешёвые разновидности найдены и далеко вне области гуннов: в Грузии, Болгарии, Средиземноморье. Ещё одна форма пряжек того времени — с головой зверя на конце острия. Длинная морда обычно имеет спереди косые насечки (сморщенный нос оскалившегося хищника), преувеличенные надбровья и при схематизации сливающиеся с ними прижатые уши. У наиболее тщательно сделанных образцов показаны оскаленные зубы и, вероятно, грива. Распространённое утверждение, что это головки змей, основывается лишь на самых схематических изображениях, а также на том, что на язычке пряжки не изображены ни туловище, ни ноги зверя. Его легко опровергнуть, не только рассматривая детали головок, явно принадлежащих хищным зверям, но и тем, что древние мастера, например кушан, умели очень искусно вписать все тело, ноги и голову зверя в корпус довольно тонкого браслета из круглого стержня, как вписаны фигуры ланей на браслетах из Тиллятепе в Афганистане. При схематизации такого браслета неизбежно получится так называемая змея. На рисунках показаны образцы звериноголовых пряжек из Керчи (рис. 5, 33; 16, 12-14), Северного Кавказа (рис. 14, 23-24), Словакии (рис. 16, 3) и Дюрсо (рис. 17, 5; 18, 28). На Западе головки делались на язычках очень больших пряжек (Эран во Франции, Регей в Венгрии) и здесь не нарисованы. Головки этого стиля, неизвестные ранее,

изображались также на браслетах, гривнах, а со второй половины V и вплоть до VII в. — на пальчатых и двупластинчатых фибулах по всей Европе, причем на западных образцах отмеченные признаки головок гипертрофировались и очень изобретательно «обыгрывались» мастерами. [57]

Наконечники ремней из этих памятников тоже очень однородны: они сильно вытянуты, закруглены на конце, то орнаментированы (на Западе) мелким пунсонным вбитым орнаментом и чернью (Якушовице), то гладки (Керчь и Гиляч; рис. 9, 28) или сплошь покрыты перегородчатой инкрустацией (Керчь); [58] наконец, и на Западе, и в Восточной Европе в памятниках, связанных с кочевым миром, — обтянуты тиснёной золотой фольгой с имитацией накладной рубчатой проволоки, уложенной прямыми рядами или зигзагами (Печ-Усёг, Батасек в Венгрии; также рис. 7, 8; 8, 5, 18; 9, 10; 10, 8; 14, 7). Довольно широко распространено мнение, что это наконечники подвесных ремешков, пришитых к кочевническому поясу так, как это, действительно, делалось позднее, в VI-XI вв. На основании находок этих ремешков предполагают, что наборные пояса с подвесками принесли в Европу гунны, и с тех пор эта традиция там осталась. Но ремешки гуннской поры никогда не находили у пояса. Правда, боль-

(31/32)

шинство могил обнаружено случайно, и расположение вещей в них неизвестно. Всё же кое-какие данные имеются и сейчас. В могиле 4 на р. Гиляч обломки наконечников лежали не у пояса, а у ног. На уровне меча, вдоль линии пояса лежали одна пряжка (рис. 9, 23) и еще две. На левом плече возле кинжала — большая пряжка (рис. 9, 22). «У ступней ног — две латунные пряжки и такие же тонкие бляшки в виде лунниц и прямоугольных слегка выгнутых пластинок (рис. 9, 24-28). Бляшки, по-видимому, украшали обувь, но возможно и то, что они относились к украшениям узды, так как неподалеку от левой ступни оказались железные удила с прямыми псалиями». [59] Так что на Гиляче данные наконечники по своему расположению в могиле относились к обуви или сбруе. В находках гуннского времени, как и там, они обычно входят в комплект с лунницами. Еще одно погребение исследовано археологами в Беляусе (Крым). На поясе покойного была большая пряжка с четырехугольным щитком. У правой ступни, как и в Гиляче, сложено конское снаряжение: удила с псалиями, уздечные пряжки-петли, два позолоченных зажима уздечных ремней, колокольчик-ботало и один тонкий гладкий двускатный серебряный наконечник рассматриваемого типа. [60]

Наконец, о назначении наконечника из случайно открытой могилы в Якушовице (Польша) можно уверенно судить по различию в технологии изготовления. Одну группу составляют золотые вещи: большая пряжка с несохранившейся обоймой, две меньшие пряжки с тремя заклёпками вдоль краёв и перегородчатой инкрустацией и два прямоугольных наконечника «коробочкой» с загнутым в виде валика концом. [61] Другая группа находок — серебряный сбруйный набор из удил с пластинчатыми зажимами ремней, пряжек, декоративной подвесной бляхи и упомянутого плоского закруглённого наконечника. Все части узды связаны декором из мелких пунсонных углублений и химической позолоты. Особенно близок узор наконечника, подвески и одной из пряжек (треугольники с точкой на вершине). [62] И здесь наконечник не связан с поясом.

В степных находках наконечники сделаны в той же технике и габаритах, что и части сбруи, обтянутые тиснёной золотой фольгой (рис. 7, 4-11; 8, 4-10, 15-21). Наконечники из керченских склепов, разграбленных 24 июня 1904 г., имеют такую же

перегородчатую инкрустацию, как зажимы удил, [63] и явно входили в один гарнитур с ними.

Ещё одним подтверждением сказанному служат более поздние наконечники из Башкирии, сохранявшие до VII в. несомненные традиции гуннской эпохи (рис. 34, 13-17, 24-27; 35, 11, 12, 18-20, 23-25, 33, 34, 36). Там эти наконечники — обычная находка. Всюду, где их положение прослежено, они были принадлежностью обуви: «В богатых мужских погребениях рядом с обувными пряжками с золотой инкрустацией лежат, как правило, накладки-лунницы и небольшие наконечники ремней из тонких золотых пластин». [64] В могилах 77, 111, 130 Бирского могильника наконечники лежали на обуви вместе с маленькими позолоченными пряжками и лунницами, а в могилах 77 и 130 на поясе имелись крупные пряжки в той же технике и не было никаких подвесных ремешков. [65] В могиле 156 были украшения и пояса, и обуви, но не указано, где именно лежал обломок наконечника (могила потревожена в древности). В могилах 83, 88, 165 всё перемешано древними осквернителями могил.

(32/33)

Все вытянутые закруглённые (или заострённые) наконечники гуннской эпохи и их более поздние подражания имели функциональное назначение, укрепляя основной ремешок, и до сих пор не обнаружено ни одного случая их декоративного назначения.

Другой тип наконечников гуннской эпохи — с прямо срезанным концом, обычно утолщённым или отогнутым в виде валика. Сделаны они чаще в виде коробочки, но есть и пластинчатые. Валик всегда гладкий (рис. 6, 10), что отличает их от более поздних с рубчатым (или «бахромчатым») валиком (рис. 24, 15; 26, 31; 39, 18; 42, 6; 44, 5-7), обычно связанных со сбруей. Наконечники V в. с гладким валиком есть на Западе (Унтерзибенбрунн, Якушовице), в Керчи, на нижнем Днепре (Кучугуры), в Приуралье (Муслумово, Тураево). [66] На Северном Кавказе мне известны их находки пока только из кургана 2 в Утаммше (Дагестан), [67] как кажется, несколько более позднем и имеющем близкие соответствия в Тураево. [68] Эти наконечники тоже функциональны и связаны с пряжками.

Большое однообразие наблюдается в бляхах сбруи: крестовидных (Якушовице и рис. 7, 4; 8, 6; 11, 11; 14, 6, 15), больших ромбических (Печ-Усёг и рис. 7, 5; 8, 8, 20), продолговатых, усыпанных камнями в гнездах (Якушовице, Печ-Усёг и рис. 7, 6, 7, 9; 8, 4, 9, 10, 15-19, 21; 11, 13; 14, 9, 11, 16-18), лунницах (Якушовице, Печ-Усёг и рис. 7, 10; 8, 7; 10, 7; 14, 8). Однородны и удила с надетыми на железные грызла втульчатыми обкладками из цветного металла (Якушовице, Качин и рис. 6, 13; 7, 11; 8, 21), с длинными пластинчатыми зажимами для ремней узды и оголовья, имеющими такие же массивные гранёные петли, как обкладки грызл (Якушовице, Качин и рис. 6, 13; 8, 9, 10, 21; 11, 12, 13; 14, 10). Сходны по всей этой огромной области и псалии: то в виде больших толстых колец, часто обложенных серебром (Якушовице, Качин, Саги, Керчь и рис. 6, 13; 8, 10, 21; 14, 10), то в виде стержней разной формы, часто с надетой на один из концов головкой из цветного металла (Беляус и рис. 6, 12; 11, 12). Ещё более примечательны треугольные (обычно со срезанным одним углом) тонкие золотые или позолоченные оковки передних концов деревянного седла, сплошь покрытые чешуйками или косой сеткой (Мундольсхайм во Франции, Печ-Усёг в Венгрии, Новогригорьевка на Украине; рис. 7, 13; 8, 11). [69] Эти пластины хрупки из-за своих размеров, и от них часто остаются лишь бесформенные обломки.

Можно назвать ещё зеркала с петлей в центре, [70] стеклянные чаши с синими налечами. Последние, как и фибулы, и серьги с многогранником (кубиком со срезанными углами), встречены только в погребениях осёдлой части гуннского союза. Д.М. Атаев высказал предположение, что такие серьги были созданы в Дагестане, ссылаясь на их особенно долгое там существование и многочисленность находок. [71] Это положение было принято и за рубежом, так как нигде не удалось до сих пор проследить постепенное сложение этого украшения. Повсюду эти серьги появились одновременно, в комплексах гуннской эпохи. Более ранние находки неизвестны. В Дагестане они относятся к тому же времени, что и везде, причём пока самой ранней могла бы быть находка из кургана в Паласа-сырте, датируемая по тем же серьгам, так как остальной инвентарь не имеет датирующих аналогий, временем не ранее V в. Остальные дагестанские находки — гораздо моложе (с VII в. и позже). Поэтому северокавказское

(33/34)

происхождение серёг с многогранником пока ничем не доказывается. Заслуживает внимания новая точка зрения ряда зарубежных археологов, считающих, что серьги возникли в среде местного населения римских провинций [72] и там были заимствованы осёдлыми народами из состава гуннского объединения. Это предположение основано на многочисленности таких серёг в позднеримских погребениях V в. и подтверждается их избирательным распространением лишь в определённых областях гуннского государства. Интересно не только их полное отсутствие в кочевнических находках, но и то, что, за исключением могилы в Бруте, их нет и в нескольких достоверных комплексах V в. Северного Кавказа (рис. 9-14) — там найдены серьги в виде простого колечка. Серьга из Вольного Аула (рис. 9, 12) тоже совсем иная. Зато они обычны в Крыму.

Конечно, много и других частных различий среди древностей гуннского государства. Например, в степи пряжки и части сбруи обтягивались тиснённым золотым листком, а на Западе такие же пряжки и части сбруи часто золотились химическим способом и украшались углублённым пунсонным орнаментом, что выдаёт работу римских мастеров или прошедших у них выучку варварских ремесленников. [73] На Западе пластинчатые зажимы сбруи короткие и одинаковой длины, в Восточной Европе — длинные и часто разной длины в одном комплекте. Только в Керчи зажимы сбруи нередко обкладывались сплошной перегородчатой инкрустацией. Но эти различия, выдающие работу своих мастеров в каждой части огромного гуннского объединения, ещё более подчёркивают удивительное единообразие целого. Однако неверно всё это единообразие приписывать гуннам и искать его истоки только в их приходе из Восточной Европы. Уже в сбруе III-IV вв., притом и из Крыма, и из Казахстана, и из северных областей Европы вплоть до Скандинавии, видны многие из этих общих черт (металлические зажимы, обкладка колец и концов грызл цветным металлом, многие формы сбруйных блях, особенно шарнирных, естественно, не тождественные формам V в., но явно входившие в число их прообразов; например, рис. 1, 5-7; 2, 18-22; 4, 1, 5, б). Судя по европейским образцам, одним из унифицирующих факторов было в то время влияние Римской империи, достигавшее на севере Скандинавии и на востоке — Крыма, Кавказа и Прикаспия. Близкие к «гуннским» бляхи римской работы рубежа IV-V вв. найдены в римском слое Бюргле (даже пресловутая бляха крестом). В первой половине V в. многое, схожее со степным, наблюдается в сбруе древностей типа Сёсдала в Швеции. [74] Можно было бы искать здесь влияние гуннов, если бы шведские мастера, делая свои великолепные местные вещи, не имитировали чисто римскую технику и элементы орнамента, что говорит о непричастности гуннов к

созданию этого стиля. Именно наследие римских провинций, традиции римского ремесла были одним из важных источников сложения не только единого стиля металлических украшений на территории гуннского союза, но и других очагов новой художественной культуры в разных областях варварской Европы V-VI вв.

Возвращаясь к проблеме выделения памятников V в. на Северном Кавказе, можно, мне кажется, с полным основанием считать, что привлечение аналогий со всей территории гуннского союза периода «370-453 гг.»

(34/35)

ясно очерчивает круг таких, весьма однородных памятников (рис. 9-14). Есть ещё несколько менее чётко определяемых находок и отдельные предметы из бесследно утраченных комплексов. Все остальное, относимое обычно разными исследователями к этой группе (рис. 30-34; 36; 39-44), не находит параллелей на основной территории «гуннского домена» в Подунавье и вообще там, где гунны действительно исчезли после 453 г., на что достоверно указывают письменные источники. А территория Восточной Европы, где гунны остались и после 453 г., тем более области Приуралья, Казахстана и Киргизии — совсем иная тема, на которую преждевременно переносить сведения о западных, дунайских, гуннах без специальной проверки. Поэтому древности типа Шипова и Зеленокумска будут рассмотрены отдельно в другом разделе работы.

Погребение за Вольным Аулом в Нальчике, раскопанное М.И. Ермоленко 7-8 сентября 1923 г. (рис. 9, 1-21), [75] — характерный представитель древностей V в. О пряжках уже говорилось, они обычны для того времени. Интересны пряжки с круглым щитком и большими выпуклыми стеклами — своего рода суррогат более дорогих инкрустированных пряжек этой формы. От напаянных когда-то гнёзд для стекол и, вероятно, рубчатой полосы, окружавшей основание гнезда, на щитках остались лишь тёмные следы припоя. В той же технике сделана трёхлепестковая бляшка со следами скреп на обороте. Уцелел лишь кусочек обычного тиснёного язычка степного облика (его кончик потерян, но на планшете сохранился вырезанный по форме наконечника кусочек бумаги, на котором укреплялся утраченный фрагмент в музее). Двупластинчатая фибула изготовлена из тонкой пластинки, её приёмник и основание пружины сделаны из согнутых пополам тонких пластинок, припаянных к фибуле отогнутыми краями, — обе детали отпали, но на обороте фибулы остались чёткие следы припоя. Фибула подражает более массивным изделиям, появившимся в первые десятилетия V в. на Дунае (рис. 6, 1-3), единицами проникавшим в Восточную Европу (рис. 5, 26) и вызвавшим в Крыму и на Кавказе гораздо более упрощённое местное производство. [76] Фибула из Вольного Аула как раз стоит уже в ряду этого северокавказского производства: небольшая, тонкая, с примитивно сделанной дужкой, с приёмником из перегнутой вдвое пластинки. С основной серией фибул V в. её связывают пропорции ножки, вытянутой и расширенной около середины. Такие фибулы с нечётко выраженными хронологическими признаками датировать трудно: они могут встретиться и позднее. Но весь набор вещей подтверждает датировку погребения в рамках V в. Чтобы яснее увидеть признаки V в. в данной фибуле, её следует сравнить с типологически более ранними (IV в.: рис. 5, 29) и более поздними (VI-VII вв.: рис. 27, 1, 2; 28, 1, 7, 12, 20-22). Последние — тоже северокавказской серии, со всеми её характерными признаками.

Вторая фибула из Вольного Аула — двучленная, с завитком на конце приёмника — не датируется. Эта серия существовала с I по IX в., причём период V-VI вв. особенно бедно представлен находками. С накоплением материала выявятся хронологически

определяющие признаки и для этого времени. Интересно сочетание в могиле разных фибул — оно повторяется на Гиляче, у Лермонтовской скалы (рис. 10, 1-3; 11, 1; 12, 1-3). На Западе в это время фибулы обычно парны, но именно в V в. к ним нередко

(35/36)

добавляли третью и даже четвёртую фибулу иного облика (рис. 5, 2б; 6, 1 — пары фибул; рис. 6, 2, 3 — дополнительные).

Простые колечки (рис. 9, 13-15) — вероятно, серьги (ср. рис. 10, 9; 12, 4, 5). Серьге с гирькой и 14-гранной перемышкой (рис. 9, 12) я аналогий не знаю. Вероятно, признаком V в. на Северном Кавказе могут служить 14-гранные бусы из яркого тёмно-вишнёвого камня (сердолика? — рис. 9, 19, 20). Они найдены в двух склепах у Лермонтовской скалы (рис. 10, 17, 18; 11) и в погребении с фибулой и зеркалом из Тамгацика. В комплексе есть и кусочек стеклянного стакана лимонного цвета (рис. 9, 16).

В могильнике I у р. Гиляч было два или три погребения V в. Из них погребение 4 содержало обычные пряжки с далеко выступающими хоботковыми язычками и обычный наконечник ремня (в отчёте и публикации инвентарь воспроизведён не полностью; рис. 9, 22-31). [77] Лунницы своеобразны по сравнению с находками из других комплексов. Кубки с синими напаями обычны в этот период от Дуная до Кавказа. [78] Клёпаные медные котлы с отогнутым краем, цилиндрическим верхом и округлым выпуклым дном (рис. 9, 30) встречаются в ряде памятников V в., но не могут служить датирующим признаком, так как известны и позднее, в период геральдических поясов VII в. (Байтал-Чапкан, могила 29, датированная железной геральдической пряжкой; аварский могильник Чолнок (Венгрия) VII в., погребение 7). [79]

Другая могила V в. в могильнике I на р. Гиляч — могила 5 (рис. 12, 1-8) — также не вызывает сомнения в отношении даты. Возможно, к V в. там относилась и могила 18 из раскопок 1939-1940 гг., о которой я уже упоминал выше. Об этом говорит форма изображённой на плане хоботковой пряжки, впрочем, известная и позднее. Удила с головками из цветного металла на концах псалиев тоже более характерны для V в., но единично встречаются и позднее. Поскольку находки не опубликованы, точную дату могилы 18 установить невозможно. Неясна мне дата могилы 2 из раскопок 1965 г. [80] Хоботковая пряжка и стеклянный кубок могут указывать на V в. Но сведения Т.М. Минаевой, что в могиле обнаружен след истлевшей сабли с изогнутым клинком, вызывают сомнение в дате комплекса. Ведь изогнутые сабли ранее второй половины VII в. пока неизвестны. В связи с этим можно сослаться и на квадратную пряжку, нарисованную схематично и не описанную Т.М. Минаевой. В зависимости от техники изготовления (сплошная или полая) такая пряжка могла бы датироваться и V, и VII в. Поэтому вопрос о дате погребения 2 тоже остаётся открытым до ознакомления с вещами в оригинале. Гилячские погребения — ямы, обложенные и перекрытые камнем, костяки лежат черепами к востоку и северо-востоку — востоку, мужчины — на спине (могилы 2, 4, 18), женщина — на правом боку в слабоскорченном положении (могила 5).

В могильнике 2 у Лермонтовской скалы близ Кисловодска раскопками А.П. Рунича открыты две катакомбы с инвентарём V в. Из них катакомба 11 (1973 г.) не опубликована (рис. 10). [81] В основном её дата определяется пряжками и такими характерными предметами с обтяжкой из тиснёной фольги, как лунница с выступом-

ушком и наконечник ремня с закруглённым концом. Дате не противоречат меч с низкой крестовиной, стеклянный стакан с синими пятнами, клёпаный котёл описанного типа,
(36/37)

зеркало и другие вещи. Из довольно редко встречаемых форм надо отметить туалетный набор из копоушки и ногтечистки и игольник из двух трубочек.

Обнаруженная рядом катакомба 10 опубликована (рис. 11). [82] Она овальна (2,24x1,38 м), свод начинается невысоко у дна и повышается к входу, над которым его высота достигает 1,08 м от пола. Полукруглый лаз (0,54x0,46 м) расположен на 0,56 м выше пола и заложен каменной плитой. В полу под лазом вырыта вдоль передней стенки длинная яма (1,74x0,42 м) глубиной 0,32 м, а справа от входа под самым потолком — арочная ниша (0,23x0,18 м) с двумя стеклянными сосудами (рис. 11, 16, 17). На полу склепа черепами на юго-восток лежали три костяка, причём первоначальное положение сохранили лишь ноги и частично кости таза, остальное нарушено (судя по плану, в разной степени). «Катакомбу до самого потолка заполнял очень плотный, слежавшийся грунт, прорезанный ходами грызунов». [83] А.П. Рунич считает, что «положение костей (верхней части скелетов) и находящегося в камере инвентаря указывает на то, что погребение подверглось ограблению через входное отверстие, когда усыпальница только частично была заполнена грунтом. Наличие в камере значительного количества золотых и других ценных предметов даёт основание полагать, что грабителям помешали. Вещи опять положили в камеру, вход тщательно закрыли, а шахту засыпали». [84] Итак, усыпальница только частично была заполнена грунтом, потом же, по предположению А.П. Рунича, катакомба постепенно заплывла землёй без участия человека: «В куполе катакомбы обнаружены ходы грызунов, через которые, видимо, грунт и заполнил усыпальницу», [85] но «в грунте, заполнившем камеру почти от самого потолка (в 10-15 см от него), в западной части усыпальницы начали встречаться крупные обломки от керамических и стеклянных сосудов и разные предметы» [86] — почти все вещи оказались в заполнении катакомбы. Если руководствоваться этим описанием и чертежом, находки (битая посуда и вещи) были рассеяны в слое грунта толщиной от 50 до 80 см, т.е. значительно превышавшем уровень входа. Вероятно, катакомба была не постепенно заполнена землёй за счёт натёков через норы, а намеренно засыпана землёй, перемешанной с обломками могильного инвентаря. Например, в разных частях заполнения оказались не только куски сосудов, но были рассеяны и кусочки двух разорванных сравнительно небольших сегментовидных чешуйчатых оковок седла: «В грунте, заполнявшем камеру, на разной глубине найдены также обрывки серебряной фольги с позолотой и чешуйчатым орнаментом» (рис. 42, 17). [87] К сожалению, при раскопках не было зафиксировано точное место находки каждой вещи и потому невозможно восстановить их взаимное расположение. Это было бы тем важнее, что состав находок весьма разнороден.

Часть вещей из катакомбы 10 обычна для комплексов V в. Это пряжки с далеко выступающим вперед концом хоботка (рис. 11, 2-4), причём одна — с тремя заклёпками в боковых выступах на щитке. Есть удила с длинными пластинчатыми зажимами и крестовидная бляха, покрытые тиснёной фольгой (рис. 11, 11-13). Их псалии на конце снабжены головками из цветного металла (рис. 11, 12). Найдены две пары соединённых шарнирами золотых пластин, покрытых напаянными фигурными перепо-

(37/38)

родками; место стыка накрыто полоской с перегородчатой инкрустацией (рис. 11, 5, 9). Ближайшая аналогия по форме и декору происходит из могилы 5 Гилячского I

могильника, относящейся к V в. (рис. 12, б). Интересно, что все такие пластинки-складни сохранили инкрустацию только на узкой пластинке под шарниром и никогда не имеют её в фигурных ячейках по основному полю. Это позволяет предполагать, что инкрустаций не было и первоначально. На обороте или по бокам пластинок есть петли для прикрепления их к чему-то. Назначение неясно. В катакомбе были стеклянные стаканы с синими налечами (рис. 11, 14-16), обычные для комплексов V в. Один из них стоял в стенной нише, по-видимому, связанной с первоначальным погребением, как это обычно и в керченских склепах.

Среди находок есть и большая двупластинчатая фибула (рис. 11, 1), не имеющая точных аналогий для фигурного выступа на полукруглом щитке. Судя по рисунку, фибула массивна, что необычно для большинства северокавказских фибул этой серии. Ромбическая ножка довольно короткая, наиболее расширена в нижней трети, что характерно для черняховских и крымских фибул IV в., хотя встречается как архаическая черта и у фибул из керченских склепов гуннской эпохи (рис. 5, 29). Но фибула из катакомбы 10 сделана уже в гуннскую эпоху, судя по её размерам, необычно большим для фибул этой подгруппы. Именно в гуннскую эпоху началось сильное увеличение размеров двупластинчатых фибул, постепенно приведшее и к изменению их пропорций (рис. 5, 26; 6, 1-3; 9, 1). Такие большие двупластинчатые фибулы с расширенной в нижней трети ножкой есть в двух основополагающих комплексах на Западе: в кладе II из Шимлеул Сильваней в Румынии [88] и в погребении из Унтерзибенбрунна в Австрии (рис. 6, 2). Одна такая фибула найдена в Молдавии и ещё одна, что очень важно, — в Уфе, где она была в погребении с характерной двупластинчатой фибулой V в. [89] Наконец, в катакомбе 10 были даже 14-гранные бусы из яркого тёмно-вишнёвого сердолика, о которых уже говорилось как об одном из признаков местных комплексов V в.

Наряду с набором из фибулы, деталей ремней, частей сбруи, посуды, бус в катакомбе имелся другой набор — тоже из фибул, деталей ремней, частей сбруи и посуды, ни разу не встреченный в комплексах V в., но находящий аналогии в крымских и кавказских комплексах гораздо более позднего времени (рис. 42). С ними он и будет рассмотрен ниже. Очевидно, в катакомбе были захоронения двух этапов — V в. и более позднего времени, но погребения потревожены, а взятые из них вещи потом попеременно брошены обратно вместе с землёй. О намеренной засыпке говорит и то, что часть вещей и кусков сосудов находилась в земле гораздо выше порога входного отверстия. У среднего скелета на талии уцелела пряжка V в. (рис. 11, 2) — следовательно, этот и бывший между ним и стенкой катакомбы костяк можно отнести к первоначально захороненным. У черепа ближайшего от входа скелета, который был положен после всех, загородив доступ в камеру, оказалось очень крупное зеркало, входящее в поздний комплекс вещей. К сожалению, повторяю, более точно восстановить историю заполнения склепа невозможно потому, что детали расположения прочих находок не были зафиксированы при раскопках.

Вернёмся теперь к более подробному рассмотрению инвентаря погребения 5 на Гиляче. В отличие от предыдущих комплексов, здесь нет пряжек, (38/39)

зато представлен великолепный набор фибул. Из них двучленная прогнутая подвязная с ленточной спинкой не может помочь в точном датировании, так как подобные фибулы появились в Крыму уже в IV в. и их дальнейшую историю можно выяснить в деталях лишь с накоплением данных об их встречаемости в комплексах

разного времени. Они есть в комплексах второй половины V в. в Керчи (склеп 165 1904 г.; рис. 5, 28), Дюрсо (рис. 17, 15) и, вероятно, могли на Северном Кавказе изготавливаться ещё дольше. Характерный признак крымского и северокавказского производства, неизвестный у черняховских прототипов, — пластинчатое свёрнутое кольцо для стержня пружины (рис. 12, 3; ср. рис. 1, 13, 14, 20; 2, 26; 9, 2; 10, 1-3; 17, 15; 18, 19; 19, 19-21). Небольшая гладкая двупластинчатая фибула с расширенной внизу ножкой обычна для черняховских и крымских древностей IV в., но в Крыму встречается и в склепах V в., датируясь уже по сочетанию с вещами этого времени (рис. 12, 2).

Большая инкрустированная фибула (рис. 12, 1), обтянутая тиснёной фольгой, не может датироваться временем ранее V в. по ряду признаков: стилю декора, форме ножки, расширенной выше середины, большим размерам. Последние два признака особенно хорошо заметны в сравнении с маленькой фибулой того же комплекса (рис. 12, 2). Постепенное развитие двупластинчатых фибул от простейших форм IV в. к формам V в. прослеживается только на материалах Нижнего и Среднего Подунавья: сначала, уже в эпоху гуннов, стали увеличиваться размеры фибул с сохранением старых пропорций IV в., затем, когда фибулы стали очень длинными (до 15 см), они выглядели некрасиво и, чтобы уравновесить композицию, мастера изменили пропорции ножки, переместив её расширение сначала на середину, а потом в верхнюю треть (рис. 5, 26; 6, 1, 3). Длина фибул в новом виде продолжала увеличиваться до 22 см и более. Такие крупные фибулы встречены преимущественно в наборах украшений знати из Среднего Подунавья, где находился в то время центр гуннского государства. [90] В Восточную Европу, как признают теперь основные исследователи, попадали лишь единичные образцы, сделанные на Дунае. Я знаю только две пары таких фибул из Керчи (рис. 5, 26; 16, 9 — более поздняя), из материалов Северного Кавказа — ни одной. Можно сделать вывод, что мода на фибулы с вытянутой снизу ножкой сложилась в центре гуннского государства, когда он перемещался на запад вдоль Дуная, но не у самих гуннов, а у их осёдлых союзников, преимущественно германских. (Сарматы IV в. вообще не знали двупластинчатых фибул, следовательно, и ушедшие на Запад аланы не могли ввести эту моду, они лишь спорадически заимствовали её от других народов, применявших разные двупластинчатые фибулы уже со второй половины III в.) Попав как «гуннская» мода на восток — в Крым и на Кавказ, обычай носить большие двупластинчатые фибулы с сильно вытянутой ножкой был там переработан в соответствии с местными вкусами и традициями: фибулы этой формы здесь стали делать небольшими, а скоро и лёгкими, тонкими (рис. 9, 1; 12, 1, 9-12; 16, 10, 11).

Фибула из могилы 5 отличается от крымских и западных круглыми выступами на углах. Такие фибулы, разнящиеся незначительно в деталях (форма отдельных вставок, слабое варьирование пропорций, количество выступов), найдены только в могильнике Верхняя Рутха (рис. 12, 9-12) и,

(39/40)

как сообщил О.М. Давудов, в богатом погребении из приморского Дагестана. По выступам, покрытию тиснёной фольгой и даже размерам им близка фибула из погребения второй половины V в. в Дюрсо (рис. 17, 3), но у этой фибулы вставки держатся не в напаянных гнёздах, а в прорезанных в покрывающей фольге отверстиях. По сумме признаков и области распространения этот вариант фибул следует признать местным, северокавказским. Но в Дюрсо он явно чужероден, принесён из более восточных районов, судя по тому, что остальные двупластинчатые фибулы Дюрсо

сделаны совсем иначе (рис. 17, 1, 2, 13, 30; 18, 1, 9, 18, 21 и др.). Интересная особенность многих северокавказских инкрустированных фибул «рутхинского» варианта — короткие дужки, причём сделанные не в виде высокой арки, как было обычно в течение V в. (рис. 5, 26, 27, 29; 6, 1-3; 9, 1; 11, 1; 12, 9, 12; 17, 1-3 и др.), а в виде низкого, почти вровень с пластинами, желобка (рис. 12, 11), как на более поздних фибулах Северного Кавказа (рис. 27, 1, 2) и Башкирии (рис. 28, 1, 7, 12, 20, 21).

Погребение 5 на Гиляче трудно датировать точно (только первой половиной V в.), хотя формально сочетание довольно ранней двупластинчатой гладкой фибулы и чаши с синими пятнами могло бы указывать на время. Но инкрустированная фибула отражает уже весьма развитое состояние местного производства заимствованных с Дуная фибул гуннской эпохи, возникших там не ранее первых десятилетий V в. Так что, хотя этот комплекс отражает характер древностей преимущественно первой половины V в., времени европейского господства гуннов, его можно пока датировать просто V в. без более точных подразделений, а с ним и фибулы из Рутхи и Дагестана. Комплекс могилы 5 содержал обычные серьги в виде простых массивных колец и зеркало с центральной петлёй. Очень интересно расположение трёх фибул в ряд на груди по вертикали. Уже в это время на Западе предпочитали двупластинчатые фибулы изготавливать и носить парами, как прослежено при раскопках, — на плечах, узкой ножкой вверх. Тот же западный обычай представлен в Керчи и Дюрсо, для остального Северного Кавказа он чужд.

В Бруте (Северная Осетия) М.П. Абрамовой отнесены к V в. восемь погребений. [91] Среди подкурганных катакомб с этим временем связана только одна, опубликованная С.С. Куссаевой. [92] В ней найдены овальная пряжка с утолщённым кольцом и овальным щитком с ячейками для вставок и узкий длинный наконечник ремня с красным стеклом (рис. 10, 26, 27). С предложенной М.П. Абрамовой датой этого кургана надо согласиться. Из раскопанных ею бескурганных катакомб надо принять дату трёх — 2, 3, 6 (рис. 13, 1-9). Катакомбу 6 датируют две пряжки с далеко выступающим хоботковым остриём. Там же есть такая лунница, как в могиле 4 на Гиляче (рис. 9, 26, 27; 13, 4). В могиле 3 — пряжка того же варианта (рис. 13, 9). Пряжки из могилы 2 не столь выразительны, если судить по мелким рисункам в публикации, но с ними была серьга с многогранником, датирующая и этот комплекс временем не ранее V в. Грунтовое погребение 1 содержало «две серебряные штампованные пластинчатые пряжки прямоугольной формы», [93] не встречающиеся в комплексах V в. Без осмотра пряжек в оригинале о них трудно судить точно, но возможно, они относятся к VI-VII вв. (ср. рис. 23, 6; 24, 3; 27, 4, 5, 25). VI-VII вв. может датироваться подкурганная катакомба 1, керамика которой не

(40/41)

имеет аналогий в комплексах V в. М.П. Абрамова сопоставила её с керамикой Пашковского могильника VII в. [94] Курган 2 и групповое погребение 4 трудно датировать из-за скудости находок. Вообще все погребения Брута были в разной степени ограблены в древности, потому состав их инвентаря так ограничен.

Г.Е. Афанасьев отнёс ко «второй половине V — первой половине VI в.» раскопанную им катакомбу 3 в Мокрой Балке (рис. 13, 22-26). [95] По имеющемуся инвентарю трудно обосновать «захождение» комплекса в VI в., хотя вообще такие типы пряжек пережиточно встречаются и дольше. Можно лишь констатировать, что комплекс относится ко времени не ранее V в. Г.Е. Афанасьев считает катакомбы 1 и 4 синхронными катакомбе 3. [96] Находки из них менее выразительны, во всяком случае

тоже не старше V в. Тем интереснее, что все три катакомбы расположены близко друг от друга. Если их дата верна, можно было бы говорить о маленькой группе могил V в.

Вот те немногие более или менее выразительные комплексы V в., или эпохи гуннского владычества, которые удаётся учесть на Северном Кавказе. Это или одиночные погребения, или, в случае широких раскопок (как на Гиляче, в Бруте и, возможно, в Мокрой Балке, а также у Лермонтовской скалы), — маленькие кладбища из двух — четырёх могил, расположенных довольно компактно. Следует учесть, что и на Западе, и в восточноевропейской степи это тоже одиночные могилы или «клады», одно кладбище в Новогригорьевке, где только две могилы (VII и VIII) избежали разграбления и могут быть датированы этим временем. Только в условиях города, в Керчи, это кладбище гораздо больше: например, в районе позднейшей Госпитальной улицы оно состояло из многих (более 10) семейных склепов знати, [97] большинство которых оказалось добычей кладоискателей, почему достоверно судить об их количестве невозможно. Другой район могил V в. находился в Керчи на Глинище.

Северокавказские могилы различны по погребальному обряду и оставлены не гуннами, а, по-видимому, местным населением, судя по обычности в них фибул. Характерная для гуннской эпохи мода проникла сюда, видимо, путём контактов и влияний, так же, как к негуннскому населению Керчи (вероятно, грекам и готам).

Кроме рассмотренных могил, на Северном Кавказе известен ещё ряд пунктов со случайными находками вещей V в. — местами разрушенных погребений. Это прежде всего знаменитый могильник Верхняя Рутха, где, кроме трёх инкрустированных фибул (рис. 12, 9-12), кладоискатели нашли типичные части сбруйных наборов. Вероятно, и здесь было маленькое кладбище V в., принадлежавшее местному населению, хоронившему, как и на Гиляче, в каменных ящиках. [98] Среди находок из Рутхи я не отношу сюда несколько круглых блях, обтянутых тиснёной фольгой и украшенных красными камнями в гнездах. Мне неизвестны такие предметы в достоверных комплексах V в., но они есть в более позднем сочетании в Байтал-Чапкане. [99] Есть они и в комплексах степной группы III из Зеленокумска и городища Татарка (рис. 43, 4, 15). Вопрос об их дате пока лучше оставить открытым.

Возможно, с кочевниками связана находка в Воздвиженском (Здвиженском) типичного набора из пряжек V в. и сбруи степного типа (рис. 14,

(41/42)

1-11). Вещи нашел крестьянин в остатках кургана вместе с черепом лошади. [100] Необычность этой вполне «стандартной» находке придают золотые звёздчатые серьги, обильно усыпанные зернью (рис. 14, 13), как правило, встречаемые в степных древностях иного облика (обозначенных мной как группа III). [101] И.П. Засецкая видит в этом сочетании доказательство того, что группа I степных древностей гуннской эпохи одновременна группе III. [102] Она утверждает, что вещи группы III в технике зерни делались только для женщин, а вещи группы I в технике тиснения — только для мужчин-воинов и более упрощённо. [103] На самом же деле вещи группы I делались и для женщин, о чём говорит ряд могил с диадемами в этой технике. А к группе III относится могила воина в Боровом в Казахстане (рис. 44), где части оружия и сбруя так же обильно украшены зернью, как и женские украшения из других могил. [104] Здесь не место отвлекаться от рассмотрения достоверных древностей гуннской эпохи. По поводу коллекции из Воздвиженского надо лишь отметить, что она, по-видимому, сборная из вещей разного времени. Типичный комплекс из пряжек и сбруи гуннской

эпохи — это то, что нашёл крестьянин у черепа лошади. А необычные для такого сочетания звёздчатые височные подвески, вероятно, происходят из другой находки и были включены в коллекцию на пути её долгого следования по инстанциям от местных властей до Археологической комиссии в Петербурге. Такое предположение было бы только домыслом, если бы в коллекции не было серьги в виде знака вопроса (рис. 14, 12), совершенно неизвестной ни среди достоверных древностей V в., ни среди приписываемых к ним древностей VI-VII вв. Это типичная вещь развитого средневековья. Её наличие в коллекции подтверждает сборность последней.

Вероятно, к V в. относится инвентарь каменного ящика, разрушенного у пос. Шестая Шахта, в 6 км к югу от Хумаринского городища (рис. 13, 16-21). [105] Дата основывается лишь на обломках тиснёных бронзовых позолоченных пластинок, прочие вещи не имеют узкой даты. Но керамика находит аналогии в северокавказских комплексах V в. (из Брута и Мокрой Балки). [106] Пластинки не имеют близких аналогий.

К V в. принадлежат по своему типу удила из разрушенных курганов около аула Терезе Карачаево-Черкесии (рис. 13, 27). [107] По рисунку публикации неясно, имели ли концы зажимов фигурно вырезанные края или скорее пластины были более длинными, имели не менее 12 (18?) заклёпок каждая и обломаны по четвёртому ряду этих заклёпок, отчего края излома сохранили следы отверстий, — такие удила были в склепе 145 1904 г. в Керчи. [108]

Возможно, к V в. относится погребение 4 в Тамгацике, к северу от аула Жако (рис. 13, 10-15). [109] Фибула и зеркало не показывают узкой даты. Возможно, её могла бы определить лишь 14-гранная бусина из яркого тёмно-вишнёвого прозрачного камня, неизвестная мне в комплексах других периодов.

По всему Северному Кавказу встречаются отдельные (депаспортизованные) предметы V в., особенно пряжки. Таковы типичные инкрустированные овальные (или, как их ещё называют, «почковидные», нем. Nierenförmig) пластины очень однообразных пряжек, имеющих три заклёпки в боковых выступах. Можно назвать находку из б. Терской области

(42/43)

(рис. 14, 21) [110] и из бассейна р. Чегем в Кабардино-Балкарии (покупка у Д.А. Вырубова; рис. 14, 25). [111] Ещё больше в коллекциях музеев депаспортизованных пряжек с далеко выступающим хоботком (как на рис. 14, 22 и др.), небольших тонких двупластинчатых фибул северокавказского производства, близких по пропорциям образцам V в. Но такие вещи могли употребляться дольше, поэтому для уверенного ограничения их только V в. нужны комплексы. В данной работе, посвящённой комплексам, разрозненные находки не рассматриваются.

Сходные процессы, обусловившие сходство вещей, происходили в V в. по всему Северному Кавказу. На крайнем востоке изучаемой территории, в приморском Дагестане, богатое погребение V в. с инкрустированной фибулой «рутхинского» варианта найдено случайно в Ираги. Его публикацию подготавливает О.М. Давудов. Л.Б. Гмыря любезно ознакомила меня с результатами своих раскопок курганов Паласа-сырта к югу от Дербента. В этом огромном могильнике есть комплексы, по-видимому, второй половины V в. и комплексы IV в. Не старше IV в. пряжка из кургана 1, опубликованного В.Г. Котовичем, и не старше V в. серьга с многогранником из кургана

2. [112] В Крыму такие серьги с большой инкрустированной бусиной носили ещё в VI-VII вв. На Западе — во всяком случае в VI в. Поэтому без датированных аналогий остальным вещам комплекса ограничивать его хронологические рамки только V в. преждевременно.

Украшения из катакомбы 2 кургана в Утамыше в приморском Дагестане [113] очень близки древностям гуннской эпохи, но отличаются в деталях, [114] более всего напоминая находки в Тураевских курганах Татарии. [115] Ясно, что эти изделия возникли на основе традиций гуннской эпохи, но мне кажется, что это может быть уже переживание этих традиций в несколько более позднее время — вторую половину V и первую половину VI в. [116] Кроме обширного приуральского материала из Тураева, Бирска, могильников харинского этапа, к датированию этих древностей должен быть привлечён и закавказский материал — это тема особой большой работы.

Расчленение древностей V в. на два периода — первую и вторую половины столетия — хорошо удаётся на Западе, в том числе в Среднем Подунавье (ср. рис. 6 и 16, 1-8). После изгнания гуннов в 453 г. их бывшие владения на Дунае заняли ранее подчинявшиеся им различные народы, развивавшие свою культуру с учётом традиций гуннской эпохи. Изменения в деталях вещей позволяют легко различать ведущие находки этих двух периодов. Ключ к абсолютному датированию даёт богатый инвентарь могилы в Турнэ, а также перенос таких древностей в Италию при переселении туда остготов в конце V в. Некоторую увязку с западными древностями второй половины V в. давали находки из склепа 165 1904 г. в Керчи (рис. 16, 9-18), где оказалась привезённая, вероятно, из Подунавья пара больших массивных фибул с декоративными накладками в виде пальметок у концов дужки (рис. 16, 9; ср. рис. 16, 1 — из Чехословакии). В степи и на Северном Кавказе древности V в. пока не дифференцируются, за исключением двух памятников.

В степи погребение у колхоза Восход близ г. Энгельс в Поволжье [117] можно отнести ко второй половине V в. по крестовине меча (рис. 15, 2), украшенной перегородчатой инкрустацией из золота и пластинок альмандина. На нашей территории и сам предмет, и стиль его инкрустации не

(43/44)

имеют аналогий. На Западе такого рода инкрустация из ступенчато выпиленных ромбов широко распространена во второй половине V в. Специально изучавшая гранатовую инкрустацию Европы Б. Аррениус нашла точно такие ромбы, как в погребении у колхоза Восход, на сосуде из Гурдона во Франции, датированном второй половиной V в. Поэтому она связала крестовину из «Восхода» с изделиями того же времени, но дату самой могилы произвольно ограничила временем «около 450 г.», [118] ссылаясь на то, что исследователи относят все степные могилы гуннского времени к «эпохе Атилы», завершившейся на Дунае в 453 г. изгнанием гуннов. Я уже писал, что справедливая для Запады дата гуннской эпохи произвольно переносится на Восточную Европу, куда дунайские гунны отступили после 453 г. и где, следовательно, их культура и традиции не подверглись насильственному прекращению, как на Западе. Поэтому, принимая датированные аналогии, найденные Б. Аррениус для крестовины из «Восхода», нельзя согласиться с ограничением даты лишь 450 г., а следует отнести могилу у «Восхода» как раз к этому трудно выделяемому у нас периоду второй половины V в. Сама крестовина могла быть сделана на Западе и оттуда попасть в Нижнее Поволжье, так как не только техника её изготовления, но и форма не имеют у нас аналогий. Между тем из Румынии, из Валялуй Михай (старое название —

Эрмихайфалва), известна другая крестовина меча со свисающими ниже неё орлиными головками. Крестовина сделана в иной западной технике второй половины V в. — рельефной выемчатой резьбы, имеет круглые гнёзда для инкрустаций. В могиле было подражание солиду Феодосия II 443 г. Й. Вернер отнёс могилу к группе комплексов второй половины V в. и датировал временем около 500 г. [119] И эта аналогия подтверждает датировку погребения у колхоза «Восход» второй половиной V в.

Сравнивая инвентарь этого погребения и прочих степных комплексов гуннской эпохи, можно видеть, что каких-либо существенных различий нет. Меч имеет нефритовую скобу для подвешивания, какие встречались ещё в сарматских курганах Поволжья и комплексах III в. из Керчи (рис. 2, 17). В памятниках V в. имеют параллели тиснёные накладки с круглыми стеклами (рис. 15, 13) и мелкие пряжки (рис. 15, 8, 9). Индивидуальны по исполнению тиснёные обкладки с масками и инкрустированная головка зверя (рис. 15, 10, 12), но оба мотива известны в ту эпоху (рис. 30, 14). Оба мотива существовали долго и для уточнения даты бесполезны. Серьга-калачик редка в степных памятниках V в., но всё же есть в Беляусе, только более тонкая. Инкрустация квадратиками щитка большой пряжки тоже находит аналогию гуннской эпохи среди материала из разрушенного погребения в Красном Сулине на нижнем Дону, где имелся также серебряный тазик с горохатым краем и клеймом 383-408 гг. [120] Лишь большая овальная плоская снизу пряжка может быть сопоставлена не только с древностями гуннской эпохи, но и с пряжкой из упомянутого погребения второй половины V в. в Валя луй Михай. Таким образом, в степи древности второй половины V в., по-видимому, не претерпели существенного изменения по сравнению с предшествующими, в отличие от западных областей, где культура того времени изменилась весьма заметно. [121]

На Северном Кавказе древности V в. также не расчлняются, за исключением Дюрсо. В Дюрсо эти отличия заметны лишь потому, что в нём (44/45)

много западных элементов, и только за счёт их, за счёт связей населения долины р. Дюрсо с Крымом и, возможно, Средним Подунавьем, происшедшие далеко от Кавказа события 453 г. отразились в быту населения, образовавшего здесь небольшой этнографический островок.

А.В. Дмитриев убедительно сопоставил находки в Дюрсо с письменными данными. В сочинении V в. «Перипл Эвксинского Понта» говорится: «От Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты, а ныне живут так называемые эвдусианы, говорящие на готском или таврском языке». [122] В сочинении середины VI в. Прокопий Кесарийский, говоря о Меотийском Болоте (Азовском море) и его впадении в Эвксинский Понт, сообщает, что «рядом с теми местами, откуда начинается устье Болота, живут так называемые готы-тетракситы; они немногочисленны... Незадолго перед этим (а именно когда исполнился 21 год единодержавного правления императора Юстиниана) они прислали в Византию четырёх послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который у них был священнослужителем, незадолго перед тем умер... По ту сторону Меотийского Болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времён так называемые готы-тетракситы». [123] Далее Прокопий довольно неясно описывает события гуннской эпохи и вызванное ими движение народов к западу, подчёркивая в основном перемещения гуннов к западу от Дона (Танаиса) как их уход из своих исконных земель за Доном и Азовским морем. Далее он возвращается к

истории тетракситов. Гунны-«утигуры со своим вождём решили вернуться домой (т.е. за Дон и Меотиду. — А.А.)... Недалеко от Меотийского Болота они встретили так называемых готов-тетракситов», которые «были самыми сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало устья Меотийского Болота, где в то время обосновались готы-тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон, и поэтому даёт для наступающих против них один, и при этом не очень широкий путь». Вступив в переговоры, «они решили, что готы поселятся на противоположном материке у самого берега пролива, там, где они живут и теперь, и, став на дальнейшее время друзьями и союзниками утигуров, будут жить там всё время, пользуясь с ними равными и одинаковыми правами». [124]

Гавань Пагры отождествляют с Геленджиком, а Синдскую Гавань — с Анапой. [125] Таким образом, могильник Дюрсо оказывается в центре области эвдусиан, или тетракситов. [126] Предыдущее место их расселения описано Прокопием неясно, как и все его сведения о событиях V в. Но возможно, Прокопий получил информацию о тетракситах от них самих или от очевидцев, поскольку в 548 г. Велитарий, у которого Прокопий был секретарём, вернулся из Италии в Константинополь, [127] а в 548 г. в Константинополе находилось упомянутое посольство тетракситов (как выразился сам Прокопий, «незадолго» до того как он писал свой текст о тетракситах). Поэтому в изложении истории тетракситов V в. особенно достоверно и важно указание, что место их обитания было окружено устьем Меотийского Болота в виде полумесяца. Это мог быть или Керченский полуостров, или Таманский. По традиции о крымском происхождении тетракситов вероятнее первый. Но трудно представить тогда путь утигуров с Запада: сначала — в Крым, затем, через пролив, — в восточное При-

(45/46)

азовье и Задонье. Не могли ли они пройти туда прямо через степи и Дон? Прокопий, много говоря о кутригурах и утигурах, не связывает с ними гуннское население степного Крыма. Удивляет, что Иордан, писавший одновременно с Прокопием, вообще не упоминает кутригуров и утигуров, знает лишь о набегах на Подунавье кочевых болгар, а в Крыму («около Херсоны») помещает гуннов-алциагиров. [128] Значит, возможен и вариант, что тетракситы занимали район Тамани, а затем утигуры оттеснили их несколько южнее, в соседнюю область. Тогда переход через пролив пришлось бы отнести за счёт плохого знания Прокопием географии этого района и путаных представлений о событиях V в.

В любом случае из этих сведений видно, что в V в., до того как «гунны-утигуры... решили вернуться домой», тетракситы были соседями города Боспора (Керчи) или с запада, или с востока и находились в контакте с позднеантичным миром.

Дата их появления на новом месте определяется лишь предположительно: из соображения, что гунны «решили вернуться домой» скорее всего после изгнания их из Подунавья, т.е. после сокрушительного поражения 453 г. Во всяком случае, если в конце IV — первой половине V в. происходил отлив кочевников восточноевропейских степей к западу, в зону гуннской экспансии, то после 453 г. вытеснение из Подунавья самой активной их части должно было привести к уплотнению населения степи и к известному перераспределению степных пространств между теми, кто в них оставался, не уходя на запад, и теми, кто уходил и был вынужден вернуться. Таким образом, дата начала тетракситского расселения в области между Синдской Гаванью и Гаванью Пагры после дунайских событий 453 г. наиболее вероятна.

Для древностей второй половины V в. на Дунае характерны большие (часто очень большие) массивные двупластинчатые фибулы с декоративными пластинчатыми накладками у концов дужки (рис. 16, 1). Кроме накладок, от больших фибул предшествующего времени их отличают пропорции ножки (более высоко расположено расширение); боковые стойки, согнутые уголком и наложенные с боков на края головной пластины. [129] Изменяются пропорции части пряжек. Главное же в том, что широко распространяется новый стиль декора, заимствованный из провинциально-римского ремесла: гранёно-выемчатая резьба. Резьбой покрыты многие пряжки, а также новой формы фибулы — пальчатые. Часть двупластинчатых фибул найдена вместе с резными пряжками, и сами они украшены накладками с гранёно-выемчатой резьбой (чаще её имитацией, выполненной тиснением). Есть и другие элементы рельефного стиля в декоре двупластинчатых фибул второй половины V в., есть вещи со смешением признаков двупластинчатых и пальчатых фибул. [130] Рельефный стиль датирован двумя находками с монетами 443 г. (в Каравукове — оригинальная римская монета, в Валя луй Михай — подражание ей), а также преемственностью с изделиями первой половины VI в. Параллельно происходит расцвет украшений со сложной перегородчатой инкрустацией, отчасти использовавшей традиции гуннской эпохи, а отчасти обязанной влиянию византийского мастерства. Дата инкрустаций основана на находках в Турнэ и на преемственности с изделиями первой половины VI в.

В Восточную Европу попадают лишь некоторые отзвуки этих ново-
(46/47)

введений. В керченском склепе 165 1904 г. найдена в обломках пара, вероятно, привозных дунайских двупластинчатых фибул с накладками (рис. 16, 9). Правда, они меньше многих западных образцов (рис. 16, 1), но столь же массивны и тяжелы, в отличие от местных подражаний. В том же склепе найдены маленькие тонкие фибулы тех же пропорций (рис. 16, 11), характерные для собственного боспорского производства. В Крыму появились и первые рельефные фибулы, вероятно привозные. К сожалению, они известны преимущественно из старых кладоискательских раскопок, а немногие научно раскопанные комплексы маловыразительны и плохо опубликованы. Основным источником остается пока керченский склеп 165 1904 г. (рис. 16, 9-18). [131] Н.П. Сорокина высказала предположение, что большинство его погребений относится «к первой половине IV в., до гуннского вторжения на Боспор (370 г.)». [132] И.П. Засецкая допускает, что некоторые погребения этого склепа датируются несколько более поздним временем — серединой V в. (например, погребение 3, в котором обнаружен обломок серебряной двупластинчатой фибулы смолинского типа). [133] На самом деле даже в самых ранних, судя по их положению в глубине ниш, погребениях склепа 165 есть уже вещи V в. (двупластинчатая фибула с сильно вытянутой ножкой в погребении 10; пряжка с далеко выступающим хоботком, украшенным звериной головкой, в погребении 5; рис. 16, 12, 13). Погребение 6 на краю лежанки и погребение 3 на полу содержали характерные фибулы второй половины V в. (рис. 16, 9-11) и обычные пряжки V в. (рис. 16, 15-18).

Изменения второй половины V в. заметны лишь в части двупластинчатых фибул из склепа 165. Остальные фибулы и пряжки сохранили облик, обычный для первой половины V в. По-видимому, в течение всего V в. простые крымские хоботковые пряжки одинаковы, но не исключено, что увеличился процент язычков со звериной головкой, причем, вероятно, очень схематичной (просто несколько нарезок). В склепе 154 была только одна пряжка с головкой — в самом позднем захоронении; в склепе 165

их уже три, причем относящихся к разным периодам заполнения склепа. Впрочем рисунки в публикации И.П. Засецкой очень схематичны и приблизительны, поэтому точно судить о деталях исполнения головок преждевременно.

Материалу Дюрсо подтверждают предварительное впечатление, создавшееся от знакомства с крымскими находками. Более того, материалы Дюрсо охватывают и последующий период, почти не представленный в Крыму, впервые позволяя проследить развитие культуры в после-гуннский период на территории Восточной Европы. Большое значение имеет разработанная А.В. Дмитриевым убедительная периодизация могильника. [134] Важные в хронологическом отношении вещи из могил этапов I-IV Дюрсо показаны на рис. 17; 18; 19, 1-18; 20; 21, 14-26, 38, 39. Этапы V и VI по своей дате — VIII-IX вв. — далеки от рассматриваемой здесь тематики.

«Ключевое» погребение этапа I Дюрсо — 300 (рис. 17, 1-12), поскольку оно содержит большой и разнообразный инвентарь и хорошо связывается с детально разработанной дунайской хронологией. Наиболее интересные для даты вещи находились в кучке женских украшений (рис. 17, 1-5, 7, 10), положенной на правое плечо погребённого воина. [135]

(47/48)

Двупластинчатая фибула со сложными пальметками из лепестков разной ширины безусловно имитирует дунайские образцы (рис. 16, 1; 17, 1). Дунайские аналогии имеют все детали: пальметки, накладная перемычка над верхней пальметкой, характерная звериная головка на полукруглом щитке, пропорции ножки с расширением в верхней трети. [136] Пластинки этой фибулы даже толще, чем у прочих фибул могильника, и по этому признаку напоминая дунайские изделия. Фибула явно подражает дунайским образцам (по форме пальметок ей близки находки из Смолина в Чехословакии, Лаа в Австрии и Лома в Болгарии), [137] но она гораздо меньше их: это основная черта крымского и северокавказского производства двупластинчатых фибул. Столь же тщательно копирует дунайские прообразы и вторая фибула из погребения 300 (рис. 17, 2), пальметки которой составлены из лепестков с ямками на каждом, — тоже обычная дунайская форма. [138] На дунайских пальметках ямка расположена в основании лепестка, сохраняя преемственность с исходным мотивом — античным киматионом. [139] На фибуле из Дюрсо ямки переместились на самый лепесток, полностью потеряв связь с исходным мотивом. Фибула сделана ещё тоньше и имеет снизу на ножке припаянную проволочную подкладку для прочности — приём, неизвестный в Подунавье, но широко применявшийся позднее в Дюрсо (рис. 18, 1, 9, 18, 21 и др.), а в несколько ином виде — и на огромных тонких фибулах второй половины VI-VII в. юго-западного Крыма.

В погребении 483 (рис. 17, 13-24) было тоже четыре фибулы разных вариантов. Из них две парные сделаны по дунайским образцам с пальметками (рис. 17, 13). Пальметки не выпуклые, разделённые бороздками, как обычно, а их упрощённая имитация — с желобками, разделёнными узкими ребрышками. Эта форма неизвестна в Подунавье, но есть у части вестготских двупластинчатых фибул из Испании, относящихся уже к VI в. (например, в могилах 32, 106, 176, 200, 206 вестготского кладбища Дуратон). [140] Такие же пальметки — у необычно маленьких фибул из Хохфельдена во Франции, которые исследователи относят к эпохе Атиллы лишь потому, что в могиле были маленькие нашивные бляшки из золота, окаймлявшие края. В Восточной Европе этот обычай известен по крайней мере с III в., и нет оснований считать его датирующим только для эпохи Атиллы, если с бляшками имеются фибулы,

точно, до всех мелочей, копирующие развитые дунайские образцы второй половины V в. Вероятно, желобчатые накладки, получившие наибольшее распространение в древностях VI в. Испании, появились на поздней стадии изготовления обычных выпуклых накладок, т.е. в последние десятилетия V в. [141] Желобчатая накладка и проволоочная подкладка для прочности уцелели от фибулы из разрушенного строителями погребения 298 (рис. 17, 25-29). Наконец, грубо исполненное подражание дунайской фибуле с совсем деградированной лепестковой накладкой было в погребении 510 (рис. 17, 30, 31).

Дату этапа I Дюрсо определяет то, что двупластинчатые фибулы являются местными копиями дунайских образцов второй половины V в. Археологические данные подтверждают отнесение могильника к тетракситам, основанное на данных «Перипла» V в. и Прокопия: совпадают дата — после середины V в. — и избирательные западные связи оставившего этот памятник населения — с Крымом и даже Подунавьем. Находки здесь

(48/49)

желобчатых пальметок, неизвестных в Подунавье V в., но появляющихся к концу V в. в периферийных областях заимствования дунайских фибул с накладками (Франция, Испания, Дюрсо), могут подтверждать предположение А.В. Дмитриева, что возникший как далёкое следствие передвижений народов, последовавших после дунайских событий 453 г., могильник стал функционировать лишь в последней трети V в. [142]

Правда, в последние десятилетия за рубежом наметилась тенденция к «удревнению» дат части дунайских древностей с фибулами, имеющими накладку. Я. Тейрал пытался доказать, что погребение в Смолине (рис. 16, 1-8) датируется ещё поздней эпохой Аттилы, синхронизируя его фибулы с самыми поздними роскошными фибулами с накладным узором из клада Шимлеул Сильваней. Я. Тейрал считал, что фибулы с пальметками исчезли раньше прочих дунайских двупластинчатых фибул. [143] На самом деле те и другие нашли продолжение в изделиях VI в. в Испании, следовательно, существовали до конца V в. параллельно. Ф. Бирбрауер разделил двупластинчатые фибулы по размерам и по тому, есть или нет с ними литые пряжки с гранёно-выемчатой резьбой. Поэтому близкую фибулам Дюрсо фибулу с накладками из могилы 50 1937 г. в Фанагории он объединил с фибулами из Ранжевого, Чани, Синявки и керченского склепа 154 1904 г. и датировал временем около 400 г. В следующий горизонт «типа Виллафонтана» он объединил Унтерзибенбрунн, Эран, Регей, Хохфельден, Лаа, Дюлавари, Бакодпуста, датированные им первой половиной V в., а в горизонт второй половины V в. поместил лишь двупластинчатые фибулы, найденные с литыми рельефными пряжками (Косино и Ходмезевашархей), и ранние пальчатые фибулы. [144]

По моему мнению, нельзя сбросить со счёта серьёзные типологические различия двупластинчатых фибул, детали их формы и декора. По ним фибулы типа Унтерзибенбрунна и Шимлеул Сильваней объединяются в одну группу с гладкими фибулами из Чани и Синявки и противостоят фибулам с накладками как новому, весьма органичному целому, связанному воедино сложным переплетением специфических новых признаков, в том числе элементами гораздо более глубокого и разветвлённого влияния литых гранёно-выемчатых изделий, чем это отмечалось до сих пор исследователями. На этом основании я считаю, что фибулы с накладками образуют горизонт древностей, существовавший после 453 г. и преимущественно основанный на

самых поздних достижениях ювелиров гуннской эпохи на Дунае. Сложившись после 453 г., этот этап связан преемственностью с древностями VI в. На связь с событиями 453 г. указывает и область распространения фибул с накладками, отразившая иную политическую реальность, чем зона распространения предшествовавших фибул эпохи владычества гуннов. [145] Таким образом, дата этапа I Дюрсо и керченского склепа 165 1904 г. мне представляется вполне обоснованной, наилучше отражающей всю сумму данных.

Как и в Керчи, в Дюрсо во второй половине V в. продолжали широко бытовать хоботковые пряжки с далеко выступающим вперед за рамку остриём (рис. 17, 5-8, 16, 17), в том числе со звериной головкой (рис. 17, 5). Как уже отмечалось для Северного Кавказа, есть прогнутые подвязные фибулы с ленточным корпусом (рис. 17, 15), зеркала с петлёй в центре. В соответствии с западными связями в Дюрсо чаще, чем на остальном

(49/50)

Северном Кавказе, встречаются серьги с 14-гранником (в двух погребениях из четырёх; рис. 17, 19, 20, 27). Есть браслеты из проволоки (рис. 17, 18) и гривна. Нет серёг калачиком, обычно считающихся среди археологов характерным украшением гуннской эпохи. Внешне похожее на них массивное граненое колечко (рис. 17, 9) лежало возле меча, и А.В. Дмитриев полагает, что это пряжечка. Вспомним, что и в степном погребении у колхоза Восход колечко, похожее на такую серьгу, на самом деле — вещь непонятого назначения, его положение в могиле неизвестно, а толстые срезанные концы позволяют думать, что это колечко такого же назначения, как в Дюрсо.

По данным Н.П. Сорокиной, стеклянные стаканы с синими налечами не бывают в Крыму позднее первой половины V в. и не встречены с вещами последующего времени. В Дюрсо они задержались минимум на 50 лет дольше (рис. 17, 12, 24), судя по характерным фибулам. В Керчи, в склепе 165 1904 г., единственный сосуд с налечами стоял в стенной нише. Не исключено, что он был связан с началом использования склепа в первой половине или середине V в.

Этап II Дюрсо составляют погребения, занимающие промежуточное положение между комплексами этапов I и III. Двупластинчатые фибулы и здесь — основа хронологии. Они остаются в русле дунайской традиции, но уже не имеют на Дунае прямых аналогий, а являются результатом творчества местных, тетрактитских, мастеров (рис. 18, 1, 9, 18, 21; 19, 1, 2, 12). Наиболее показательны фибулы с ножкой, имеющей внизу боковые срезы (рис. 18, 21; 19, 1). Таких срезов совсем нет на фибулах Дуная во второй половине V в., но они появляются в Испании VI в. [146] и позднее характерны (в более утрированном виде) для южнокрымских фибул второй половины VI — первой половины VII в. [147] и северокавказских VII в. (рис. 21, 1, 14). Накладки этих фибул из Дюрсо продолжают традиции дунайских накладок, имитированных под гранёно-выемчатую орнаментику (рис. 18, 9, 18, 21; 19, 1, 2, 12; 20, 1, 7, 15, 23), причём на фибулах, изображенных на рис. 18, 21; 20, 7, накладки уже фактически утратили эту связь и сделаны скорее в традициях тиснёных обкладок с имитацией зернёного орнамента гуннской эпохи (рис. 7, 1, 4-8, 10, 12; 8, 4-10, 16-19, 21 и др.) и более поздних (рис. 36, 2, 4, 6, 7; 38, 2, 13, 16). Я согласен с А.В. Дмитриевым, что для обособления фибул из могил 500 и 517 от подобных им фибул этапа III Дюрсо достаточно веским основанием может быть их сочетание в этих могилах с обычными хоботковыми пряжками V в. (рис. 18, 22-28; 19, 3-5), тогда как на этапе III появилась и

новая, неизвестная ранее форма пряжек с полой снизу и очень массивной на вид рамкой (рис. 20, 16, 24). По сочетанию с пряжками фибулы из могил 500 и 517 можно предварительно считать более ранними, чем остальные фибулы Дюрсо, имеющие ножку с боковыми срезами.

В погребении 500 фибуле со срезами (рис. 19, 1) сопутствовала пара обычных по форме фибул (рис. 19, 2), но имеющих накладки близкой формы. Интересно, что фибула со срезами лежала на плече погребённой, а фибулы более старого варианта — среди кучки даров, сложенных в ногах. [148] По сопоставлению с последней парой из погребения 500 к тому же этапу II отнесены фибулы из погребений 197, 291, 292 (рис. 18, 1, 9, 18). [149] Следует согласиться с автором раскопок, что фибулы, изобра-

(50/51)
жённые на рис. 18, 1, 9, 18; 19, 2, отнесены к этапу II потому, что они непосредственно продолжают постепенно угасающую традицию ремесла этапа I по форме пластин головки и ножки. У фибулы на рис. 18, 18 боковые стойки пружины стоят уже не параллельно, как на фибулах Дуная и этапа I Дюрсо, а под углом, как на большинстве местных фибул со срезами (рис. 18, 21; 19, 1; 20, 1, 7, 15, 23). Уже на этапе I (рис. 17, 2, 30) у мастеров района Дюрсо появилась тенденция сгибать внутрь нижние края боковых стоек, неизвестная на Дунае (у фибул на рис. 17, 1, 13 стойки ещё согнуты под прямым углом). На этапе II сгибание стоек уже обычно (рис. 18, 9, 18, 21). К сожалению, мне удалось проверить наличие этого признака не у всех фибул (по рис. 18, 1; 19, 1, 2; 20, 15 у меня данных нет). Фибулы этапа II Дюрсо все сделаны из тонких (или очень тонких) пластинок и обычно сохраняют подложенные снизу для прочности длинные стерженьки. [150]

О том, что фибулы из могил 291, 292 моложе этапа I, говорят и необычные для V в. пряжки (рис. 18, 2, 3, может быть, 4), браслеты со звериными головками (рис. 18, 13, 14) и расплюснутыми орнаментированными концами (рис. 18, 15). Довершают характеристику этапа II стеклянные стаканы с наклепным синим зигзагом (рис. 18, 8, 16, 31, 32), не отмеченные в сводках Н.П. Сорокиной по Крыму, и стаканы с косыми желобками (рис. 18, 17; 19, 11). Последние встречены в Цебельдинской долине в погребении с местными фибулами VI в. (рис. 19, 19-27). [151]

Труднее всего датировать пару фибул из могилы 420 (рис. 19, 12). Легко заметить, что они продолжают дунайскую традицию, возникшую с начала V в. (рис. 6, 2, 3). Фибулы с треугольной головкой и округлыми выступами с укрепленными на них выпуклыми шляпками заклёпок весьма разнообразны и, судя по этому, существовали долго — в V-VI и, возможно, даже в VII вв. К сожалению, большинство находок депаспортизовано или происходит из комплексов с маловыразительным инвентарём. Фибулы из могилы 420 сделаны в традициях местного мастерства: тонкие, с подкладкой, согнутыми внутрь стойками, тиснёными из фольги накладками, как у других фибул Дюрсо поздних вариантов (рис. 18, 9; 19, 1, 2). К этапу II отнесена эта могила и по форме накладок, находке жестяной коробочки-буллы (рис. 19, 16), пока неизвестной в материалах V в. и наиболее распространенной на Северном Кавказе и в Башкирии [152] в VII в. (рис. 21, 5, 36). Предположительное отнесение к этапу II подтверждает сходство краснолаковых тарелок с крестами из погребений 420 и 517 (рис. 18, 30; 19, 18).

Подытоживая обзор этапа II Дюрсо, можно отметить сохранение в нём пряжек V в., серёг с 14-гранником и в виде простого проволочного колечка, ленточных

прогнутых двучленных подвязных фибул (рис. 18, 19). Серебряная серьга калачиком, на этот раз с острыми концами (рис. 18, 5), немного массивнее беляусской, лежала на правом плече воина вместе с женской фибулой в качестве даров умершему. Из новых форм выделяются звериноголовые и плоскоконечные браслеты (рис. 18, 13-15), стеклянные стаканы с косыми желобками и наlepным синим зигзагом, византийская пряжка с поперечными рубчиками на щитке (рис. 18, 2).

Ориентировочно этап II можно отнести к первой половине VI в., поскольку он следует непосредственно за этапом второй половины V в.

(51/52)

и поскольку фибулы со срезами на ножке имеют аналогии времени не ранее VI в. А.В. Дмитриев предложил более узкую дату — только первая треть VI в., [153] но она столь же приблизительна, так как верхняя граница обеих дат не имеет надёжно фиксированных абсолютных привязок. Самое важное для хронологии Кавказа и Крыма здесь то, что это уже VI век, его первая половина — период, наименее освещённый в древностях Восточной Европы. На Дунае и в Италии этот период представлен большим числом ярких находок, но они уже совершенно иные, чем на Северном Кавказе, имея отдельные точки соприкосновения лишь с Крымом. И двупластинчатых фибул с накладками там в VI в. уже совсем нет, вернее, пока не найдены, так как на Дунае остаются ещё слабо исследованные в этом отношении области, особенно места расселения готов в Болгарии.

На этапе III Дюрсо, согласно А.В. Дмитриеву, безраздельно господствуют местные фибулы с боковыми вырезами на ножке. [154] Как говорилось, они тонкие или очень тонкие, с подкладкой для прочности, непараллельными, согнутыми внутрь стойками. Пока найдены только полукруглые накладки с орнаментом из выпуклого зигзага. Некоторые пряжки сохраняют традиции V в., возможно, скорее его второй половины (рис. 20, 3, 4, 17, 18, 25), и первой половины VI в. в Крыму и на Западе. [155] Близка к ним пряжка из комплекса второй половины V в. в Чепари (Румыния). Возможно, на их особенностях («грузные» растянутые овалы рамки и щитка) сказалось влияние византийских пряжек. Отмечая некоторое их своеобразие, надо подчеркнуть, что для точной датировки эти пряжки не будут пригодны без полной сводки и классификации всей суммы близких им пряжек IV-VI вв.

Основанием для выделения в Дюрсо особого этапа III и его обособления от этапа II, где есть такие же фибулы, послужило только своеобразие пряжек из могил 259, 408, 410 и 516 (рис. 20, 2, 8, 16, 24), совершенно чуждых традициям V в. Пряжка из могилы 410 сделана из одного куска металла, её подчёркнуто массивная выпуклая рамка, лишь имитируя массивность изделия, на самом деле полая снизу. Этот признак чужд массивным пряжкам V в. и связан с периодом распространения так называемых геральдических украшений ремней. Близка к ним и большая пряжка из могилы 259 (рис. 20, 24) по внешне массивной плоской рамке с желобком для язычка (ср. рис. 24, 23; 29, 7, 24; 35, 6, 16, 17; 39, 2, 16; 40, 1, 4; 42, 2, 3). В Керчи встречаются довольно крупные пряжки с такой же пластинкой и обращенной в одну сторону орлиной головкой на конце. [156] Почти все эти керченские пряжки депаспортизованы, и потому их датировали, опираясь на косвенные соображения, а то и просто произвольно. Но в керченском склепе 78 1907 г. на костяке 9 такая пряжка была вместе с типичной геральдической, и само использование склепа для захоронений началось в период геральдических поясов, не ранее VII в. (костяк 13 у стенки в глубине левой ниши).

Небольшая двуглавая пряжка геральдического стиля, как в могиле 259 Дюрсо, есть среди случайных находок на р. Чегем в Кабардино-Балкарии. [157]

Железные пряжки геральдического стиля почему-то не делались полыми, как пряжки из цветного металла. Обычно они очень массивны. Но с теми их объединяет преувеличенно широкая выпуклая рамка, часто В-образно изогнутая или со щелью для ремня, прорезанной в виде вось-

(52/53)

мёрки. Именно таковы железные пряжки из могил 408 и 516 (рис. 20, 2, 8). И на этапе III есть плоскоконечные браслеты (рис. 20, 10; ср. рис. 21, 7), но особенно много проволочных с несколькими желобками у концов (рис. 20, 5, 9, 20, 26; ср. рис. 21, 35). Есть серьги с 14-гранником. Появляются большие граненые хрустальные бусы (рис. 20, 12, 29). Ранее я считал их признаком только VI-VII вв., но, по-видимому, впервые они появились не позднее конца V в., [158] хотя наиболее излюблены были в лежащей к югу от Дюрсо Абхазии именно в VI-VII вв. [159] Из четырех могил этапа III только в одной есть стакан с косыми желобками, в двух других стаканы гладкие, а в могиле 410 найдена рюмка на ножке. Так что и по всей сумме вещей этап III Дюрсо четко отличается от двух предшествующих, что подтверждает справедливость его выделения.

Общая дата геральдического стиля поясных украшений слишком широка. Иногда говорят о VI-VII вв. (я не упоминаю здесь о старой, ничем не обоснованной дате «IV-V», «IV-VII», «V-VI» или «V-VII» вв.), чаще и более аргументированно — о второй половине (или даже конце) VI и первой половине VII в. [160] Но изготовление геральдических деталей в эпоху Перещепина, связываемую наиболее правомерно со второй половиной VII в., а также на неволинском (по Р.Д. Голдиной — деменковском) этапе прикамских древностей, датируемых их исследовательницей Р.Д. Голдиной «в пределах конца VII (последняя четверть) — VIII (возможно, без его последней четверти) в.», [161] заставляет включить в эту дату весь VII век. Время геральдических поясов в Восточной Европе охватывало, таким образом, вторую половину VI и весь VII век. Из всего обилия разнообразных форм геральдических украшений лучше всего делятся на относительно-хронологические этапы геральдические бляшки и лишь часть пряжек, остальные пряжки не имеют ясных признаков развития, и потому их увязка с этапами геральдических поясов затруднительна. Как раз такие пряжки представлены на этапе III Дюрсо.

А.В. Дмитриев предлагает очень интересный выход из этого затруднения. Он обращает внимание на то, что двупластинчатые фибулы с накладками в Дюрсо «ни разу не встретились с поясными наборами или с более поздними пряжками. Нет с ними и предметов, характерных для нижнего слоя Суук-Су. Ни одной такой фибулы не найдено в известном Борисовском могильнике, расположенном от Дюрсо в нескольких десятках километров». [162] С поясными геральдическими наборами встречены лишь мелкие фибулы, такие же, как в Борисовском и Пашковском I могильниках (рис. 21, 10, 14-20, 30, 34). Само по себе это различие очень серьезно. Можно было бы объяснить его случайностью или тем, что детали наборных поясов могли не попасть в женские могилы с большими фибулами. Но вывод А.В. Дмитриева может подтвердить то, что развитие двупластинчатых фибул с вырезами на ножке не прекратилось с этапом III Дюрсо. На этапе IV могильника, в погребении 402, с целым набором поздних мелких фибул и геральдических пряжек и блях развитого VII в. есть очень интересная фибула из тонкой пластины, украшенная вдавленными выпуклостями на углах (рис. 21, 14). А.В. Дмитриев назвал её ножку «Г-образной». Но правильнее считать, что это ножка с

очень утрированными большими вырезами с боков. Подтверждением служит сделанная точно так же, но более крупная фибула из тайника погребения 5 Пашковского (53/54)

И могильника (рис. 21, 1). [163] Её вырезы хорошо видны, они напоминают такие же большие грубые вырезы на гораздо более крупных фибулах из Суук-Су и других южнокрымских памятников второй половины VI и первой половины VII в. [164] Пашковское погребение 5 (рис. 21, 1-13) и погребение 402 Дюрсо одновременны, судя по двупластинчатым фибулам, геральдическим пряжкам и бляшкам (рис. 21, 3, 11, 21-26) и маленьким фибулам с трубчатой ножкой (рис. 21, 10, 18). Оба соответствуют этапу IV Дюрсо по периодизации А.В. Дмитриева.

Следовательно, на этапе IV Дюрсо имелись двупластинчатые фибулы с боковыми вырезами, но гораздо более развитые, чем на этапе III: с гипертрофированными вырезами и без накладок. Хотя фибулы с выпуклостями развивались в других районах Северного Кавказа, судя по пропорциям депаспортизованных экземпляров из старых коллекций ГИМ, уже с V в., и в Дюрсо фибула из могилы 402 была, возможно, импортом, все равно видно, что фибулы этапа III Дюрсо принадлежали к предыдущей стадии развития двупластинчатых фибул, что смена форм двупластинчатых фибул действительно произошла перед началом этапа IV, как правильно считает А.В. Дмитриев.

Абсолютную дату этой смены фибул, а с ней и этапов III и IV можно наметить лишь приблизительно. Мне уже приходилось писать в 1971 г. о типологически самом раннем наборном геральдическом поясе второй половины VI в., найденном в слое пожарища в византийской крепости Садовско-Кале в северной Болгарии. Высказывания наших археологов о «поясах типа Садовско-Кале» и их значении для хронологии не совсем верны. Дело в том, что пояс из Садовско-Кале очень своеобразен в большинстве деталей. На территории СССР с ним связаны лишь два пояса из Суук-Су: в погребении 54 — близкий по набору деталей; в склепе 56 (содержавшем монеты 518-527 и 527-565 гг.) — с совсем другим, упрощённым набором, но одна из бляшек редкой формы совершенно такая же, как в этом погребении. На Северном Кавказе такие пояса пока не найдены, в степи тоже. Судя по территории, эти пояса византийские. В склепе 56 Суук-Су пояс, синхронный садовским, был с самыми ранними женскими украшениями этого могильника, обычно относимыми ко времени не ранее второй половины VI в. В самом Садовско-Кале слой пожарища датирован рубежом VI-VII вв. по монете 582-602 гг. и сопоставлению с письменными данными о набегах славян и авар. В слое гибели другой такой же крепости у Дуная — Царичина Града в Югославии — найдена монета 602 г., что подтверждает дату пожара, уничтожившего Садовско-Кале. Таким образом, набор из Садовско-Кале — единственный с фиксированной датой, остальные наборные пояса датированы по относительной хронологии и монетам, и их даты могут существенно «скользить», смещаясь вверх от даты начала выпуска каждой такой монеты.

Итак, пояса типа Садовско-Кале неизвестны в наших древностях (кроме двух случаев в Крыму), и все рассуждения о них бесполезны, если не признать преемственности между ними и всей массой поясов на территории СССР. Я настаиваю на существовании этой преемственности. Мои оппоненты считают, что пояса из Садовско-Кале и могил 54 и 56 Суук-Су ничем не отличаются от прочих восточноевропейских и что даты Садовско-Кале и могил 54 и 56 Суук-Су надо просто переносить

(54/55)

на все восточноевропейские пояса. Это кажется мне игнорированием всех правил классификации и не относится к научным разногласиям. Более серьёзно другое сомнение: делались ли восточноевропейские пояса после поясов типа Садовско-Кале или одновременно, но в иной ремесленной среде, и их типологическая последовательность — только географическая, а не хронологическая. К сожалению, прямых данных для ответа нет, слишком мало находок и нечётка их дата. Всё же пояс из семейного склепа 56 Суук-Су, лежавший на мужском костяке 2, близок по времени женским украшениям периода I Суук-Су, обнаруженным на соседних скелетах 3 и 5. А сделанный уже в восточноевропейской манере пояс из семейной могилы 67 на мужском костяке 2 соседствовал с женскими украшениями периода III Суук-Су на костяке 1. Значит, основные периоды бытования византийских поясов типа Садовско-Кале (но не вообще византийских поясов более развитых вариантов) и ранних восточноевропейских поясов местного производства не совпадали, а следовали один за другим, если можно опираться в этом суждении на три комплекса. Ещё более развитые восточноевропейские пояса синхронизируются путем сложных сопоставлений уже с периодом IV Суук-Су, древностями типа Перещепина, аварскими древностями последней трети VII в. и неволинскими древностями конца VII-VIII в. [165] Развитие во времени всё же существовало, но его контуры ещё долго будут расплывчатыми, допуская сдвиги в несколько десятилетий.

Подводя итог, можно считать, что поясные геральдические наборы этапа IV Дюрсо датируются временем не ранее начала VII в., в VI в. они скорее всего не заходили, так как представляют очень развитую стадию восточноевропейского производства таких поясов, далекую от исходных византийских форм из слоя конца VI в. Тогда этап III Дюрсо следовало бы предварительно датировать второй половиной VI или также и началом VII в., т.е. считать найденные там геральдические пряжки одновременными ранним образцам из Византии. Конечно, теоретически это возможно, хотя очень немногие известные пока пряжки из геральдических наборов второй половины VI в. другие: у тех гораздо шире щель ремня. У пряжек на рис. 20, 2, 5, 16 щель узкая, как на образцах VII в.

Дата этапа III Дюрсо пока противоречива из-за недостатка опорных данных. Но само обособление этапа III от этапов II и IV очень вероятно и даёт новые возможности для изучения хронологии большого круга древностей.

[1] Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Т. VIII. С. 238, 239.

[2] Самоквасов Д.Я. Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Тр. VI АС. Одесса, 1886. Т. I; Он же. Могилы Русской земли. М., 1908.

[3] Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ г. Покровска // Уч. зап. СГУ. Саратов, 1927. Т. VI, вып. III. С. 91-123.

[4] Там же. С. 111, 112.

[5] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. Ч. I. С. 106. Рис. 2, 14, 15, 20.

[6] Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. М.;Л., 1951. № 23. С. 283, 284. Рис. 10, 5, 6; Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. С. 106, 123.

[7] Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского (55/56)

края. Ставрополь, 1950. Вып. 2/3; Она же. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. М., 1956. Т. XXVI. С. 236-261 (материал хранится в музее г. Черкесск); Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. С. 106.

[8] Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. СПб., 1914. Вып. 56. С. 123-139. Табл. I; II; Покровский М.В. Пашковский могильник № 1 // СА. М.;Л., 1936. Т. I. С. 159-169; Он же. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Тр. КГПИ. Краснодар, 1937. Т. 6, вып. 1. С. 3-38; Анфимов Н.В. Река Кубань, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.;Л., 1941. С. 217-219. Табл. XXXVI; Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXVII. С. 155-159; Он же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК. М., 1950. Вып. XXXII. С. 113-125; Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 248-264.

[9] Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч... С. 295, 296.

[10] Там же. С. 296.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. С. 255, 256.

[14] Бетрозов Р.Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 113-122.

[15] Там же. С. 120-122.

[16] Baranowski T. Rzad koński z wodzami łańcuchowymi na terenie Europy środkowej w okresie wpływów rzymskich // Archeologia Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. Т. XVIII, z. 2.

[17] Карасёв А.Н. Раскопки Неаполя скифского // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXVII. С. 170-172. Рис. 56.

[18] Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 115, 116. Табл. I. Рис. 4, 18-20.

[19] Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. С. 36, 37.

[20] Там же. С. 38, 39.

[21] Там же. С. 40.

[22] Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. № 106. С. 16. Рис. 4.

[23] Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. — IV в. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. С. 52; Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья... С. 108, 109.

[24] Мунчаев Р.М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. 1965. № 2. С. 177. Рис. 3.

[25] ОАК за 1894 г. СПб., 1896. С. 37, 38. Рис. 41.

[26] Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate de Kertch // Monumentes et mémoires publiés par l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris, 1923. V. 26.

[27] ОАК за 1897 г. СПб., 1900. Рис. 232.

- [28] Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 97-100. Табл. II, 13, 14; XIII, 1.
- [29] Thomas E. Helm, Schilde, Dolche. Budapest, 1971. S. 23-25. Taf. XXIX-XXXVII.
- [30] Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Табл. I; Беляев Д.Ф. Облачение императора на керченском щите // ЖМНП. 1893, октябрь. С. 10, примеч. 1; С. 21, примеч. 3; С. 23; 39; 40. Украшенные золотом и камнями одежды императоров и знати можно видеть на изображениях разного времени (рельеф Диоклетиана с тетрархами в Венеции, мозаики Равенны).
- [31] László Gy. L'art des nomades: Des Scythes aux Hongrois. Budapest, 1972. Pl. 32-36; Bóna I. [Rec.]. Kenk R. Studien zum Beginn der jüngeren römischen Kaiserzeit in der Przeworsk-Kultur dargestellt am Beispiel der Gräberfelder von Chorula und Spicymierz // ААН. Budapest, 1980. Т. 32, fasc. 1/4. S. 490.
- [32] László Gy. L'art des nomades. . . Pl. 27; 39.
- [33] Grempler D. Der II. und III. Fund von Sackrau. Berlin, 1888. Скандинавские аналогии: Salin В. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904. Abb. 95-99; Stjernqvist В. Simris. Bonn; Lund, 1955. P. 108-165.
- [34] Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. М., 1969. № 169. С. 53. Рис. 3, 1.
- [35] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. С. 100, 102, примеч. 7, 8. Рис. 2, 1-5. (56/57)
- [36] Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. 1975. № 1. С. 217-227.
- [37] Там же. С. 224, 225.
- [38] Там же. С. 223, 225, 226.
- [39] Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 45.
- [40] Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981. С. 86. Рис. 62, 4.
- [41] Абрамова М.П. Катакомбные погребения... С. 225.
- [42] Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975. С. 26.
- [43] Там же. С. 26, 27.
- [44] Там же. С. 28.
- [45] Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 11, 16. Рис. 1, 1-6; 2, 1-7; 3, 1-13; 4, 1-12; 5, 1-13.
- [46] Там же. С. 11.
- [47] Salin В. Die altgermanische Tierornamentik; Åberg N. Die Franken und Westgoten in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig, 1923; Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate de Kertch; Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // АН. Budapest, 1932. Т. 9. Fettich N. Der. 2. Schatz von Szilagy-Somlyó // АН. Budapest, 1932. Т. 3; Idem. Le découverte de tombes princières hunniques à Szeged-Nagyszéksos // АН. Budapest, 1953. Т. 32; Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, München, 1956; Kovrig I. Nouvelles trouvailles du Ve siècle découvertes en Hongrie // ААН. Budapest, 1959. Т. 10. P. 209-225; Párducz M. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // ААН. Budapest, 1959. Т. II. S. 309-398; Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные к периодизации поздне римской эпохи в Паннонии (376-476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982; Bóna I. Ein Vierteljahrhundert Völkerwanderungszeitforschung in Ungarn (1945-1969) // ААН. Budapest, 1971. Т. 23, fasc. 1-4.

[48] Åberg N. Ein Beitrag zur Chronologie der Merowingerzeit // 25. Jahre Siedlungsarchäologie: Arbeiten aus dem Kreise der Berliner Schule. Leipzig, 1922; Werner J. Münzdatierte austrasische Grabfunde. Berlin, 1935; Arbman H. Les épées du tombeau de Childéric // Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Muzeum. Lund, 1948; Fettich N. Le découverte de tombes princières hunniques.

[49] Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit...; Werner J. Beiträge...

[50] Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebenbrunn // Jarbuch für Altertumskunde. Wien, 1921. 5. Bd, 1-3; Mészáros Gy. A regölyi Korai népvándorlaskori fejedelmi sir // AE. Budapest, 1970. F. 97. K. 1.

[51] Abramowicz A., Dąbrowski K., Jażdżewski K., Nosek S. Periode des migrations des peuples // Inventaria archaeologica: Pologne. Łódz, 1959. Fasc. II. Pl. 11-16; Кухаренко Ю.В. О качинской находке // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

[52] Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

[53] Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit...; Abramowicz A., Dąbrowski K., Jażdżewski K., Nosek S. Periode des migrations des peuples. Pl. 15, 3, 4, 7; Ковриг И. Погребения гуннского князя в Венгрии // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

[54] Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebenbrunn; Abramowicz A., Dąbrowski K., Jażdżewski K., Nosek S. Periode des migrations des peuples. Pl. 15, 1, 8, 15-17, 20-23; Harhoiu R. The Treasure from Pietroasa, Romania, in the light of recent research. Oxford, 1977.

[55] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. Ч. II. С. 115. Рис. 11, 1; Он же. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981. С. 12-19, 21, 22 (группа I). Рис. 2, а, б; 3, 1-23; 4а, 1-4; 5, 1-14; 6, 1-13; 7, 1-5.

[56] Werner J. Die frühgeschichtlichen Grabfunde von Spielberg und von Fürst // Bayerische Vorgeschichts-Blätter. München, 1960. H. 25.

[57] Satin B. Die altgermanische Tierornamentik; Веймарн Е.В., Амброз А.К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. 1980. № 3. Рис. 4; 5.

[58] Засецкая И.П. Боспорские склепы... Рис. 3, 10-12, 71 (гладкие), 69, 70 (инкрустированные). (57/58)

[59] Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982. С. 230.

[60] Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени... С. 58. Рис. 2; 4, 5.

[61] Abramowicz A., Dąbrowski K., Jażdżewski K., Nosek S. Periode des migrations des peuples. Pl. 15, 5, 6, 11, 14, 19.

[62] Ibid. Pl. 15, 1, 8, 15-17, 20-23 (особенно 1, 8, 15).

[63] Засецкая И.П. Боспорские склепы. . . Рис. 3, 69, 70; 5, 16, 17.

[64] Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 36, 37.

[65] Там же. С. 95, 96, 100, 104.

[66] Засецкая И.П. Боспорские склепы... Рис. 3, 13, 46, 65-67, 72; Она же. Золотые украшения гуннской эпохи. С. 55, 63.

[67] Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. Рис. 10, 2, 6.

- [68] Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 105, 106. Рис. 25, 10, 14, 15 (см. дифференциацию на с. 105).
- [69] Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit...; Werner J. Beiträge... S. 50-53 (к рассматриваемому времени относятся № 5-7, 9-13, остальные — более поздние по типу или по сопровождающим находкам); Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 219-221. Рис. 1; 5; Амброз А.К. К статье А.В. Дмитриева // СА. 1979. № 4. С. 229-231.
- [70] Werner J. Beiträge... S. 20-23.
- [71] Атаев Д.М. Височные привески с четырнадцатигранником // СА. 1963. № 3. С. 231-235.
- [72] Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. S. 162-165, 244-248. Abb. 14.
- [73] Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert. Praha, 1973. S. 13, 14, 16-18. Abb. 2, 10, 12, 13.
- [74] Norberg R. Moor- und Depotfunde aus dem 5. Jahrhundert nach Chr. in Schonen // Acta archaeologica. København, 1931. V. II. S. 104-111.
- [75] Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 79; Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан. С. 222. Рис. 24, e (ошибочно опубликована одна фибула как случайная находка из окрестностей с. Гижгид); Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. С. 106. Рис. 2, 14, 15, 20.
- [76] Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР... С. 86-91. Рис. 5-8.
- [77] Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника... Рис. 5.
- [78] Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 97.
- [79] Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. С. 244. Рис. 4; 10; 11; Титов В.С., Эрдели И. Первые итоги раскопок Венгеро-Советской экспедиции на территории ВНР // СА. 1980. № 1. С. 130, 131. Рис. 1.
- [80] Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника... Рис. 4, 1-11.
- [81] Рунич А.П. Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5009. С. 1, 2. Рис. 3-5.
- [82] Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3. С. 256-266.
- [83] Там же. С. 257.
- [84] Там же. С. 263.
- [85] Там же. С. 257.
- [86] Там же.
- [87] Там же. С. 259. Рис. 6, 1.
- [88] Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР... С. 84. Рис. 5, 2, 3.
- [89] Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 6. Рис. 3, 1, 2.
- [90] Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР... С. 76-91 (особенно с. 88-91).
- [91] Абрамова М.П. Катакомбные погребения... С. 227-232.
- [92] Куссаева С.С. Археологические находки последних лет в Северной Осетии / ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 184-187; Абрамова М.П. Катакомбные погребения... С. 227.
- [93] Абрамова М.П. Катакомбные погребения... С. 231. Рис. 7, 4, 5.
- [94] Там же. С. 227, 228. Рис. 6, 2-5.

[95] Афанасьев Г.Е. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. 1979. № 3. С. 173, 182. Рис. 6. (58/59)

[96] Там же. С. 171-173, 180-182. Рис. 4; 7; 11.

[97] Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. С. 20, 21. Рис. 5 (склепы: «Гордиковых»; с надписью 491 г.; христианский склеп 1895 г.; 154 1904 г.; «Новиковский» 1890 г.; два разграбленных 24 июня 1904 г.; 145 1904 г.; возможно, 146 и 147 1904 г.; прочие, названные в списке Л.А. Мацулевича, — более поздние, VI-VII вв.).

[98] Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. С. 235-238.

[99] Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. Рис. 7, 1 (могила 24). Фибула на рис. 7, 2, возможно, моложе V в.

[100] ОАК за 1890 г. СПб., 1891. С. 121, 122. Рис. 82-87; Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. С. 36-40. Табл. 1, 1; Она же. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1. С. 66, 67. Рис. 1, 14. Согласно архивному делу, крестьянин «усмотрел на берегу р. Маныча торчащую кость конской головы... Найденные вещи лежали под головой и костями лошади». К сожалению, И.П. Засецкая не приводит всю цитату целиком, но, по-видимому, архивное дело не вносит ясности насчёт находки с конской сбруей серёг. Поэтому И.П. Засецкая пришла к заключению: «Мы не можем наверняка утверждать, что перечисленные вещи происходят из одного погребения, однако такое предположение, судя по обстоятельствам находки, наиболее вероятно».

[101] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. С. 116, 119, 120. Рис. 10, 25-38; Он же. Восточноевропейские и среднеазиатские степи... С. 17, 18, 22. Рис. 7, 6, 8-12, 14, 15, 19, 21.

[102] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности... С. 66, 68.

[103] Там же. С. 66, 71; Засецкая И.П. Боспорские склепы... С. 5 («Причину же особенностей погребального инвентаря... каждой отдельной подгруппы в данном случае надо искать не во временном разрыве погребальных комплексов, а в... половом различии похороненных здесь людей»).

[104] Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи... С. 12-15. Рис. 3, 29, 51; 5, 24 (ср. оружие, обильно украшенное зернью, из перещепинской группы на рис. 5, 15, 16, 21); 6, 20 (ср. зернёные пояса перещепинской группы на рис. 5, 46, 47, 53).

[105] Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 82, 83. Табл. 216, 11-30.

[106] Абрамова М.П. Катакомбные погребения... С. 230. Рис. 7, 33; Афанасьев Г.Е. Новые находки в Мокрой Балке... С. 176. Рис. 6, 1.

[107] Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история... С. 68, 69. Табл. 19, 3.

[108] Засецкая И.П. Боспорские склепы... Рис. 5, 1.

[109] Алексеева Е.П. О чём рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960. С. 19. Табл. 10, 1; 11, 2 (материал хранится в музее г. Черкесск: ЧЕМ, 1492, кол. 113).

[110] Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890. Вып. 3. Рис. 180.

[111] ОАК за 1897 г. С. 75. Рис. 176.

[112] Котович В.Г. Новые археологические памятники южного Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1. С. 148-156. Табл. XIII.

[113] Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы. С. 55-59.

- [114] Там же. Рис. 10, 5-8.
- [115] Генинг В.Ф. Тураевский могильник... С. 55-108.
- [116] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. С. 107, 112.
- [117] Сеницын И.В. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Изв. СНВИК. Саратов, 1936. Вып. 7. С. 71-80.
- [118] Arrhenius B. Granatschmuck und Gemmen aus nordischen Funden des frühen Mittelalters. Stockholm, 1971. S. 104-108.
- [119] Werner J. Münzdatierte austrasische Grabfunde. S. 32, 33. Abb. 2; 6.
- [120] Древности: Тр. МАО. М., 1901. Т. XIX, вып. II. С. 70, 71. Рис. 1-4;
- Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе // ИГАИМК. Л., 1934. Вып. 112. С. 32-34.
- [121] Werner J. Münzdatierte austrasische Grabfunde. S. 30-34.
- [122] Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 4. С. 232.
- [123] Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950. С. 384, 385.
- [124] Там же. С. 387.
- [125] Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе... С. 168. Рис. 35.
- (59/60)
- [126] Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 55, 56.
- [127] Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974. С. 158.
- [128] Иордан. О происхождении и деяниях готы / Пер. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 72.
- [129] Амброз А.К. О двухпластинчатых фибулах с накладками // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982. С. 107-117.
- [130] Там же. С. 115.
- [131] Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. СПб., 1907. Вып. 25. С. 47-50; Засецкая И.П. Боспорские склепы... С. 16. Рис. 1, 21-31; 2, 21-29; 3, 33-46; 4, 22-25.
- [132] Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла. С. 93, 94, 97.
- [133] Засецкая И.П. Боспорские склепы... С. 13.
- [134] Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
- [135] Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней... С. 222, 223. Рис. 6; 7; Он же. Раннесредневековые фибулы... Рис. 1.
- [136] Амброз А.К. О двухпластинчатых фибулах... Рис. 1, 5, 6, 14-16, 22, 35, 42, 43, 45, 47 и более поздние 51, 52.
- [137] Там же. Рис. 1, 42, 43, 45 (рисунок последней фибулы очень мелкий, и детали пальметок на нём не видны).
- [138] Там же. Рис. 1, 26-29, 31.
- [139] Там же. Рис. 1, 62-66.
- [140] Molinero Pérez A. La necrópolis visigoda de Duratón (Segovia) // Acta arqueologica hispanica. Madrid, 1948. V. IV.
- [141] Амброз А.К. О двухпластинчатых фибулах... Рис. 1, 32.
- [142] Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы... С. 103.
- [143] Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert. S. 51-53.

- [144] Bierbrauer V. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert. Wien, 1980. S. 134-137. Abb. 14.
- [145] Амброз А.К. О двухпластинчатых фибулах... С. 113, 114.
- [146] Там же. Рис. 1, 55, 56.
- [147] Там же. Рис. 1, 57.
- [148] Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней... С. 228. Рис. 9; 10.
- [149] Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы... С. 104.
- [150] Там же. Рис. 2.
- [151] Скалон К.М. Об одной находке в Абхазии // АСГЭ. Л., 1978. Вып. 19. С. 67. Рис. 1-3; 7.
- [152] Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С. 35. Табл. 16, 9 (датируют предметы 1, 2, 5, 7, 10).
- [153] Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы... С. 104.
- [154] Там же.
- [155] Айбабин А.И. Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 31. Рис. 1, 7, 10, 11, 18; 5, 4.
- [156] Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 71. Рис. 2, 1, 3.
- [157] Там же. Рис. 2, 4.
- [158] Werner J. Beiträge... Taf. 57, 1.
- [159] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. Табл. I, 27.
- [160] Werner J. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // Atti del convegno internazionale sul tema: La civiltà dei langobardi in Europa: Accademia nazionale dei lincei. Anno CCCLXXI: Problemi attuali di scienza e di cultura. Roma, 1974. Quaderno N 189. S. 120-129 (особенно S. 125).
- [161] Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. М., 1979. № 158. С. 82, 83.
- [162] Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы... С. 101. Рис. 11.
- [163] Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников... С. 157. Рис. 50Б, 1; 51.
- [164] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. С. 114, 116. Рис. 3, 10, 16. Табл. II, 8, 15.
- [165] Об эволюции поясов см.: Амброз А.К. [Рец.]. Erdélyi L, Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino // СА. 1973. № 2.

Северокавказские древности VII в.

Пожалуй, этот раздел вызывает теперь, после статьи 1971 г., [1] меньше всего споров. Кавказоведы согласились с передатированием целой группы северокавказских древностей с «IV-V», «V», и «V-VII» вв. на VII или VI-VII вв. Вероятно, здесь помогло и то, что уже до 1971 г. многие авторы относили отдельные комплексы к «VI-VII» вв., если в них имелись выразительные геральдические поясные детали и не было пресловутых инкрустаций, так долго уводивших исследователей на ложный путь. Но главной причиной, мне кажется, была исключительная однородность таких древностей (при огромном разнообразии внутренних вариаций), их ясное отличие от предшествующих и последующих (рис. 21-29).

В мою задачу не входит сейчас исчерпывающее описание всех памятников и всех категорий вещей (для этого нужна целая серия специальных сводов). Достаточно

отметить, что определяющей категорией древностей для отнесения к этому периоду служат прежде всего геральдические детали поясов и сбруй — пряжки и бляхи (рис. 21, 3, 11, 21-26, 37, 39; 22, 1, 4-19, 27, 28, 31-46, 54-61; 23, 2-6, 8-20, 25-32, 34-36, 48 и др.). Затем столь же показательны двупластинчатые фибулы с глубокими вырезами на ножке, тонкие (рис. 21, 1, 14) и массивные литые (рис. 21, 27), разнообразные мелкие фибулы (рис. 21, 10, 15-20, 30, 34; 22, 26; 23, 1; 24, 1; 25, 26, 27; 26, 8; 27, 22; 28, 23; 29, 1-3, 16-19). Характерны тонкие двупластинчатые фибулы с почти треугольной, расширенной в самом верху ножкой (рис. 27, 1, 2; 28, 7, 12, 20, 22), датированные как по кавказским и башкирским комплексам, так и по аналогиям среди более крупных и сложных фибул второй половины VI-VII в. из южного Крыма (Суук-Су и др.). Могут служить относительно-хронологическим показателем и многие другие находки, устойчиво связанные с комплексами этого периода.

В 1973 г. мной предложена схема деления геральдических украшений на четыре этапа. Об этапе I, не представленном на Северном Кавказе, уже говорилось в предыдущем разделе. Этап II пока представлен одним крымским погребением, но промежуточное место в эволюции поясов не позволяет убрать его из общей картины. Возможно, этап II был очень краток, и пояса этапа III появились уже до середины VII в. Практически все достаточно яркие северокавказские комплексы содержали геральдические детали без узкой даты, в пределах VII в. (рис. 21, 3, 11, 21-24, 26, 37, 39; 22, 1, 2, 11, 14, 17-19, 27, 28, 34 и др.), и детали этапа III, отличающиеся особенно крупными прорезями или усложнённостью и связанные взаимовстречаемостью со степным горизонтом псевдопряжек и находок последней трети VII в. (рис. 21, 25; 22, 9, 10, 12, 15, 16, 31-33, 36, 40, 41, 56-58, 60; 23, 9, 14, 19, 34; 29, 21). Эта особенность объясняется, вероятно, влиянием

(61/62)

инкрустаций, появившихся сначала на поясах высшей степной знати (Перещепино, Боча, Тепе и др.); на дешёвых поясах вставки заменялись особенно большими прорезями этапа III. Северокавказские раскопки последних десятилетий подтвердили это, дав много геральдических деталей с дешёвыми инкрустациями на тех же местах и показав, что всё развитие геральдических поясов знатного и рядового населения Восточной Европы было взаимосвязанным процессом (рис. 23, 25-31, 37-42; 24, 7, 9-13, 31-38; 25, 4, 6-8, 18; 26, 1, 2, 4, 7, 12, 15, 18, 20, 22, 24, 32-35; 29, 25). Подтвердилось и изготовление в VII в. других инкрустированных украшений, особенно брошей, часто с птичьими головками или в виде хищных птиц (рис. 23, 1; 25, 26; 29, 19; 36, 1-7; 37, 10-15, 32, 34, 36; 39, 1-5, 12, 13; 42, 1-12, 16), совсем непохожих на инкрустации V в., но имеющих аналогии в других областях.

[1] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. // СА. 1971 № 2. Ч. I; СА. 1971. № 3. Ч. II.

Датировка северокавказских погребений групп II и III степных древностей и дискуссия о «гуннской» хронологии.

Среди северокавказских древностей имеется несколько комплексов, находящихся в полном соответствии в древностях степных кочевников (рис. 14, 13; 30, 1; 43). Количество этих находок постепенно растёт, и, как выясняется, близкие явления можно обнаружить и в местной северокавказской культуре. Обычно эти древности

безоговорочно отождествляют с рассмотренными выше степными древностями гуннской эпохи (рис. 7; 8; ср. рис. 30-[31]-32; 43; 44). Как и в случае с северокавказскими могильниками VI-VII вв. (Байтал-Чапкан, Пашковский I, на р. Гиляч, Куденетово, Верхний Чирюрт), которые долго датировали «IV-V» вв. единственно по признаку инкрустаций, так и в степи по признаку инкрустаций и по обкладкам ремней золотыми геометрическими (круг, прямоугольник) пластинками с накладным или тиснёным проволочным орнаментом были объединены самые разнородные древности. Если исследователи не видели очевидной разницы между находками из керченских склепов 145, 154 1904 г., с одной стороны, и склепов 152 1904 г., 78 1907 г. — с другой; между находками из могил VIII, IX Новогригорьевки, керченских склепов 145, 154 1904 г. и находками из Пашковского I, Борисова и Гиляча, то естественно, что они не могли уловить гораздо более тонких различий внутри степных изделий с инкрустацией.

В 1927 г. Т.М. Минаева объединила степные древности «с инкрустацией» (рис. 7; 8; 30-[31]-32) в одну группу, датировала их по керченским и дунайским аналогиям (имеющимся лишь для части из них!) концом IV-V в. и предположительно отнесла к сарматам, в соответствии с тогдашним представлением об облике гуннских древностей. [1] Действительно, вопрос о гуннской культуре разрабатывался в то время лишь на Западе. Вещи из находимых на Западе погребений V в. (типа рис. 5-8) несли на себе явный отпечаток позднеантичного мастерства, многие из них послужили прообразами для последующего варварского искусства Запада (в основном древнегерманского). Поэтому исследователи связывали их с готами, аланами, искали корни этого искусства в позднеантичном Причерноморье. А гунны представлялись тогда, в соответствии с римской письменной традицией, дикими косматыми выходцами из глубин Азии. Исследователи ожидали, что культура гуннов будет глубоко азиатской, не похожей ни на что европейское. И действительно, в Венгрии, там, где помещался центр государства Атиллы, массами находили литые ажурные украшения с причудливыми фигурами таинственных фантастических зверей. Им искали

(63/64)

анalogии в сибирском золоте, в искусстве Ордоса и скифов. Это и считалось искусством пастушеских гуннов, принесённым из самого сердца Азии. Номадский характер подчёркивали обычные с этими украшениями железные стремена. Дату подтверждали находимые там же римские монеты IV в. Когда пора романтических традиций миновала и настало время трезвого профессионально-археологического анализа, выяснилось, что звериные украшения, стремена и монеты оставлены аварами VIII в. и никакого отношения к гуннам конца IV-V в. не имеют (А. Алфёльди, П. Райнеке).

А. Алфёльди показал, что наследство гуннов скрыто среди вещей с инкрустацией, что эта культура не принесена в готовом виде из Азии или Северного Причерноморья, а сложилась на территории гуннского государства усилиями многих народов, включая готов, алан, гуннов и многих других. [2] Именно эта многокомпонентность культуры гуннского государства стала причиной того, что зарубежные исследователи не придали значения неоднородности степных находок. В Восточной Европе и в степях Заволжья, Зауралья, Казахстана, вплоть до Киргизии обнаруживались всё новые комплексы с украшениями полихромного стиля. Их объединяли многие общие черты: металлические диадемы в женских могилах, чешуйчатые обкладки сёдел — в мужских, костяные обкладки луков, обычай деформации черепов.

Но от Португалии до Волги находки, действительно, были чрезвычайно однородны по стилю и набору ведущих форм (рис. 5, 16-34; 6-12; 14; 15), а в Восточной Европе (рис. 30-[31]-32; 43) и вплоть до Казахстана (рис. 44) имелись близкие, на первый взгляд, находки, входившие в один широкий круг с теми, но существенно отличавшиеся по многим деталям. Например, древности типа Шипова (названные мной условно группой II) отличались бляшками, сплошь заполненными рядами тиснёных выпуклостей, как бы похожими на дерюгу (рис. 30, 3, 6, 12; 31, 5, 6; 32, 12, 29). Там же чешуйчатые обкладки сёдел имели более сжатую, «рыбовидную» форму и бордюры из 3-образных мелких вдавлений. Казалось бы, это мелочи, но они упорно повторялись. В шиповских древностях отличались и пряжки (рис. 31, 1; 32, 1, 2, 7, 8), не имеющие аналогий среди очень однородных пряжек V в. Шиповских древностей нет за пределами Восточной Европы. Нет на Западе и древностей с чрезвычайно обильной зернью, выделяющихся набором необычных вычурных украшений (рис. 43; 44) и распространённых от устья Дуная до Казахстана и Киргизии (группа III). Но исследователи считали, что это тоже оставили какие-то группы кочевников гуннского времени. При этом они не задавали себе вопроса, почему эти кочевники, занимая степи Восточной Европы, не пошли с гуннами на Дунай и не участвовали в западных походах Агиллы.

Сначала вообще различие этих групп не привлекало внимание исследователей. Только в 1956 г. И. Вернер, по-видимому впервые, отметил своеобразие украшений с обильной зернью среди остальных изделий «эпохи Агиллы»: «Украшение треугольниками зерни, которое в сочетании с цветными инкрустациями столь характерно для височного украшения и диадемы из Верхне-Яблочного и из коллекции Ганс, в эпоху Агиллы осталось ограничено восточными ювелирными изделиями и следовало традиции боспорского ремесла позднеримского периода. Из венгерских находок эта

(64/65)

высокоразвитая техника зернения до сих пор неизвестна». [3] Кроме только что упомянутых, И. Вернер включил сюда еще находки из Джунгтепе в Киргизии, Борового (рис. 44) и Кара-агача в Казахстане, Воздвиженского (рис. 14, 13), Алёшек, Феодосии на юге Восточной Европы. Таким образом, он очертил большую область, в основном степей, от Киргизии до восточной части Болгарии. [4] К северу от степей И. Вернер сопоставил технически близкие вещи из древностей харинского типа в верховьях р. Кама. [5] Новые находки за последние 25 лет не изменили, а только подтвердили очерченную И. Вернером картину.

Приступая к работе над этими древностями, я сразу обратил внимание на указанное место в книге И. Вернера, на сильное отличие шиповских пряжек (рис. 31, 1; 32, 1, 2) от обычных пряжек V в. (рис. 5, 16-25, 30-34; 6, 4-9; 7, 1-3; 8, 1-3; 9, 3-8, 22-25; 11, 2-5; 13, 1-3, 22-25; 14, 1-5, 21-24; 15, 7-9; 16, 3-5, 12-18; 17, 5-8, 16, 17; 18, 22-28; 19, 3-5) и их сходство с геральдическими пряжками VI-VII вв. (рис. 20, 2, 8, 16, 24; 21, 3, 11, 24, 37; 23, 48; 25, 28; 26, 1, 12, 18, 24; 27, 4, 5, 17, 25; 28, 2, 3; 29, 4, 25, 32; 33, 4, 5, 10, 16; 34, 13-15, 24; 35, 5-7, 11, 15-19, 23, 30-33; 36, 2, 4; 39, 2, 16; 40, 1, 4, 7; 42, 1-3) по признаку преувеличенно «массивной» выпуклой рамки, сделанной из тонкого листика металла вместе со щитком. Заставляло задуматься и сильное несовпадение ареалов всех трёх кочевнических групп, относимых к гуннским древностям.

Продолжив намеченное И. Вернером направление поиска, я выделил уже три группы. [6] Принцип деления был простой. Те древности, которые имеют аналогии на

Западе в находках типа Печ-Усёг, Еджиховице, Якушовице, Унтерзибенбрунн, Шимлеул Сильваней, Регёй, Эран и несомненно связаны с эпохой владычества гуннов (хотя и не все находятся на территории, контролировавшейся гуннами), я назвал группой I (здесь рис. 5, 16-34; 6-15). К ним вполне можно применить слова И.П. Засецкой, что о «принадлежности данных комплексов к единому культурному кругу памятников... свидетельствуют одинаковый состав погребального инвентаря, стандартизация форм и общность художественно-технологических признаков изделий», [7] конечно, учитывая вариации за счёт разноэтничности населения, деление его на осёдлое и кочевое, а также за счёт местных ремесленных традиций в каждой большой области, о чём я уже говорил в разделе о северокавказских древностях V в.

От группы I очень наглядно отличается группа III, ареал которой очертил И. Вернер. Неумеренное применение зерни (ср. рис. 1, 3; 2, 1; 6, 1 и 14, 13; 43; 44; также интересно привлечь относящиеся к III-IV вв. тиснёные подражания зернёным вещам: рис. 1, 4-7, 18; 7, 1-10; 8, 4-10, 16-21 и др.), очень своеобразные формы вещей (рис. 14, 13; 43, 7, 14; 44, 4) — всё это никак не позволяет смешать комплексы обеих групп. Развивая предположение И. Вернера о связи группы III с боспорским ремеслом, обслуживавшим кочевников, И.П. Засецкая считает, что ведущие формы её украшений — такие, как большие плоские звёздчатые височные подвески с лучами (рис. 14, 13), наконечники гривн с оскаленными рогатыми мордами зверей (рис. 43, 14), сложные украшения в виде высоко изогнутого рога, диадемы со сложно вырезанным верхним краем или звенящими подвесками, — взяты боспорскими мастерами из культуры самих гуннов

(65/66)

и выполнены в присущей Боспору технике зерни на заказ кочевников. [8] Она полагает, что к «боспорскому импорту» надо относить не только такие вещи из Казахстана, но даже несколько иные с Алтая (Тугозвоново). [9] Остаётся спросить, почему же этот боспорский импорт для кочевников-гуннов шёл к востоку до Алтая, а на Западе его совсем нет в области, занятой центром гуннского государства, резиденцией его вождей. Следует признать, что перед нами не результаты каких-то случайностей в боспорской торговле с гуннами, а отражение реальной общности кочевого населения, не совпадающей с гуннской общностью эпохи европейского могущества между 370-453 гг. Это хорошо видно на картах групп I и III. [10] Это деление было тогда же дополнено мной ещё одной, ранее никем не выделявшейся группой II (рис. 30-32). Её труднее всего было выделить, и она казалась мне наиболее уязвимой для критики и сомнений, так как по ряду признаков напоминала группу I. Главным поводом для отделения её от группы I было наличие явно гораздо более поздних геральдических пряжек в курганах 2 и 3 Шипова и могиле 3 кургана 4 Верхнепогромного (рис. 31, 1; 32, 1, 2, 7, 8). Объяснить это можно лишь тем, что в более позднюю эпоху носители группы II сохранили в переработанном виде некоторые более древние традиции времени европейского могущества гуннов. Такое решение тем более вероятно, что в Средней и Западной Европе, как это давно общепризнано, отдельные традиции V в. также сохранялись долго — не только в VI, но даже и в VII в., постепенно видоизменяясь: недаром и в народной памяти эпоха гуннов и Аттилы осталась временем могущества и богатства. «Гуннская» мода долго владела умами на Западе и Востоке, соединяясь с воспоминаниями о былом блеске её создателей. Группа II оказалась не изолированной, замкнутой пространством заволжских и днепровских степей: для неё нашлись многочисленные параллели в древностях VII в. на территории Башкирии (рис. 34; 35), Северного Кавказа (рис. 30, 1; 36, 2, 4, 6, 7; 37, 12-19; 38, 2, 13-19; 40, 3, 6, 17, 24, 30, 31; 42, 1, 6-12, 17) и пока единично — в Крыму (рис. 39, 15, 18),

показывающие, что и вне степей в Восточной Европе стиль украшений периода гуннского владычества не исчез бесследно после падения политического могущества этого народа в более западных областях. Итак, поздняя дата группы II подтверждалась многими аналогиями.

Труднее датировать группу III из-за недостатка внешних аналогий. Основным относительно-хронологическим аргументом оставалось резкое несовпадение её ареала с областью исторических гуннов 370-453 гг. Неизбежен вывод, что их оставили две разные группы кочевников, или граничившие и чересполосно жившие одновременно в степях Восточной Европы, или жившие в разное время и не сталкивавшиеся в борьбе за власть над этой обширной областью. Если бы мы не располагали письменными данными о гуннах, из одних археологических находок было бы ясно, что перед нами следы двух одинаково могущественных объединений: одного — с центром на Дунае и границами от Венгрии и Польши до Волги и другого — с центром где-то в Азии и границами от устьев Дуная до Киргизии и, может быть, Алтая. Всё же обнаруженные немногие «внешние» аналогии побудили меня предпочесть вариант с поздней датой. Это так называемые харинские серьги с гроздьё полых шариков, харинские аналогии для инкрустированных пластин с обильной, собранной в треу-

(66/67)

гольники зернью и костяная подпружная пряжка. [11] Сходство степных и харинских украшений с зернью подчеркнул уже И. Вернер. [12] Дата таких вещей на харинском этапе верхнекамских древностей, по Р.Д. Голдиной, — три первые четверти VI в., [13] по моему мнению — VII в. [14] В любом случае это гораздо позднее эпохи Аттилы, считать ли такие вещи в Прикамье импортом из степей или результатом степного влияния. За прошедшее с 1971 г. время значительно возросло количество опубликованных комплексов с костяными подпружными пряжками, имеющими подвижной язычок (как в погребении группы III в Канаттасе), но все они по-прежнему не идут древнее VII в.

Новое деление древностей «гуннского круга» на три группы было опубликовано мной в 1971 г. и вызвало бурную дискуссию. С тех пор прошло уже достаточно времени, чтобы подвести некоторые итоги этой дискуссии.

Большинство возражений против деления и частичной передатировки «гуннских» древностей оказалось чисто декларативным. Аргументы их авторов сводятся к общим словам, вроде «не видно возможности», «нельзя разрывать стилистически близкие вещи», «выводы покоятся лишь на отдельных случайных фактах» [15] и т.д., что не имеет доказательной силы. Особенно распространённое мнение о том, что «выводы покоятся лишь на отдельных случайных фактах», как показал пример статьи И.П. Засецкой, основывается на поверхностном чтении неизбежно очень сжатого текста статьи 1971 г. И.П. Засецкая пишет, что: «В периодизации А.К. Амброза памятники, представленные в нашей таблице, распределились следующим образом. В первую группу (V в. н.э.) вошли комплексы подгруппы А (рис. 1, 1, 2, 8, 10), остальные комплексы подгруппы А в статье А.К. Амброза не упомянуты; один комплекс из подгруппы Г (рис. 1, 27). II группа (VI-VII вв. н.э.) по периодизации А.К. Амброза полностью совпадает с нашей второй группой (рис. 1, 29-34)». [16] Итак, согласно И.П. Засецкой, в 1971 г. мной отнесены к группе I только пять степных находок, по её нумерации — 1, 2, 8, 10, 27. Самой И.П. Засецкой к подгруппе А, в общих чертах соответствующей группе I, отнесено их гораздо больше — 13. На самом деле в 1971 г. я отнёс к группе I 12 находок из

упомянутых И.П. Засецкой в 1978 г.: по её нумерации — 1-4, 6-8, 10, 14, 16, 27, 34 (из её списка я не учёл тогда лишь впервые опубликованную ею в 1978 г. находку 5 и не согласен с отнесением к группе I находок 9, 11, 13; впервые опубликованная находка 12 не содержит вещей с узкой датой). В любом случае у нас совпала оценка восьми комплексов из 13, а остальные являются предметом дискуссии. Почему И.П. Засецкая не заметила в моей статье упоминаний этих комплексов? Потому что, говоря о древностях гуннской эпохи (группа I), я нанёс их на карту [17] и перечислил публикации, [18] не имея места для подробного рассмотрения в тексте. При внимательном чтении было легко выяснить, какие комплексы отнесены мной к группе I (из них Муслумово, возможно, знаменует конец этой группы и моложе остальных находок). Нетрудно было также увидеть, что я во всех разделах хронологии работал только по комплексам, а не по «отдельным случайным фактам», как утверждают многие участники дискуссии.

Как ещё один пример небрежности в дискуссии можно назвать попытки «отвода» харинских датирующих аналогий. Вот что пишут авторы обзора (67/68)

дискуссии по хронологии раннесредневековых древностей: «Ссылки на единичные находки из Харина и Бирска, представленные только пряжками и наконечниками пояса, не могут служить доказательством поздней даты большой и разнообразной группы украшений Северного Причерноморья». [19] Однако позолоченные поясные украшения с инкрустацией найдены в девяти погребениях Бирска, одном — из Ново-Турбаслы, нескольких — в Уфе, а считая с неопубликованными находками Н.А. Мажитова и М.Х. Садыковой — не менее чем в 15 комплексах. Набор вещей достаточно разнообразен: пряжки, лунницы, наконечники ремней, детали ножен мечей, ленточные обкладки сбруи, фалары с личинами и чешуйчатые бляхи сёдел (рис. 34; 35). Сходны со степными серьги с гроздьё шариков, правда чаще бронзовые, простые, но есть и золотые, с камнями и обильной мелкой зернью. «Единичными» эти комплексы назвать трудно, тем более что в степи им противостоит только семь комплексов группы II (типа Шипова).

Как пишут авторы обзора дальше, «к тому же, бирские вещи по своим стилистическим признакам лишь отдалённо напоминают изделия восточноевропейских степей и в крайнем случае могут рассматриваться лишь как их позднейшая грубая реплика». [20] На самом деле, бирские и уфимские вещи по «грубости» не отличаются от шиповских (рис. 30; 31; 34; 35). На этих примерах видно, как важен для археологов конкретный спор о деталях и как уводят дискуссию в сторону слишком «обобщённые» категоричные оценки, сделанные в пылу спора.

Не доказано утверждение Д.Б. Шелова о большой близости инвентаря курганов 8 и 9 в Новогригорьевке (рис. 7; 8) с инвентарем курганов 7 в той же Новогригорьевке и 17, 18 у г. Энгельс (рис. 32, 11-19, 28-30). [21] Показательно, что специально изучающие кочевников И.П. Засецкая и М.Г. Мошкова их типологическое различие признали. И.П. Засецкая пишет о своей подгруппе Д, соответствующей моей группе II: «Наиболее самостоятельной выглядит подгруппа Д». «Во вторую группу вошли комплексы подгруппы Д и один комплекс из подгруппы Г. Причина различия погребального инвентаря этих двух групп пока остаётся неясной». [22] «По мнению М.Г. Мошковой, комплексы „гуннского круга” бесспорно относятся к одной исторической эпохе и их совокупность нельзя разрывать». «Группа „Шипово”, действительно, своеобразна, но нужны новые материалы для уточнения её

датировки». [23] М.П. Абрамова, правильно датировав IV в. рельефные бляшки из хут. Октябрьский (рис. 4) и показав, что примененная при их изготовлении техника употреблялась долго, до VIII-IX вв. (Песчанка)*, вдруг предложила датировать и находки из Шипова (рис. 30-32) временем курганов в Октябрьском на осно-

[сноска: * В цитируемой статье М.П. Абрамовой говорится, что по некоторым особенностям техники (крепление золотого листа путём загибания его краёв за бронзовую основу) бляхи из хут. Октябрьский сближаются с бляхами, найденными в различных северокавказских могильниках I тысячелетия н.э. («Золотое кладбище», Рутха, Камунта, Песчанка и др.)» однако последние имели и существенные отличия: нижние основания всех этих блях были гладкими, неорнаментированными, а накладной лист — рельефным, пространство между двумя этими слоями заполнялось пастой. Бляхи из хут. Октябрьский, так же, как шиповские, новогригорьевские и другие бляхи этого круга, имели тиснёный орнамент сразу на двух листах — подстилающем и верхнем, что и отличает их от упомянутых выше северокавказских блях (Ред.).]

(68/69)

вании одного подобия техники, не учитывая полное несходство декора (в Октябрьском — зооморфного, в Шипове — геометрического). [24]

К числу недоразумений можно, к сожалению, отнести и критические замечания К. Бакаи. [25] Он приписал мне нелепое утверждение, что относительная хронология объективнее датирования по монетам, поняв так азбучное для археолога положение, что сначала надо разработать относительную хронологию, а потом выяснять даты этапов по монетам. В том, что я писал о важности для нашей хронологии работ по хронологии Подунавья, К. Бакаи увидел нечто комическое: «Ссылаясь на то, что в Подунавье „работало много исследователей“, А.К. Амброз считает, что комплексы Причерноморья и Кавказа надо датировать на основе находок в Подунавье». Так К. Бакаи истолковал мои следующие слова: «Откуда были взяты первые датировки в начале работы, когда ещё не было системы? Относительная хронология большинства материалов V-VIII вв. на юге СССР разработана слабо, лишь для немногих памятников были выделены этапы, имелось много лакун... Поэтому сначала за основу была взята хронология среднего Дуная IV-VIII вв. Над ней работало много исследователей, и она стала у нас и за рубежом общепризнанным хронологическим эталоном из-за обилия кратковременных этапов часто сменявших друг друга культур... Сами эти этапы составляют не более 100 лет, а расхождения между датами исследователей не превышают 50 лет. Уже одно подробное сопоставление с Дунаем внесло важные поправки в хронологию Боспора и Кавказа». [26] Вспомним, что даже первичное сопоставление с древностями эпохи переселения народов в других областях позволило сдвинуть традиционную дату Гиляча и Пашковского I с «IV-V» на VI-VII вв. Исследователями археологии Подунавья накоплен бесценный опыт в изучении древностей эпохи переселения народов. Очень важно, что большинство археологических этапов за период V-VIII вв. в Среднем Подунавье не являются учёной конструкцией, а связаны с реальными частыми сменами населения в этом районе. Нетрудно понять, насколько сравнение с Подунавьем важно для исследователей Восточной Европы, где непрерывное развитие длилось часто многие сотни лет и где разработать подробную периодизацию намного труднее. Вероятно, К. Бакаи не понял моих рассуждений.

Он продолжает: «При своих своеобразных взглядах он (А.К. Амброз. — А.А.) пришел и к своеобразным результатам. По его мнению, полихромный стиль гуннской эпохи сложился в Подунавье и отсюда будто бы распространился на восток, в Крыму

же его в V в. ещё будто бы не было». Последнее утверждение вновь является недоразумением. «Между прочим, по его системе также Шиповские курганы (Южный Урал) надо датировать якобы VI и VII вв. ... Эти датировки А.К. Амброза неприемлемы. Относительно Шиповских курганов ср.: Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии. // СА. 1975. № 1. С. 225». Вот все аргументы К. Бакаи в пользу традиционной датировки гуннских древностей. Так что и эти возражения чисто декларативны.

Одна только И.П. Засецкая попыталась развернуть и с большим количеством фактов в руках обосновать традиционный тезис об однородности и одновременности погребений с инкрустированными и рельефно-тиснёными украшениями. [27] Такая попытка сделана впервые за долгое

(69/70)

время изучения степных древностей эпохи переселения народов, поскольку раньше подобный вопрос просто не вставал.

Изучение полемической статьи И.П. Засецкой позволило мне сделать вывод, что она фактически приняла предложенное мной деление памятников «гуннского круга» на три группы: у неё — подгруппы А, В, Д. Выше уже говорилось, что состав группы I (или А) совпал у нас для восьми комплексов из 12 — в моём списке и 13 — в списке И.П. Засецкой. Она пишет, что «не вызывает сомнения» принадлежность данных комплексов «к единому культурному кругу памятников, о чём свидетельствуют одинаковый состав погребального инвентаря, стандартизация форм и общность художественно-технологических признаков изделий». [28] Напомню, что именно эти памятники (рис. 5, 16-34; 6, 14) ни у кого теперь не вызывают сомнения относительно их принадлежности к гуннской эпохе 370-453 гг. Споры продолжаются лишь об уточнении границ их даты на несколько десятилетий или меньше. Далее И.П. Засецкая констатирует, что совпали в основном и состав моей группы III с её подгруппой В, и характеристика ведущих признаков. [29] Она рассматривает «погребения подгруппы В как памятники единой культуры». [30] «Подгруппы Аи В резко отличаются по составу погребального инвентаря..., орнаментированные накладным проволочным орнаментом и зернью украшения одежды, типичные для подгруппы В, почти не встречаются в погребениях подгруппы А». [31] Наконец, из всех них, по мнению И.П. Засецкой, «наиболее самостоятельной выглядит подгруппа Д». [32]

Казалось бы, наши выводы о делении степных погребений на группы совпали, и остаётся лишь общими усилиями выяснить причины этой неоднородности памятников. Более того, И.П. Засецкая так резюмирует основной текст статьи: «Связано ли это с вопросами *хронологии* или *этнокультурной принадлежности*, можно будет решить только после определения точной даты обеих групп». [33] Но в иноязычном резюме к той же статье и ещё в одной своей работе И.П. Засецкая даёт существенно противоречащую этой формулировку: «Причину же особенностей погребального инвентаря... каждой отдельной подгруппы... надо искать не во временном разрыве погребальных комплексов, а в этническом, социальном и *половом* различии похороненных здесь людей». [34] И ещё: «Такое отличие, мы полагаем, можно объяснить тем, что погребальные комплексы подгруппы А *принадлежат мужским* захоронениям, а памятники подгруппы В — *женским*. Этот вывод подтверждается и некоторыми антропологическими данными». [35]

Итак, с одной стороны, деление на группы отражает «резкие» различия в культуре и может быть связано с этносом или социальным положением погребённых, с другой стороны — никаких этнокультурных групп нет, а просто мужчинам помещали в могилу одни вещи, а женщинам — другие. Так просто решается весь спор. Для доказательства И.П. Засецкая начинает с группировки всех погребений на мужские и женские. «В подгруппу А включены захоронения, в погребальном инвентаре которых ведущей категорией является уздечный набор». [36] «К подгруппе Д относятся пять погребений» с бляхами сбруи иного рисунка. [37] Таким образом, в подгруппах А и Д оставлены лишь мужские погребения, а женские с украшенными в том или ином стиле диадемами отделены от них и довольно искус-

(70/71)

ственно объединены в подгруппу Г, состоящую из четырёх погребений. [38] Правда, И.П. Засецкая признаёт, что подгруппа Г образована искусственно и на самом деле является частью подгрупп А и Д, как считаю и я. «Два комплекса из подгруппы Г (рис. 1, 26, 27), в состав которых входят диадемы, вероятно, по стилистическим особенностям последних могут относиться к подгруппе А». [39] «К подгруппе Д бесспорно примыкает женское погребение из кургана 2 у станции Шипово (подгруппа Г), которое фактически составляет единый погребальный комплекс с мужским погребением из соседнего кургана 3. Оба кургана находятся рядом, и насыпь одного из них наплывает на насыпь другого» (рис. 31; 32, 1-6). [40] Следовательно, И.П. Засецкая тоже считает, что подгруппы А и Д состояли из мужских и женских погребений каждая, что противоречит объяснению их особенностей «различием по полу».

Из подгруппы В могилы с диадемами не изымались в особую подгруппу, поскольку большинство могил в подгруппе и так принадлежало женщинам, но зато изъято единственное там мужское погребение (Боровое; рис. 44). Оно изъято из подгруппы В с тем, чтобы включить его в совершенно искусственную подгруппу Б, составленную из комплексов, «в которых сочетаются типы вещей, характерные для подгрупп А и В». [41] Перенеся могилу воина из подгруппы В в подгруппу Б, И.П. Засецкая утверждает, что усыпанные зернью изделия подгруппы В (моей группы III) — всего лишь особенность женских могил гуннской эпохи, хотя здесь же пишет, что в могиле воина в Боровом «обнаружены различные украшения..., исполненные в полихромном стиле, характерном для украшений подгруппы В». [42] Значит, всё-таки в стиле подгруппы В делались вещи и для женщин, и для мужчин. В особую подгруппу Б исследовательница отнесла Боровое лишь потому, что там были ещё «вещи с перегородчатой инкрустацией и, кроме того, золотые обкладки от луки седла с чешуйчатым орнаментом». [43] Вероятно, автор полагает, что перегородчатая инкрустация и чешуйчатый орнамент могут быть только признаком степной подгруппы А. Но все кусочки с перегородчатой инкрустацией из Борового оказались не частями вещей подгруппы А, а сложились в роскошный восточный кинжал, привезённый сюда из Средней Азии или Восточного Туркестана, где их изображения нередки в живописи VI-VII вв. (рис. 44, 16, 17). А чешуйчатый орнамент не связан с определённой группой и по всей Европе применялся очень долго, включая VII и VIII вв. (рис. 7, 13; 11, 9; 24, 20, 45, 46; 30, 10; 31, 9; 32, 17; 34, 8; 37, 17-19; 38, 19; 39, 15; 40, 3, 6, 17, 24, 30; 41; 42, 17; 44, 20, 21). [44]

Итак, во всех трёх степных группах (I, II, III, или подгруппах А, В, Д) есть и мужские, и женские погребения, и тезис И.П. Засецкой, что они отражают не более чем различия погребённых по полу, не подтвердился. Это поняла и сама И.П. Засецкая, убрав его из выводов статьи («Причина различия... пока остаётся неясной. Связано ли

это с вопросами хронологии или этнокультурной принадлежности...?»). [45] Но отвергнутый самим автором тезис остался, к сожалению, в иноязычном резюме и в другой полемической статье о боспорских склепах и продолжает вводить в заблуждение невнимательных читателей.

Не изменил картину и проведённый И.П. Засецкой анализ технологии изготовления украшений. Употребление бронзовой основы, сочетание золо-

(71/72)
того фона с камнями, напаивание гнёзд для вставок, применение напаянного орнамента из проволоки и зерни и его имитация тиснением, форма гнёзд, разновидности рубчатой проволоки [46] — все это не снимает того факта, что группы I-III устойчиво различаются по формам вещей и их декору. И.П. Засецкая и в этом разделе статьи сначала пытается настаивать, что с зернью сделаны украшения одежды и головного убора, а техникой тиснения — детали сбруи и меча, но тут же признаёт, что «исключение составляют диадемы подгруппы Г», сделанные тиснением. Она не упоминает о зернёных «мужских» вещах из Борового, хотя в таблице на рис. 2 многие из них есть. Здесь вновь сказалась большая противоречивость статьи. Кстати, нельзя оспаривать, что в технике перегородчатой инкрустации боспорцы делали и женские украшения, и сбрую с оружием. Почему же степь должна быть исключением и строго разграничивать ювелирные приёмы по «полу» заказчика?

В другой статье, специально посвящённой классификации инкрустированных украшений, И.П. Засецкая несколько меняет свою точку зрения: «Для разделения стилистических или каких-либо других однозначных групп предметов следует учитывать не столько сходство, сколько отличительные признаки. Общие черты большей частью являются порождением одной эпохи, в то время как специфические признаки могут быть связаны с культурными традициями и, следовательно, играют существенную роль в решении вопросов этнокультурной принадлежности и определении центров производства той или иной самостоятельной группы». [47] К изделиям с тиснёным орнаментом теперь относятся и мужские, и женские вещи — «диадемы, накладки от конского снаряжения и ножен меча». [48]

Таким образом, возникший в пылу полемики тезис И.П. Засецкой о том, что особенности степных групп I-III кроются в «половом различии похороненных здесь людей», в том, что «погребальные комплексы подгруппы А принадлежат мужским захоронениям, а памятники подгруппы В — женским», [49] — оказался надуманным и, как можно понять из приведённых цитат, оставлен самим его автором.

Ещё один аргумент И.П. Засецкой — утверждение, что существуют пять погребений, в которых сочетаются типы вещей, характерные для подгрупп А, В и Д. [50] Как показал анализ, такое сочетание во всех случаях оказалось мнимым, основанным на нечётком представлении об особенностях групп I-III. Коллекция из Воздвиженского близ Ставрополя уже рассматривалась выше (рис. 14, I-13). Она состоит из пряжек и сбруйного набора гуннской эпохи, женских височных лучевых подвесок группы III и гораздо более поздней средневековой серьги с грузиком, т.е. коллекция явно сборная. Сама И.П. Засецкая это признаёт: «Мы не можем наверняка утверждать, что перечисленные вещи происходят из одного погребения». [51]

Уже говорилось, что И.П. Засецкая разделяет распространённое заблуждение, будто бы чешуйчатый орнамент является датирующим признаком гуннской эпохи.

Столь же часто, как в V в., он встречается позднее, вплоть до VIII в.: есть в комплексах с геральдическими пряжками и бляхами VII в. на Северном Кавказе, на мечях VII в. из Северного Ирана [52] и VI-VII вв. из Кореи, [53] на германских шлемах VI в. [54] и на изображениях оружия в согдийской живописи VIII в. [55] Поэтому смешанность или (72/73)

переходность комплексов группы III из Мелитополя и Борового невозможно обосновывать тем, что в них есть чешуйчатые пластинки. И.П. Засецкая ошибочно отнесла к группе I пластинки с перегородчатой инкрустацией из Борового, оказавшиеся, как уже упоминалось, частями импортного среднеазиатского кинжала VI-VII вв. (рис. 44, 17), [56] и «узенькие золотые пластинки с инкрустацией» из Мелитополя. Такие пластинки бытовали долго, до VII в. (рис. 7, 7; 8, 4; 11, 13; 15, 13; 34, 3; 38, 2, 16). Тройные поперечные полоски пластинок из Мелитополя имеют аналогии лишь в декоре пряжки VII в. из бирского погребения 123 (рис. 34, 24). [57]

Типичные погребения группы I из Беляуса и у колхоза Восход (рис. 15) также не имеют никаких элементов групп II и III. Маленькая зернёная серьга в Беляусе не имеет ничего общего с громоздкими подвесками группы III, [58] она ближе к позднеантичным и сарматским изделиям (даже центральная вставка в ней не красная, а синяя, что необычно для группы III). Неправильно каждую вещь с зернью объявлять элементом группы III. Признаки группы III слишком ярки, их ни с чем не спутать: это довольно громоздкие причудливые вещи, буквально перегруженные зерневым декором (рис. 14, 13; 43, 3, 7, 14; 44, 4, 5, 9-12). Сама И.П. Засецкая многократно подчёркивала, что различные украшения с зернью изготовлялись на Боспоре задолго до гуннской эпохи (рис. 1, 3; 2, 1). Важна сумма признаков вещи, а не одно наличие любых треугольников зерни.

Наконец, погребение у колхоза Восход (рис. 15), подробно рассмотренное мной здесь в разделе о памятниках V в., не имеет элементов группы II (или подгруппы Д). И.П. Засецкая неправа, говоря о подгруппе Д, что «основанием для её выделения послужило наличие в погребальном инвентаре оригинальных по орнаменту блях прямоугольной и круглой формы, украшенных геометрическими фигурами или изображениями мужского лица». [59] Группу II я выделил только по бляхам с «дерюжным» орнаментом (рис. 30, 2-13; 31; 32, 1-6, 11-14, 28-30), присоединив ещё несколько могил по иным признакам: сочетанию геральдических пряжек с тиснёной диадемой (рис. 32, 7-10); форме накладок лука (рис. 32, 15-27). При этом я отметил, что во многих могилах есть круглые бляхи с изображением лиц, [60] придающие конскому убору группы II своеобразный облик. Бляхи довольно различны по исполнению (рис. 30, 1, 2, 5, 11; 32, 11, 28; 34, 5). Но круглые бляхи с масками украшали конскую сбрую самых разных эпох. Весьма близкие поволжским по трактовке изображения можно видеть в находках V в. из римской крепости Интерциза в Венгрии (рис. 30, 14), [61] на сасанидском фаларе VII в. из коллекции Думбартон Оукс, на матрице для изготовления фаларов из клада VIII в. из Бискупье в Югославии. [62] Появление масок на сбруе кочевников можно связать с влиянием Рима или Ирана, но нет никаких оснований ограничивать его одним каким-то типом памятников и тем более превращать этот, по-видимому заимствованный, элемент в определяющий культурную принадлежность признак. Поэтому нельзя типичное погребение I («аттиловской» и послеаттиловской группы) у колхоза Восход переносить в группу II или даже говорить о его связи с группой II только на основании изображения личин на сбруе. (Тем более, что в могилах группы II это обычно несколько больших круглых фаларов на узком ремне, тогда как на восходовской сбруе изображения личин располагались сплошной лентой из 25 блях

(73/74)

общей длиной до 1,8 м.) Не исключено, что одна форма тиснёных фаларов всё же может быть связана с группой II (рис. 30, 1, 2, 5; ср. рис. 34, 5), хотя сама подобная трактовка лица распространена гораздо шире (Интерциза (рис. 30, 14); Книн; головки на литых изделиях разных эпох из Средней и Западной Европы).

Итак, не подтвердилось и предположение И.П. Засецкой о существовании смешанных находок, соединяющих признаки групп I-III настолько, «что все они связаны друг с другом, образуя как бы замкнутый круг аналогий, и следовательно, относятся к одной исторической эпохе». [63] Как выяснилось в результате анализа, предложенные И.П. Засецкой аргументы или свелись к недоразумениям, или связаны с приблизительностью, неточностью представлений. Искусственно созданные в целях полемики «подгруппы Б и Г» бесследно рассыпались, и остались только послужившие причиной спора три группы: I, II, III (или подгруппы А, В, Д, по терминологии И.П. Засецкой), «резко отличающиеся» друг от друга.

Следовательно, в ходе более чем десятилетней дискуссии никем не было выдвинуто серьёзных аргументов против предложенного мной в 1971 г. деления кочевнических древностей «гуннского круга», и фактически это деление ещё раз подтвердилось. Настало уже время признать, что различия групп I, II, III — не плод досужей фантазии, что они вполне объективны и отражают историческую реальность.

Древности группы I уже рассмотрены в разделе о памятниках V в. Их дата со времени выхода книги А. Алфёльди ни у кого не вызывает сомнения, и споры идут лишь об отдельных деталях, о возможности уточнения на одно-три десятилетия.

Рассмотрим теперь группу II (рис. 30-32) и её аналогии (рис. 34-36; 37, 10-19; 38-42). На Северном Кавказе найден пока один фалар этой степной группы в разрушенном могильнике Верхняя Рутха (рис. 30, 1), [64] и, кроме того, близкие группе II элементы широко представлены в местных памятниках самого разного облика.

Степные погребения группы II отличаются прежде всего ленточными металлическими накладками, обтянутыми, как и в гуннское время, золотой или серебряной тиснёной фольгой, но с иным, пока не найденным в комплексах V в. выпуклым узором (рис. 30, 3, 6, 12; 31, 5, 6; 32, 12, 29). По этому признаку я объединил курган 3 из Шипова (рис. 31); [65] самый обильный комплекс группы II — курган 17 из г. Ангельс (б. Покровск; рис. 32, 11-14); [66] могилу 7 из Новогригорьевки на Днестре (рис. 32, 28-30); [67] курган у Владимировки на Волге (рис. 30, 5-10). [68] В Шипове вплотную с курганом 3, где похоронен воин, расположен курган 2 с женским погребением, причём не только совпадает техника изготовления их украшений, но совсем одинаковы довольно редкие по своим особенностям пряжки. [69] Т.М. Минаева считает, что оба кургана одновременны, взаимосвязаны и образуют один комплекс. К этим памятникам следует присоединить могилу 3 кургана 4 у с. Верхнепогромное на Волге (рис. 32, 7-10), хотя прямого соответствия с остальными находками здесь нет: поводом служит сочетание «гуннской» диадемы с геральдическими поздними пряжками — такое же, как в Шипове.

В этих комплексах общее — несомненное сохранение некоторых традиций степной группы I. Это обычай обкладывать ремни тиснёными метал-

(74/75)

лическими полосками, применение тиснёных наконечников ремня (рис. 31, 4), хотя набор узоров уже новый. В женских могилах тоже есть диадемы, причём верхнепогромненская особенно близка «гуннским», а шиповская отличается, по-видимому, лишь тем, что вставки держались не в напаянных гнёздах, а в прорезях верхнего тиснёного покрытия. Некоторые формы ленточных обкладок прямо повторяют образцы группы I (рис. 8, 19 и 31, 7). Есть обычай обшивать края одежды маленькими золотыми бляшками, фиксированный в III-IV вв. на Северном Кавказе, в Керчи и у сармат, а в V в. — в могилах пришедших из Восточной Европы на Запад варваров (Лебень, Эран, Хохфельден). Но в Шипове бляшки иной формы (рис. 31, 13). Наконец, повторяются обтянутые чешуйчатой фольгой концы седельных полок, но, если внимательно посмотреть, изменились их форма и детали декора (ср. рис. 7, 13 и 30, 10; 31, 9): пластина стала более вытянутой, суженной; её выгнутая часть срезана под слабым углом к основанию или параллельно ему; появился бордюр по краю пластин из мелких 3-образных вдавлений (мотив, пока не выявленный в группе I). К сожалению, не все вещи групп I и II опубликованы достаточно ясно, но создаётся впечатление, что наконечники стрел в группе II гораздо крупнее, чем в группе I, так что в этом можно видеть продолжение той тенденции, которая наметилась уже в IV-V вв. (наконечники группы I крупнее сарматских, что отмечают все исследователи). Находки калачиковидных серёг в памятниках степной группы I вызывают сомнение (лишь тонкая серёжка из Беляуса достоверна). В группе II серьги калачиком найдены два раза, они сильно утолщены и даже заострены в середине, как северокавказские и башкирские образцы VI-VII вв. (рис. 21, 4, 12; 32, 5, 9; 34, 22).

Предположительно к этим комплексам я добавлю Макартет на Днестре, где, судя по описанию, были бляшки с «дерюжным» орнаментом (?). Полное издание памятника пока не появилось. Затем, курган 18 в г. Энгельс (рис. 32, 15-19) и курган Д42 в Ровном на Волге (рис. 32, 20-27) я включаю также предположительно, по форме резко расширяющихся к концу костяных накладок лука (рис. 32, 13, 18, 27). Возможно, подтверждают такое определение и крупные размеры наконечников стрел (рис. 32, 19, 25; один даже уплощённый), форма удил (рис. 32, 26) и имитация зерни на пластинке из Ровного (рис. 32, 22). Наиболее предположительно отнесение к группе II погребения 2 кургана 36 в г. Энгельс, где есть тиснёная имитация зернёной серьги группы III.

Есть ряд признаков того, что группы II и III существовали параллельно. К сожалению, низкое качество многих публикаций не позволяет надёжно проверить некоторые факты. Достаточно здесь отметить, что в группе II довольно широко распространяется имитация тиснением треугольников зерни. Они довольно обычны на бордюрах седельных блях (рис. 31, 9; 34, 5; 42, 17), иногда покрывают всю бляху сплошными рядами (рис. 34, 9). Есть этот мотив и на узкой пластинке из Ровного (рис. 32, 22). В группе III есть узкие тиснёные ленточки-накладки с камнями в Мелитополе и чешуйчатые обкладки сёдел (к сожалению, накладки из Борового очень неясно опубликованы).

Находки группы II ограничены Восточной Европой: районы Днепропетровска, Саратова, одна — в Северной Осетии. Ареалы групп I и III (75/76)

совсем иные. Дата основана прежде всего на геральдических пряжках из Шипова и Верхнепогромного (рис. 31, 1; 32, 1, 2, 7, 8). Все признаки украшений этого рода налицо: предметы сделаны из листа металла, рамка и щиток — из одного куска, имитируют массивные тяжёлые вещи с толстыми широкими рамками. Особенно тонки

и хрупки шиповские пряжки, иногда игравшие декоративную роль (ремешки скреплялись под ними сквозь петли). Большинство исследователей вообще не придавало значения отличию пряжек группы II от пряжек V в. Я. Тейрал пытался отнести шиповские пряжки к совсем иным, дунайским V в. («типа Дрславице»), объединяя их только по наличию бороздок на рамке (даже иначе и расположенных). Шиповским пряжкам наиболее близки небольшие геральдические пряжки комплексов VII в. в Башкирии (рис. 33, 1, 4, 10; 35, 15). Своеобразие шиповских пряжек в том, что они имитируют геральдические в иной технике, присущей степным древностям групп I, II (тиснение из наложенных один на другой тонких листов).

Более обычны для геральдических пряжки из Верхнепогромного (рис. 32, 7, 8; 33, 2, 3). Аналогией им, в частности по форме раздвоенного щитка, может быть железная пряжка из склепа 56 в Суук-Су (рис. 33, 16), найденная с монетой Юстиниана I (527-565 гг.). Своеобразный «дерюжный» узор не имеет аналогий в V в., зато приблизительные аналогии есть в древностях VII в. Башкирии (рис. 34, 16) и Венгрии (рис. 33, 18). Приблизительная аналогия шиповскому наконечнику ремня имеется в Башкирии VII в. (рис. 34, 25). Основания башкирских датировок, опирающихся на встречаемость с деталями геральдических поясов (как рис. 35, 5-22), разобраны мной в специальной статье.

Шиповские браслеты с характерно прорисованными головками зверей (не змей!) имеют аналогии VI-VII вв. в Дюрсо, Керчи (склеп 6 1905 г.) и Башкирии (рис. 18, 13, 14; 31, 15; 34, 18 и многие другие находки). Шиповское тонкое зеркало с брусковой ручкой и едва намеченным бортиком находит целую серию аналогий в могилах VII в. Башкирии, а также в псевдопряжке конца VII в. в Калмыцком Броде близ Свердловска.

Таковы данные за то, что группа II (или шиповская) намного моложе гуннских древностей V в. (группы I) и определённно существовала в VII в., в период распространения в степи геральдических поясов. Заходила ли она в VI в. и насколько, — пока нет никаких данных, кроме косвенного соображения, что явная преемственность с группой I должна предполагать сближение хронологических границ этих групп где-то в рамках VI в.

Приведённые уже в 1971 г., эти данные, к сожалению, не убедили других исследователей, как это видно из обзора дискуссии о «гуннской» хронологии. Мои наиболее серьёзные оппоненты говорили мне в беседах, что пряжки из Шипова и Верхнепогромного не типичны для геральдических украшений и что шиповская группа должна была исчезнуть задолго до появления в степи геральдических поясных наборов.

Шиповская группа не была ограничена степью, многие её элементы широко проникали в области с более стабильным образом жизни и обнаружены там в хороших комплексах. Особенно ярко это видно в Башкирии (рис. 34; 35). Обычно это обложенные тиснёной фольгой и инкрустированные под прорезями в фольге пластины пряжек, затем наконечники ремней и лунницы. Судя по находке в Уфе, на ул. Тукаева (рис. 34, 1-12), и по
(76/77)

раскопкам М.Х. Садыковой Дежнёвских курганов, ассортимент таких изделий в Башкирии был намного богаче: детали мечей (рис. 34, 11; 35, 3; ср. рис. 19, 10 из Дюрсо первой половины VI в.), обкладки сбруи и фалары со вставками (рис. 34, 3, 5), такой же короткий наконечник ремня с бахромчатым валиком по краю, как в могиле воина

группы III в Боровом (рис. 34, 4; 44, 6, 7). Наконец, там есть и чешуйчатые обкладки сёдел с таким же бордюром из псевдозерни и 3-образных вдавлений, как в кургане 3 Шипова (рис. 31, 9; 34, 8; 35, 4), т.е. набор форм ещё богаче, чем тот, который представлен в степи. Все эти вещи принадлежат позднему этапу Бирского могильника вместе с массой других характерных местных изделий (подвесок, серёг, блях, стрел, посуды и т.д.) и, судя по геральдическим пряжкам и бляхам, относятся ко всему VII в. (рис. 35, 5-20).

На Северном Кавказе к этой группе можно отнести инкрустированные пряжки с полой рамкой, сделанной под влиянием геральдических украшений (рис. 36, 2, 4; 42, 1; ср. такую же пряжку без обтяжки позолоченным листом в Тызыльском склепе 1928 г. (рис. 29, 4) с инвентарём VII в.). В той же технике сделаны северокавказские фибулы из случайных находок, датируемые VI-VII вв. по могиле 490 в Дюрсо, содержавшей, кроме фибулы, пряжку типа башкирских и кувшин (рис. 36, 7-9), имеющий аналогию из слоя времени не ранее VI в. в раскопках Э.Я. Николаевой на Ильичёвском городище. Найдены ещё чешуйчатые обкладки сёдел шиповского типа (с 3-образным окаймлением) с восьмёркообразными грызлами удил VII в., специфическим псалием того же времени и коробочкой-буллой (раскопки А.П. Рунича в Мокрой Балке, катакомба 119; рис. 40, 31-36); в ограбленной катакомбе 3 могильника 1 у Лермонтовской скалы (рис. 40, 30); в раскопках А.В. Дмитриева в Дюрсо: в могилах лошадей 9 и 5 — с геральдическими пряжками (рис. 40, 1-3, 4-6), 10 — с восьмёркообразными удилами (рис. 40, 18-24). Пластины сёдел из Дюрсо имеют тот же срезанный верх, что и в Шипове, в том числе пластины без бордюра, бывшие в лошадиной могиле 4 (рис. 40, 7-17) вместе с геральдической пряжкой (рис. 40, 7), поясной бляшкой, нередко входящей в состав геральдических наборов (рис. 40, 9; в Абхазии — с монетой Юстиниана I, чеканенной между 530-565 гг.), псалиями с ребристой шейкой и валиком на лопасти (ср. рис. 34, 10; 39, 12, 14, 20-23; 42, 13), связанными с комплексами VII в., наконец, с костяной подпружной пряжкой с подвижным язычком, пока не найденной в материалах старше VII в. (рис. 23, 22, 23; 25, 12; 45).

Более того, в Равенне (Италия) и Крефельде-Геллепе (ФРГ) найдены местные оковки сёдел той же продолговатой со срезанным верхом формы, что и в Шипове. От них сохранились лишь золотые бордюры, украшенные мелкой сложной инкрустацией. В Италии по характеру инкрустации, в ФРГ — также по комплексу оба набора пластин хорошо датированы первой половиной VI в. Они не сохранили чешуйчатого узора (возможно, он был вытиснен в середине поля пластин на коже и потому не уцелел), но форма та же, что у пластин из Дюрсо (рис. 40, 3, 6; 41, 8, 9), характерно и появление бордюра, не представленного на пластинах V в. На Северном Кавказе (Галайты) есть даже узкая седельная пластина и с чешуйчатым орнаментом, и с инкрустированным бордюром (рис. 38, 19). Казалось бы, вопрос о дате степной группы II ясен: VII век — определён, VI век —

(77/78)

предположительно. Но теперь выдвигаются сомнения в дате вещей из конских могил Дюрсо: ведь геральдические пряжки с треугольной пластиной из Тырнаузского склепа, опубликованного П.Г. Акритасом, из кургана в Куденетово раньше датировались V в. Как будто это подтверждает их находка в катакомбе 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы вместе с хорошими вещами V в. В Куденетово с такой пряжкой (рис. 39, 2) была ещё обычная пряжка геральдических наборов, но с инкрустацией (рис. 39, 1). Инкрустации долго служили для кавказоведов непреодолимым «камнем

преткновения», но масса новых находок подтвердила, что широко инкрустировались и типичные геральдические наборы VII в. (рис. 23, 25-29; 24, 7, 9-12; 25, 6-8, 18; 26, 1, 2, 4, 7, 12, 15, 16, 18, 20, 22, 24, 32; 29, 34; 42, 1, 3, а также пояса из Перещепина, Кунбабонь, Тепе, Бочи, Кернье и др.). Следует обратить внимание и на корреляцию псалиев с валиком на лопасти, восьмёркообразных грызл, блях с бахромчатым валиком, седельных обкладок с 3-образной каймой и пряжек с треугольной пластинкой и тремя полукружиями (нижнее иногда заменено клювовидным завершением) и обычных геральдических пряжек и блях (рис. 23, 46; 24, 15, 23; 26, 12, 30, 31; 29, 7, 24; 34, 4, 10; 35, 6, 16, 17; 39, 2, 12, 14-21; 40, 1, 3, 4, 6, 15, 31-33; 42, 2, 3, 6, 13, 17). Куденетово — памятник VII в. (ср. рис. 39, 5; 29, 19; 36, 3). Того же времени семейный склеп в Тырныаузе (на плохом фото публикации всё же видны типичные геральдические пряжки). Кстати, и кайма из 3-образных вдавлений, неизвестная на вещах группы I, повторяется на щитках инкрустированных брошей VII в. из Кабардино-Балкарии. Целиком сохранившийся экземпляр, к сожалению, депортирован (рис. 36, 3), но ободок от точно такой же броши уцелел в спасённом М.И. Ермоленко инвентаре семейного склепа VII в. из Гижгида (рис. 29, 19), — обе вещи почти тождественны.

Всё же все эти сопоставления не снимают простого вопроса: если группа II существовала в VII в., параллельно с геральдическими поясами, почему изделия группы II в степи или на Кавказе не найдены ни разу с хорошим геральдическим наборным поясом или его частями? Конечно, такие находки есть в Башкирии, но там элементы группы II могли запоздать.

На Северном Кавказе появились и такие находки, правда, долго не оценённые должным образом.

Весной 1953 г. рабочие обнаружили при земляных работах близ станицы Преградная на р. Уруп комплекс находок, опубликованный в 1957 г. Т.М. Минаевой (рис. 37, 1-18). [70] Комплекс широко известен. Его дата в пределах второй половины VI-VII в. ни у кого не вызывает сомнения. Фигурки человека и льва, пряжки и части геральдического наременного набора бесспорно определяют его дату на основании многочисленных аналогий. Поэтому исследователи не придавали самостоятельного значения происходящему из той же находки «лому металлическому», как он числился в инвентарной книге Ставропольского музея. По мнению Т.М. Минаевой, он «тесно связан со всем комплексом остальных вещей». Его «составляют главным образом обрывки тонкого серебряного позолоченного листка... Одни из них — с пунктирным чешуйчатым орнаментом, другие — с каймой» (рис. 37, 17, 18). [71] Т.М. Минаева предполагала, что листком были обложены ножны кинжала, а полное отсутствие упоминаний о чем-либо подобном в акте, составленном находчиками, она объяс-

(78/79)

няла тем, что ржавый железный кинжал мог не привлечь их внимания. [72] С этим трудно согласиться, так как именно остатки оружия привлекли бы внимание кладоискателей.

Т.М. Минаева не смогла объяснить отсутствие в музее двух предметов, специально отмеченных находчиками: «В акте, составленном рабочими при сдаче находки, указаны „две рыбы“, которые в коллекции музея отсутствуют». [73] Поиск аналогий для чешуйчатого листка показал его отличие от обкладок кинжалов — преградненская обкладка имела широкую кайму из точек, 3-образных оттисков и кружочков. Самую близкую аналогию сочетанию чешуек точно такой же каймы можно

найти лишь на золотых седельных обкладках из конской могилы 5 в Дюрсо (рис. 37, 17, 18; 40, 6). Уже говорилось, что 3-образный бордюр сочетается с чешуйчатым фоном на большом числе седельных пластин степной группы II (Шипово, Дюрсо, Галайты, Мокрая Балка, Керчь, Лермонтовская скала и др.). При этом, если пластины без бордюра обычно высокие, близкие к треугольнику (Новогригорьевка, Печ-Усёг, Левице, Мундольсхайм — все группы I), то пластины с бордюром более «приземистые», со срезанным верхом. Именно эта поздняя разновидность седельных накладок более всего похожа на широкую золотистую рыбу с лобастой головой и коротким массивным хвостом, тем более что вся блестящая поверхность пластины мерцает мелкой чешуёй (рис. 38, 19; 40, 3, 6, 17, 24; 41). Остается только удивиться меткости и лаконичности определения, сделанного находчиками. Седельные пластины находят парами, потому в акте и упомянуты «две рыбы». Вероятно, в момент находки обе пластины хорошо сохраняли свою форму. Но все такие пластины очень тонки и хрупки; лишённые твёрдой основы, они быстро деформируются и крошатся (так, от знаменитых шиповских пластин после многих лет хранения в музее остались лишь небольшие обломки). Поэтому, пока переходившие из рук в руки рыбовидные пластины преградненской находки попали в музей, от них остался лишь «лом металлический», внесённый под таким названием в инвентарную книгу Ставропольского музея. [74]

Предположение о пластинах седла базируется на свидетельстве находчиков и на двух опубликованных Т.М. Минаевой обломках. Сотрудники Ставропольского музея Н.А. Охонько и И.В. Отыцкий искали, по моей просьбе, металлические обломки, упомянутые Т.М. Минаевой, но не нашли: по-видимому, за время, прошедшее с 1957 г., рассыпались и они. Поэтому необходимо ещё какое-то подтверждение моей версии о седле в преградненской находке. Оно есть.

Т.М. Минаева считала, что «бронзовые пряжки, прорезные бляшки, застёжка с геральдическим щитком, по-видимому, были принадлежностью мужского пояса» (рис. 37, 1-9). [75] Но основание дуговидных бляшек (рис. 37, 4-6) вырезано так, что оно могло охватывать круглую бляшку (рис. 37, 7, 8), образуя с ней двойник или тройник (рис. 37, 20, 21), обычно применяемый для соединения ремней сбруи (рис. 37, 32 — часть сбруи из Перещепина; [76] 37, 36 — часть сбруи из Чми; 37, 37-39 — детали роскошной сбруи VII в. из Ирана, хранящейся в Лувре). И в других находках VII в. такие составные бляшки обычно имеются там, где есть удила, подпружные пряжки, петли, части сёдел (рис. 22, 17-23; 23, 22, 23, 25-30, 46; 24, 7-9, 15; 26, 30, 31; 37, 32-35, 37-43) или уцелели ремни сбруи.

(79/80)

В Преградной есть и другие детали седла — серебряные фигурки человека и льва (рис. 37, 10, 11). В последнее время В.Б. Ковалевская отнесла их к числу амулетов. [77] Но против этого говорит способ изготовления фигурок. «Изображение человека из серебряной тонкой (0,3 м [д.б.: мм]) штампованной пластинки... Круглые отверстия для глаз вытиснены, как и вся фигура, с оборотной стороны; возможно, что в них первоначально были вставлены камни или стёкла... Пластинка не имела самостоятельного значения; она укреплялась на какой-то основе». [78] Так же сделана фигурка льва, включая отверстия для инкрустаций. «Края пластинки загибались на какую-то основу. Кроме того, на лапах и бедре проделаны отверстия для прикрепления пластинки». [79] Фигурка человека позолочена вся, у льва — лишь голова, грива и передняя лапа. Д. Ласло уже давно показал, что, как и львы из Перещепина,

мартыновские фигурки людей и львов украшали два комплекта седельных луков. [80] В пользу двух комплектов говорят и два различных типа блях — тройников для сбруи из Мартыновки. [81] Мартыновские фигурки литые, но с «оборотной стороны вогнутые, предназначенные для набивания на какую-то плоскость. Судя по тому, что отверстия для прикрепления довольно больших размеров и их всегда по два, фигурки не пришивались, а именно прибивались». [82]

И в других находках тиснёные или полые снизу фигурки людей и львов сопутствовали деталям конского снаряжения: в Кугуле (рис. 23, 22-32, 46; 24, 7-15), Мартыновке (рис. 37, 40-44), [83] Малом Перецепине, [84] Галайты (рис. 38, 13-19), кургане в Ново-Биккино (Башкирия), [85] кладе матриц для тиснения в Фельнаке (Румыния). [86] Таким образом, мнение Д. Ласло об их назначении украшать седельные луки подтверждается все новыми и новыми находками.

Итак, преградненская находка состояла в основном из частей конского снаряжения: это были ремни сбруи с металлическими пряжками и бляхами и седло, луку которого украшали симметричные позолоченные фигурки человека и двух львов, а выступающие из-под этой луки концы седельных полков были покрыты тоже позолоченной фольгой с чешуйчатым орнаментом. К сбруйному набору относились также тиснёные полихромные бляшки и лунницы (рис. 37, 12-16). В конском наборе из Преградной довольно эклектически соединены две традиции: византизированного геральдического стиля (рис. 37, 1-11) и старого степного искусства группы II (рис. 37, 12-19), идущего от времени гуннов. Вероятно, чтобы сгладить эту разностильность, фигурки на луке были дополнены маленькими цветными вставками на месте глаз (рис. 37, 10-12). Фигурки из других, «чисто» геральдических находок (рис. 37, 44) таких вставок не имеют. Среди археологов ходят разные версии об истоках подобных фигурок львов, в том числе их считают кочевническими, в частности аварскими. На самом деле они византийские. В этом легко убедиться, сравнив фигурки с изображениями львов на пластинах пряжек первой половины VII в. из Суук-Су. [87] Совпадают не только поза, трактовка суставов ног, но, главное, манера изображать гриву в виде слабоволнистых линий с точками на концах (рис. 37, 11, 31). Повторяя византийские прообразы и изображая никогда не виданного экзотического зверя, мастера разных мест Восточной Европы всегда в чём-то уклонялись от оригинала. Наиболее это проявилось в мартыновских фигурках, где львиные когти и зубы соединились с ногами

(80/81)

лошади. Но и здесь совершенно не лошадиная грива сохранила кайму из поперечных насечек по верхнему краю, как в Преградной и Кугуле (рис. 37, 11, 31, 44). Когда мастер галайтинских изделий заполнил всю поверхность фигурки инкрустациями, ему пришлось гриву опустить совсем, но насечки по краю он всё же оставил (рис. 38, 13) как невольную дань уже давно забытой изобразительной традиции.

Соединяя в себе яркие элементы развитого геральдического стиля VII в. с элементами более раннего «гуннского» полихромного стиля степей, находка из Преградной подтвердила то, что было ясно из находок в Шипове, Верхнепогромном, хорошо доказывалось материалами из Башкирии: «гуннский» стиль степной группы II возник после V в., в Башкирии, на Волге и Северном Кавказе дожил до VII в. и какое-то время существовал параллельно с новым, принесённым с юго-запада, из владений Византии, геральдическим стилем, а потом был им вытеснен. При этом он не только

существовал параллельно, но находился во взаимном обмене, в живом контакте. Значение преградненской находки в том, что это сосуществование она подтверждает в наиболее доступной, наглядной форме.

Однако и здесь возможны возражения: ведь рыбовидные бляхи не сохранились, и можно оспаривать их трактовку, настаивать на том, что чешуйчатые листы все же относятся к ненайденному кинжалу. Правда, там есть ещё мелкие обломки тиснёных бляшек с инкрустацией (рис. 37, 15, 16). Наверное, так бы и было, если бы преградненская находка с её сплавом двух стилей не имела аналогий.

В могиле 19 Харачоя (Чечено-Ингушетия) были вместе тиснёная пластинка «гуннского» стиля с отверстиями для инкрустаций и обычная геральдическая пряжка (рис. 38, 1, 2). [88] И это можно было бы отнести в разряд случайностей. Но остаётся ещё галайтинская находка (рис. 38, 8-20), где сплав элементов группы II и геральдического стиля достиг максимума и где с фигуркой льва достоверно найдены две позолоченные чешуйчатые рыбовидные пластинки. [89] Здесь не только все бляхи сбруи сделаны в традициях степной группы II, обильно украшены рубчиками, выпуклостями и ныне утраченными круглыми инкрустациями, но даже типичную для сёдел геральдического стиля фигурку льва густо покрыли теми же рубчиками и круглыми вставками, так что от первоначальных деталей поместилась одна косая насечка по краю гривы (как у львов из Преградной, Камунты, Кугуля, Мартыновки, Фельнака). Убранство седла довершали традиционные рыбовидные пластины. Датировку VII в. определяют, кроме фигурок, наконечники с трилистником и, вероятно, крыловидные бляшки. Из обрывков перегородчатой инкрустации восстанавливается вкладыш высокой крестовины меча с явно иранским мотивом: диск на полумесяце и, возможно, крылья (?).

Изделия группы II и особенно характерные для них рыбовидные пластины с бордюром встречены с геральдическими пряжками в Шипове, конских могилах 4, 5 и 9 Дюрсо, катакомбе 10 у Лермонтовской скалы; с удилами того же VII в. — в могилах 4 и 10 Дюрсо, склепе 6 из раскопок 1905 г. в Керчи, на ул. Тукаева в Уфе. При этом шиповская пряжка — подражание геральдическим в ювелирной технике группы II. Элементы группы II массово представлены на позднем этапе Бирского могильника в Башкирии. Находки в Преградной и Галайты надёжно подтверждают,
(81/82)

что «гуннские» традиции группы II удержались в Восточной Европе по меньшей мере до середины VII в. и лишь постепенно были вытеснены новой модой. Оба комплекса — без следов погребений, зарыты, вероятно, как жертвы умершим — обычай, в разных вариантах связанный со степным влиянием.

[1] Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ г. Покровска // Уч. зап. СГУ. Саратов, 1927. Т. VI, вып. III.

[2] Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // AN. Budapest, 1932. Т. 9.

[3] Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956. S. 63-65.

[4] Ibid. Taf. 14, 30, 31; 46, 1-4; 51; 54, 1.

[5] Ibid. S. 65. Anm. 1; 2; ESA. Helsinki, 1927. Т. I. P. 31. Fig. 8; 11; 14; 15.

[6] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. Ч. I. С. 102-104, 106. Рис. 2, 11-22, 25, 26, 29, 30; То же // СА. 1971. № 3. Ч. II. С. 112, 115-120. Табл. III, 24, 52. Рис. 10; 11; Он же. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981. С. 12-22.

[7] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1. С. 62.

[8] Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975. С. 24, 25, 27.

[9] Там же. С. 28.

[10] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. Рис. 11, 1, 2; Он же. Восточноевропейские и среднеазиатские степи... Рис. 2, 2а, б, 3а, б.

[11] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. С. 119, 120. Рис. 10, 15, 16.

[12] Werner J. Beiträge. . . S. 65, Anm. 1; 2.

[13] Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 90. Рис. 1, 20, 22, 30, 31.

[14] Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 25-32. Рис. 8, 22, 25, 39, 40; 9.

[15] Засецкая И.П., Маршак Б.И., Щукин М.Б. Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 121.

[16] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности. . . С. 69, примеч. 21.

[17] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. Рис. 11, 1 (Тилигул, Щербатая Котловина, Саги, Раденск, Новогригорьевка, Беляус, Феодосия, совхоз им. Калинина, Красный Сулин, Воздвиженское, Паласа-сырт, Березовка, Нижняя Добринка, колхоз Восход).

[18] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. С. 102, примеч. 10 (даны ссылки на публикации за рубежом находок из Вольфсхайма, Лаа, Якушовице, Вены, Енджиховице, Печ-Усёга, Унтерзибенбрунна, Шимлеул Сильваней, Сегед-Надьсекшоша, Эрана, Бежи, Галисии, Кончешть, восточноевропейских из Березовки, Тилигула, Керчи, Новогригорьевки, Нижней Добринки, колхоза Восход, Муслюмова, Ахтанизовской, Воздвиженского, Раденска, Саг, совхоза им. Калинина, Беляуса, Феодосии).

[19] Засецкая И.П., Маршак Б.И., Щукин М.Б. Обзор дискуссии... С. 121.

[20] Там же.

[21] Шелов Д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 84.

[22] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности... С. 68, 69 и примеч. 21.

[23] Засецкая И.П., Маршак Б.И., Щукин М.Б. Обзор дискуссии... С. 121.

[24] Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. 1975. № 1. С. 225.

[25] Bakay K. Bestattung eines vornehmen Kriegers vom 5. Jahrhundert in Lengyelóti // ААН. Budapest, 1978. Т. 30, fasc. 1/2. S. 153. Anm. 11.

[26] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. I. С. 97, 99. Рис. 1, 2; 2.

[27] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности...

[28] Там же. С. 62.

- [29] Там же. С. 62, 63, 69. Примеч. 21.
(82/83)
- [30] Там же. С. 63.
[31] Там же. С. 66.
[32] Там же. С. 68.
[33] Там же. С. 69.
[34] Там же. С. 71; Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 5.
[35] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности... С. 66.
[36] Там же. С. 55.
[37] Там же. С. 63.
[38] Там же.
[39] Там же. С. 68.
[40] Там же.
[41] Там же. С. 66.
[42] Там же. С. 67.
[43] Там же.
[44] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. С. 120 (примеры VII-VIII вв.). Рис. 14, 1, 40 (38, 47?).
[45] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности... С. 69.
[46] Там же. С. 68. Рис. 2.
[47] Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982. С. 14.
[48] Там же. С. 20.
[49] Засецкая И.П. Боспорские склепы... С. 5; Она же. О хронологии и культурной принадлежности... С. 66, 71.
[50] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности... С. 66-68.
[51] Там же. С. 66.
[52] Balint Cs. Vestiges archéologiques de l'époque tardive des Sassanides et leurs relation avec les peuples des steppes // ААН. Budapest, 1978. Т. 30, fasc. 1/2.
[53] Anazawa W., Manome J. Imbrication patterns on the ancient swords from Japan and Korea // Bushitsu Bunka. Tokyo, 1979. V. 33. Fig. 1; 3-8; 11; 12.
[54] Bóna I. A kozèpkor hainala. Budapest, 1974. 22. ábra.
[55] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. Рис. 14, 40.
[56] Anazawa W., Manome J. The problems on a gold dagger with cloisonné decorations from Kerün-lo no. 14 tomb in Kyongju, Korea // Kobunka dansou. Kita-Kyushu, April 1980. No. 7.
[57] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. Рис. 10, 12, 29.
[58] Там же. Рис. 10, 16а, 32, 34.
[59] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности... С. 63.
[60] Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии... Ч. II. С. 115.
[61] Bóna I. A népvàndorlás Kora Fèjèr megyèben // Fèjèr megye törtènete az østortól a hon foglalásig. Szèkesfehèrvàr, 1971. 5. 1. àbra, 1.
[62] Werner J. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Gesellschaftswissenschaften. Berlin, 1953. Jg 1952. Nr 2. Taf. 4, 6.

- [63] Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности... С. 71; Она же. Боспорские склепы. . . С. 5; Она же. Классификация полихромных изделий... С. 30.
- [64] Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Т. VIII. С. 240, 241. Табл. CI, II.
- [65] Minayeva T.M. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo // ESA. Helsinki, 1929. T. IV. S. 195-204.
- [66] Минаева Т.М. Погребения с сожжением... С. 91-93. Табл. 1.
- [67] Там же. С. 100. Табл. V. 41, 42.
- [68] Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья: Научн. тр. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Куйбышев, 1979. № 230. С. 164-174.
- [69] Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 35, 36. Рис. 1, 10-14; Она же. Боспорские склепы... Рис. 6 (пряжка в середине второго ряда).
- [70] Минаева Т.М. Находка близ ст. Преградной на р. Урупе // КСИИМК. М., 1957. Вып. 68. С. 133-137.
- [71] Там же. С. 134. Рис. 54.
- (83/84)
- [72] Там же. С. 136.
- [73] Там же. С. 134.
- [74] Амброз А.К. О месте преградненской и галайтинской находок среди раннесредневековых древностей // XII Крупновские чтения: Конференция по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 1982. С. 57, 58.
- [75] Минаева Т.М. Находка близ ст. Преградной... С. 136.
- [76] Бобринский А.А. Перещепинский клад // МАР. Пг., 1914. №34 (дополнение: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. Рис. на с. 240).
- [77] Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. М., 1983. Вып. 176. С. 46.
- [78] Минаева Т.М. Находка близ ст. Преградной... С. 133.
- [79] Там же.
- [80] László Gy. Études archéologiques sur l'histoire de la société des avars // AN. Budapest, 1955. Ser. nov. T. 34. P. 276-284.
- [81] Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. М.;Л., 1953. Т. XVII. С. 77, 78. Рис. 17, 5, 10.
- [82] Там же. С. 86-88. Рис. 21.
- [83] Там же. С. 76-80. Рис. 17.
- [84] Бобринский А.А. Перещепинский клад; Артамонов М.И. История хазар. Рис. на с. 240, 243, 245, 247.
- [85] Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981. С. 17, 18. Рис. 8, 20-25.
- [86] Fettich N. Die Kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn. Budapest, 1926. Taf. IV, 7-13.
- [87] Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19. С. 71. Рис. 44; 46.
- [88] Багаев М.Х. Раннесредневековый могильник у сел. Харачой // Археолого-этнографический сб. Грозный, 1976. Т. IV. С. 87. Рис. 3Б.
- [89] Багаев М.Х. Галайтинский клад VI-VII вв. н.э. // СА. 1977. № 2. С. 238-240. Рис. 1, 1, 4.
-

Заключение. ^

Рассмотрение материалов северокавказских памятников V-VII вв. с привлечением материалов синхронных памятников других территорий подтверждает правомерность предложенного мной ранее деления степных древностей на три группы. Это связано с тем, что на Северном Кавказе имеется ряд комплексов, аналогичных древностям степных кочевников.

Уточнение хронологии этих комплексов вносит изменения в историческую интерпретацию археологических памятников. Раньше было принято объединять комплексы с обильной инкрустацией на золотом фоне и относить их только ко второй половине IV-V в. В работе показана их разновременность. Комплексы первой половины V в. распространены от Франции до Волги с центром на Дунае. Именно здесь сложился этот стиль в разноэтничной среде гуннской эпохи и именно здесь, на Западе (на Дунае, Рейне, севере Франции), наиболее чётки критерии для выделения памятников этого времени и на нашей территории, поскольку погребения с таким инвентарём хорошо выделялись здесь своей чужеродностью среди местных древностей. Отсюда этот стиль в период гуннского владычества был занесён на Боспор и на Кавказ.

Все известные северокавказские погребальные памятники этого времени оставлены не гуннами, а местным населением. На Северном Кавказе, в отличие от западных областей, где памятники первой половины V в. хорошо отделяются от памятников второй половины этого столетия (после 453 г.), все древности V в. не расчленяются и составляют единую группу, за исключением могильника Дюрсо, в материалах которого прослеживаются сильные связи с западными областями.

Среди памятников Северного Кавказа имеются некоторые аналогии и степным древностям групп II и III. Для древностей группы III характерны обильное применение зерни и своеобразные формы вещей. Могилы этой группы имеют иную, чем памятники группы I, территорию распространения: от низовьев Дуная до Киргизии. Их, как и Шиповские курганы, надо датировать VII в.

В памятниках VII в. на Северном Кавказе, а также в Башкирии и отчасти в Крыму находят аналогии и степные древности группы II. Есть данные, позволяющие говорить о некоторой синхронности групп II и III степных древностей: они точно засвидетельствованы в комплексах VII в. и лишь предположительно — в VI в.

Вопреки распространённому мнению оказалось, что кочевнических находок VII в. гораздо больше, чем находок гуннской эпохи. Из письменных источников известно, что именно в VII в. прогресс местного кочевого общества привёл к образованию в степях болгарского и хазарского

(85/86)

объединений. Если взять территорию Подунавья, то там следы авар второй половины VI в. пока не найдены, так как в период больших войн авары непрерывно кочевали. С упадком внешнего могущества в VII в. образ их жизни стал менее подвижен, и число находок второй половины VII в. сильно возрастает. На Северном Кавказе мало находок V в. Сильно возрастает число находок VII и особенно VIII-IX вв.

Постоянное уточнение археологических дат — закономерный процесс, связанный с быстрыми темпами накопления фактического материала. Всё больше археологов идёт на уточнение и пересмотр датировок раннесредневековых древностей, всё более прочный фундамент подводится под использование археологических материалов для решения широких исторических вопросов.

В заключение я хотел бы высказать свою благодарность всем моим предшественникам, всем, с кем я спорю и с кем солидарен, так как без их изысканий не было бы и этой книги.

[Иллюстрации: Рис. 1-45.]

[Полноразмерные рисунки открываются в новом окне щелчком по превью.]

Рис. 1. Древности типа Кишпека на Северном Кавказе. 1-9 — Кишпек, курган 13; 10-17 — Будённовская слобода; 18-20 — станица Тимошевская; 21-23 — Братское, 1963 г., курган 3 (раскопки Р.М. Мунчаева); 24-26 — позднесарматские пряжки из Нижнего Поволжья (по А.С. Скрипкину).
С. 87

Рис. 2. Крымские древности второй половины III в. 1-18 — курган на усадьбе Месаксуди в Керчи; 19-21 — курган с золотой маской в Керчи; 22 -Керчь; 23-28 — Черноречье, подбойная могила 35; 29-33 — курган между аулами Терезе и Учкеек, разрушенный в 1960 г.
С. 88

Рис. 3. Западные древности второй половины III-IV в. 1 — римский шлем из Будапешта; 2 — римский шлем из Беркасово (Югославия); 3-6 — украшения из Закшува (Польша); 7, 8 — детали тиснёного декора на умбоне из Херпай (Венгрия)
С. 89

Рис. 4. Северокавказские древности IV в. 1-11 — у хут.

Октябрьский: 1-4 — курган 6, 5-9 — курган 1, 10, 11 — курган 5 (по М.П. Абрамовой).
С. 90

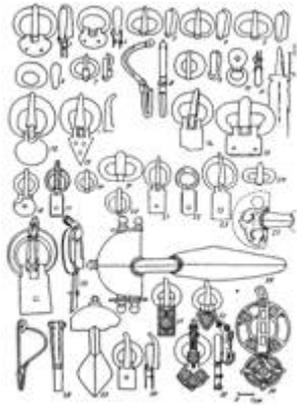

Рис. 5. Примеры украшений IV — первой половины V в. с Украины. 1-15 — IV в.; 16-34 — первая половина V в.; 1-11 — Озёрное, Крым: 1-6, 8 — склеп 1, 7, 9-11 — склеп 2; 12 — Гавриловка, могила 47; 13 — Косаново, могила 3; 14, 15 — Ранжеево: 14 — могила 1, 15 — могила 14; 16-29 — Керчь, 1904 г.: 16-27 — склеп 154, 28 — склеп 165, 29 — склеп 145; 30 — Керчь, 1902 г., склеп 181; 31, 32, 34 — Керчь, склепы, разграбленные 24 июня 1904 г.; 33 — Керчь, Новиковский склеп.
С. 91.

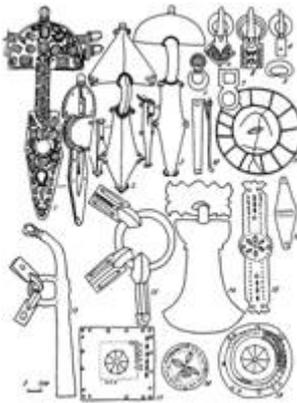

Рис. 6. Пример дунайских древностей первой половины V в. — находки из погребения в Унтерзибенбрунн, Австрия (1-19—по В. Кубичеку).
С. 92

Рис. 7. Пример степных древностей V в. — Новогригорьевка, Украина, могила VIII (1-13).
С. 93

Рис. 8. Примеры степных древностей V в. 1-14 — Новогригорьевка, Украина, могила IX; 15-22 — Нижняя Добринка, Поволжье.
С. 94

Рис. 9. Древности V в. на Северном Кавказе. 1-21 — г. Нальчик, за Вольным Аулом, погребение, раскопанное М.И. Ермоленко 7-8 сентября 1923 г. (фонды Нальчикского музея, № 2525); 22-31 — р. Гиляч, могила 4.
С. 95

Рис. 10. Древности V в. на Северном Кавказе. 1-25 — катакомба 11 могильника 2 у Лермонтовской скалы, раскопки А.П. Рунича; 26-29 — Брут, катакомба, исследованная С.С. Куссаевой.
С. 96

Рис. 11. Находки, относящиеся к V в., из катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы (1-17).
С. 97

Рис. 12. Древности V в. на Северном Кавказе 1-8 — р. Гиляч, могила 5; 9-12 — случайные находки из могильника Верхняя

Ругха.
С. 98

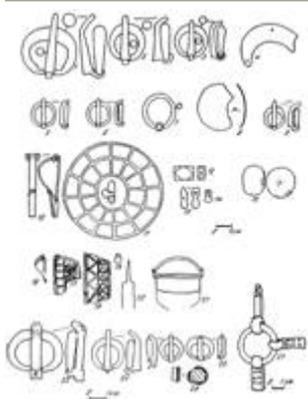

Рис. 13. Древности V в. на Северном Кавказе. 1-4 — Брут, погребение 6; 5-8 — Брут, погребение 2; 9 — Брут, погребение 3; 10-15 — Тамгацик; 16-21 — пос. Шестая Шахта; 22-26 — Мокрая Балка, 1973 г., катакомба 3; 27 — курган у аула Терезе.
С. 99

Рис. 14. Случайные находки V в. (1-11, 14-24) на Северном Кавказе. 1-13 — коллекция из Воздвиженского (Здвиженского); 14-20 — могильник Верхняя Ругха; 21 — б. Терская область; 22 — Камунта (ГИМ); 23, 24 — Нижняя Ругха, 25, 26 — бассейн р. Чегем, Кабардино-Балкария.
С. 100

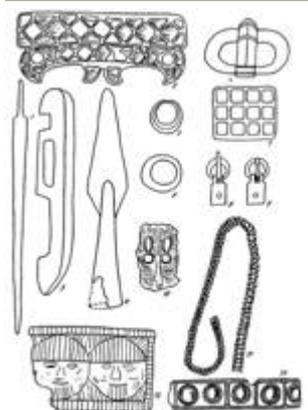

Рис. 15. Степное погребение второй половины V в. из колхоза Восход на нижней Волге (по И. Вернеру) (1-13).
С. 101

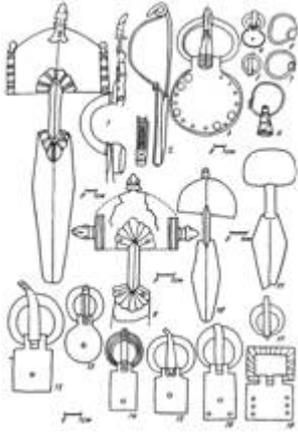

Рис. 16. Примеры древностей второй половины V в. из Среднего Подунавья и Крыма. 1-8 — Смолин, Чехословакия, погребение 32; 9-18 — Керчь, 1904 г., склеп 165 (по Я. Тейралу и И.П. Засецкой).
С. 102

Рис. 17. Могильник Дюрсо близ Новороссийска, этап I (по А.В. Дмитриеву) 1-12 — погребение 300; 13-24 — погребение 483; 25-29 — погребение 298; 30, 31 — погребение 510.
С. 103

Рис. 18. Могильник Дюрсо, этап II (по А.В. Дмитриеву). 1-8 — погребение 291; 9-17 — погребение 292; 18-20 — погребение 197; 21-33 — погребение 517.
С. 104

Рис. 19. Могильник Дюрсо, этап II (по А.В. Дмитриеву, 1-18) и погребение из Цебельдинской долины в Абхазии (19-27). 1-11 — Дюрсо, погребение 500; 12-18 — Дюрсо, погребение 420.
С. 105

Рис. 20. Могильник Дюрсо, этап III (по А.В. Дмитриеву). 1-6 — погребение 408; 7-14 — погребение 516; 15-22 — погребение 410; 23-30 — погребение 259.
С. 106

Рис. 21. Могильник Дюрсо, этап IV (по А.В. Дмитриеву, 14-26, 38, 39) и его аналогии (1-13, 27-37). 1-13, 27-37 — Пашковский I могильник: 1-13 — погребение 5 (1-9 — тайник), 27-29 — погребение 15 1948 г.; 30-33 — погребение 2 1948 г., 34-36 — погребение 14 1948 г., 37 — погребение 11 1949 г.; 14-26, 38, 39 — Дюрсо: 14-26 — погребение 402, 38, 39 — погребение 374 (1-13, 27-37 — по К.Ф. Смирнову).
С. 107

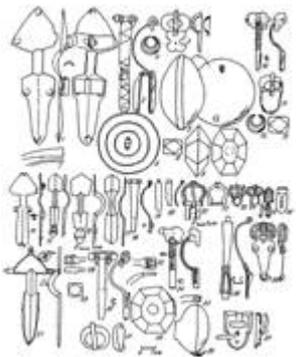

Рис. 22. Погребения VII в. из Суаргома в Верхнем Чми (раскопки Д.Я. Самоквасова) 1-25 — катакомба 11; 26-51 — катакомба 17; 52-61 — катакомба 12.
С. 108

Рис. 23. Находки из Кугульского западного склепа 3 (по А.П. Руничу) (1-47).
С. 109

Рис. 24. Находки из Кугульских западных склепов 2 и 5. 1-22 — склеп 5; 23-49 — склеп 2 (по А.П. Руничу).
С. 110

Рис. 25. Находки из погребений Мокрой Балки. 1-12 — погребение 2 из раскопок Г.Е. Афанасьева; 13-24 — погребение 1; 25-36 — погребение 28 (13-36 — по А.П. Руничу).
С. 111

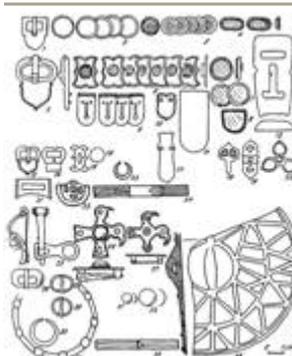

Рис. 26. Находки из окрестностей г. Кисловодск. 1-25 — Мокрая Балка: 1-13 — могила 122, 14-17 — могила 100, 18-21 — могила 89, 22, 23 — могила 16 (из раскопок А.П. Рунича), 24, 25 — могила 4 (из раскопок В.Б. Ковалевской); 26-38 — Кугуль, склеп 4.
С. 112

Рис. 27. Находки из погребений Чми, раскопанных М.П. Абрамовой. 1-15 — погребение 4; 16-21 — погребение 8; 22-34 — погребение 6.
С. 113

Рис. 28. Погребения с поздними двухпластинчатыми фибулами Башкирии и Северного Кавказа. 1-11, 20, 21 — Бирск: 1-6 — погребение 77, 7-11 — погребение 78, 20 — погребение 96, 21 — погребение 108; 12-19 — Кушнареново, погребение 21; 22-25 — Пашковский I могильник, 1949 г., погребение 4 (раскопки К.Ф. Смирнова).

С. 114

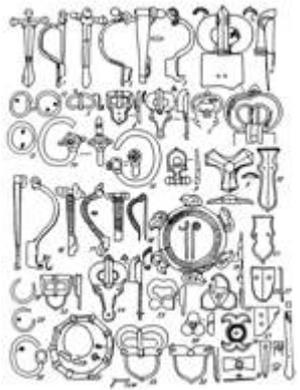

Рис. 29. Находки из семейных склепов Кабардино-Балкарии. 1-15 — Тызыл, покупка 1928 г.; 16-37 — Гижгид, покупка 1928 г. (фонды Нальчикского музея, приобретения М.И. Ермоленко).

С. 115

Рис. 30. Некоторые находки древностей шиповского типа (группа II) на Северном Кавказе и в степях. 1 — Верхняя Рутха; 2-10 — Нижнее Поволжье: 2-4 — г. Энгельс, курган 17, 5-10 — Владимировна; 11-13 — Новогригорьевка, могила IX; 14 — древняя Интерциза, Венгрия.

С. 116

Рис. 31. Находки степной группы II из кургана 3 в Шипове (1-16) (масштаб различный) [подпись: с. 116, рис.: с. 117].

С. 117

Рис. 32. Находки из степной группы II. 1-6 — Шипово, курган 6; 7-10 — Верхнепогромное, могила 3 кургана 4; 11-19 — г. Энгельс: 11-14 — курган 17, 15-19 — курган 18; 20-27 — Ровное, курган Д42; 28-30 — Новогригорьевка, могила IX.

С. 118

Рис. 33. Степные украшения группы II и их аналогии. 1 — Шипово, курган 3; 2, 3 — Верхнепогромное, погребение 3 в кургане 4; 4-15, 17 — Бирск: 4-9 — погребение 156, 10-15 — погребение 138; 17 — погребение 130; 16 — Суук-Су, склеп 56; 18 — Адонь, Венгрия.

С. 119

Рис. 34. Украшения степной группы II в древностях Башкирии. 1-12 — Уфа, ул. Тукаева, погребение; 13-31 — Бирск: 13-23 — погребение 130, 24-31 — погребение 123 (раскопки Н.А. Мажитова).

С. 120

Рис. 35. Украшения степной группы II в древностях Башкирии. 1-4 — Дежнево, курган 1, погребение 3 из раскопок М.Х. Садыковой (фонды Башкирского филиала АН СССР); 5-29, 33-36 — Бирск: 5-14 — погребение 165, 15-22 — погребение 156, 23-29 — погребение 111, 33-36 — погребение 88 (раскопки А.Н.[надо: Н.А.] Мажитова); 30-32 — Уфа, ул. Социалистическая, погребение (схема).

С. 121

Рис. 36. Инкрустированные украшения Северного Кавказа. 1, 2 — Пятигорск, могила 7 у горы Машук (раскопки

А.С. Уварова); 3-5 — Гижгид (фонды Нальчикского музея); 6 — Северный Кавказ; 7-9 — Дюрсо, погребение 490. С. 122

Рис. 37. Находки из станицы Преградная на р. Уруп и их аналогии. 1-21 — Преградная (19 — предположительный вид «двух рыб», упомянутых находчиками; 20, 21 — возможные варианты соединения накладок 4-8); 22-31 — Кугуль: 22-27 — склеп 3, 28-31 — склеп 5; 32 — Малое Перещепино; 33-35 — Белозерка; 36 — Суаргом, катакомба 11; 37-39 — узда из Ирана (Лувр); 40-44 — Мартыновка, клад. С. 123

Рис. 38. Украшения степной группы II из Чечено-Ингушетии. 1-7 — Харачой: 1, 2 — погребение 19, 3-7 — погребение 23; 8-22 — Галайты. С. 124

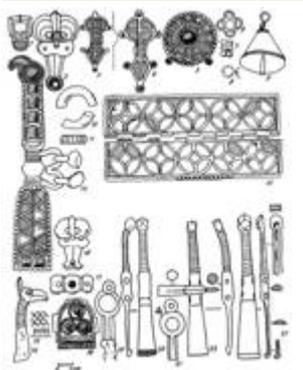

Рис. 39. Северокавказские и крымские находки. 1-13 - Куденетово, курган; 14, 15 — Керчь, 1905 г., склеп 6; 16-20 — Сахарная Головка, подбойное погребение; 21, 22 — Кумбулта (ГИМ); 23 — Кабардино-Балкария (Нальчикский музей). С. 125

Рис. 40. Северокавказские находки с поздними чешуйчатыми обкладками седел. 1-29 — Дюрсо, погребения лошадей 9 (1-3),

5 (4-6), 4 (7-17), 10 (18-24), 3 (25-29); 30 — Лермонтовская скала, могильник 1, катакомба 3; 31-36 — Мокрая Балка, катакомба 119 (раскопки А.П. Рунича).
С. 126

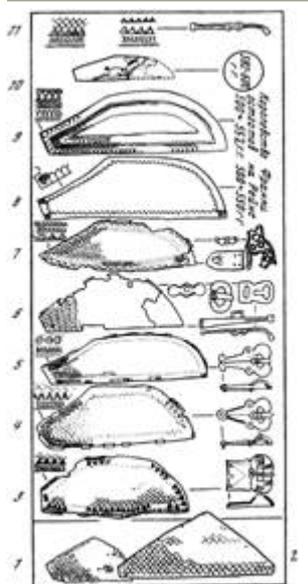

Рис. 41. Пластины сёдел степных групп I (1, 2) и II (3-11). 1 — Новогригорьевка, могила VIII; 2 — Мундольсхайм, Франция; — Шипово, курган 3; 4-6 — Дюрсо, погребения лошадей: — погребение 9, — погребение 5, — погребение 4; — Галайты; 8 — Крефельд-Геллеп, ФРГ; 9 — Равенна, Италия; 10 — Верхний Чирюрт, курган 17; 11 — Уфа, ул. Тукаева.
С. 127

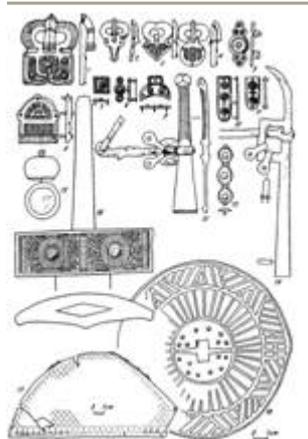

Рис. 42. Находки поздних форм из катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы (1-18).
С. 128

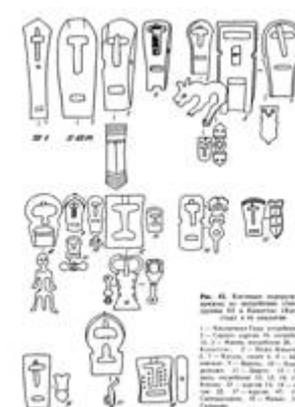
Рис. 43. Северокавказские древности степной группы III. 1-13 — Зеленокумск (по Н.А. Охонько и И.В. Отюцкому); 14-17 — городище Татарка (16, 17 — предположительно, по описанию).
С. 129

Рис. 44. Погребение воина степной группы III в Боровом, Казахстан (1-21).
С. 130

Рис. 45. Костяная подпружная пряжка из погребения степной группы III в Канаттас (Казахстан) и её аналогии. 1 — Часовенная Гора, погребение 3; 2 — Саркел, курган 19, погребение 15; 3 — Маняк, погребение 26; 4 — Канаттас; 5 — Ново-Биккино; 6, 7 — Кугуль, склеп 3; 8 — Айвазовское; 9 — Берель; 10 — Кушнаренково; 11 — Дюрсо; 12 — Азелино, погребение 12; 13, 14, 17 — Кокэль: 13 — курган 13; 14 — курган 22, 17 — курган 47; 15 — Сынтыштамак; 16 — Манас; 18 — Салихово.
С. 131

Список сокращений ^

- АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР
- АС — Археологический съезд
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- ВДИ — Вестник древней истории
- ГИМ — Государственный Исторический музей
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
- ИА — Институт археологии АН СССР
- ИАК — Известия Археологической комиссии

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института

КГПИ — Краснодарский государственный педагогический институт

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

МАД — Материалы по археологии Дагестана

МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии

МАК — Материалы по археологии Кавказа

МАО — Московское археологическое общество

МАР — Материалы по археологии России

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

ОАК — Отчёты Археологической комиссии

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

СГУ — Саратовский государственный университет

СНВИК — Саратовский Нижневолжский институт краеведения

СО НИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт

ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук

ААН — Acta archaeologia hungaricae

АЕ — Archaeologiai ertesitö

АН — Archaeologia hungarica

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua